

№ 5, декабрь 2012

ВЕСТНИК *Института* Социологии

www.vestnik.isras.ru

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**Профессионал
как субъект
социального действия**

**/Механизмы воспроизводства
профессионала как актора**

**/Типы гражданского участия
профессионалов**

**/Протестное движение
в России «нулевых»**

**/Новые концепты
социологии образования**

**/Предметное поле
социологии языка**

Международный редакционный совет

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН;

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН;

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ;

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета и заместитель директора по научной работе ИС РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик АН МНР, профессор, директор Академии управления МНР (Монголия).

Редакционная коллегия

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – д. филос. н., проф., Засл. деят. науки РФ ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – д. социол. н., ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – д. социол. н., доц., ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – к. полит. н., ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – ст. н. с., ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – к. социол. н., ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – к. э. н., ИС РАН;

ГОРБУНОВ В. В. – д. ист. н., ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – д. социол. н., проф., ИС РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – к. филос. н., ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – к. филос. н., ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – к. ист. н., ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д. социол. н., проф., ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – д. филос. н., проф., ИС РАН;

МАГУН В. С. – д. псих. н., ИС РАН;

МАРКИН В. В. – д. социол. н., проф., ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – к. ист. н., ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – к. социол. н., ИС РАН;

СОГОМОНОВ А. Ю. – к. ист. н., ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – д. ист. н., проф., ИС РАН.

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	6
Тема номера.	
Профессионал как субъект социального действия	12
<i>Аксёнова О. В.</i> К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия.....	12
<i>Яницкий О. Н.</i> Профессионал как социальный актор: случай или правило?	43
<i>Халий И. А.</i> Экологическое движение в Советском союзе: самоорганизация экологов-профессионалов	61
<i>Кульпин Э. С.</i> Жизнь и смерть В. В. Докучаева: экологический и индустриальный подходы в почвоведении.....	70
<i>Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г.</i> Коран в России: переводы и переводчики.....	81
<i>Рафалюк О. Е.</i> Русские писатели-модернисты и их влияние на религиозное мировоззрение общества (на рубеже XIX-XX веков).....	97
<i>Волков Ю. Г.</i> Возникновение и современное состояние российского креативного класса.....	109
<i>Аксёнова О. В.</i> Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики.....	121
Политические процессы.....	145
<i>Подгячев К. В.</i> Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика	145
Бизнес: культурные и политические аспекты	164
<i>Васьков М. А.</i> Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в контексте региональной социокультурной специфики	164
<i>Кудрявцева Ю. В.</i> Государственно-частное партнёрство при формировании государственной политики в области туризма: российский и зарубежный опыт	179
Социология образования: теоретические концепты ...	202
<i>Попова Е. С.</i> «Новые концепты» социологии образования: возникновение и проблемы операционализации.....	202
Язык и социальные трансформации.....	216
<i>Макушева М. О.</i> Предметное поле социологии языка....	216
<i>Егорова М. А.</i> Роль языкового аспекта в государствообразующем процессе: опыт Италии	229
Summary	240

Онлайн приложения

[Петухов В. В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние?](#)

[Ахиезер А. С. Проблема реформы и проблема архаизации](#)

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
«Вестника Института социологии»,
доктор социологических наук

Представляю номер

Тема данного номера – «Профессионал как субъект социального действия» – достаточно необычна, поскольку профессионал редко рассматривается социологами в такой роли по причине изолированности поля его деятельности, отгороженного от социальной реальности стандартами и должностными инструкциями, функциональной предопределенностью его действий. Однако результаты ряда исследований, часть из которых здесь представлена, показывают, что, по крайней мере, в российском обществе эти границы размыты и нечётки, а роль специалиста высокой квалификации оказалась значительно шире его узкопрофессиональной функции. В некоторых случаях **профессиональная активность трансформируется в активность гражданскую**, как это произошло, например, с биологами, создавшими природоохранное движение к концу 1960-х гг. В других – гражданским действием становится исполнение повседневных профессиональных обязанностей: врачи и учителя, продолжавшие работать во время длительных невыплат заработной платы в 1990-е годы, предотвращая полную социальную деградацию местных сообществ.

Это позволяет предположить, что **социально активная позиция специалиста** (или его роль как субъекта социального действия) **есть специфическое свойство российского профессионализма**, предопределённое постоянно меняющейся системой управления и встроенное в неё в качестве одного из необходимых ей элементов.

Действия профессионала-актора регулируются рядом установок и ценностей, которые не появляются в одночасье. Поэтому не менее **важной чертой российского профессионала является его историчность**. Его социальная активность показывает, что он не стал лишь частью импортированных технологических систем, исполняющей строго регламентированную функцию. Он сформирован традицией, которая сложилась до наступления эры советской индустриализации, была продол-

жена и развита в СССР и полностью не прервалась до сих пор. Невозможно поэтому изучить современного профессионала без анализа позиции его предшественника, в первую очередь, советского, а также без анализа исторических процессов формирования российского профессионализма.

Наконец, особо важным представляется **исследование механизмов воспроизводства профессионала как актора**, которые определяют его установки и ценности, а в итоге обеспечивают сохранение традиции при смене политических режимов и экономических систем.

Таким образом, тема профессионального активизма весьма актуальна, её некоторая экзотичность обусловлена, скорее всего, сложностью концептуализации самого явления. Социальный характер действий профессионала не позволяет ограничить анализ отраслевыми концепциями социологии профессий или управления, а специфика профессионального пространства не даёт возможности в полной мере использовать теории, предназначенные для исследования гражданского общества. Возникает **необходимость разработки методологического подхода**, который позволил бы изучить специфическое соединение профессионального и гражданского действия, превращающего высококлассного специалиста в актора, изменяющего своими действиями социальную реальность.

В статьях данной рубрики профессионал как субъект социального действия рассматривается в разных ракурсах и с различных позиций наблюдения, однако в них представлены все перечисленные выше взаимосвязанные аспекты анализа. Отметим, что в некоторых работах активизм профессионалов присутствует имплицитно, в связи с изучением иных социальных процессов. В итоге результаты собранных в рамках темы номера исследований дают достаточно целостное представление о проблемном поле анализа социальной активности профессионалов.

Попытка создания теоретико-методологического подхода к изучению активизма профессионалов предпринята в работе кандидата социологических наук [О. В. Аксёновой](#) (ИС РАН) [«К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия»](#). Автор рассматривает трансформации субъекта действия в сменяющих друг друга научных парадигмах. Особое внимание уделено концептуализации профессионального субъекта как элемента технологической системы, то есть как агента, выполняющего строго определённые функции, а также туреновской трактовке субъекта гражданского общества как актора, изменяющего своими действиями социальную реальность. В статье прослеживается тенденция колонизации технологической системой всего жизненного пространства социума, обнаруженная Ю. Хабермасом и Ж. Эллюлем. Показано, что формирующееся

технологическое общество нуждается одновременно в независимом акторе и в агенте-функции. Это противоречие снимается посредством усложнения системы и упрощения субъекта. По мнению автора, именно дихотомия «агент – актор» может служить в качестве отправного пункта для изучения активизма российских и советских профессионалов.

Гражданскому участию профессионалов посвящена статья профессора [О. Н. Яницкого](#) (ИС РАН) [«Профессионал как социальный актор: случай или правило?»](#). Социальная активность российских профессионалов рассматривается в исторической перспективе. Автор показывает, что гражданская ответственность традиционно свойственна российской интеллигенции, современное сотрудничество профессионалов с гражданскими инициативами есть продолжение «хождения в народ» демократов XIX века. В статье сформулированы основные типы гражданского участия профессионалов: от нейтральной экспертной поддержки до полной интеграции в общественные организации. Существует и обратная (точнее «встречная») тенденция: профессионализация гражданского общества. Активистская социология предполагающая непосредственное участие ученого в гражданском действии, по мнению автора, является мейнстримом социологии социальных изменений.

[И. А. Халий](#), доктор социологических наук (ИС РАН), в статье [«Экологическое движение в Советском союзе: самоорганизация экологов-профессионалов»](#) рассматривает создание Движения дружин охраны природы как одно из наиболее ярких проявлений социальной активности профессионалов. Автор показывает, что профессиональные установки студентов и преподавателей биологических факультетов советских университетов заставили их выйти за рамки чисто профессиональных целей и задач. Государственные структуры почти не занимались охраной дикой природы, для защиты экосистем специалисты были вынуждены сформировать общественное движение. В работе анализируются актуализированные ценности активистов-биологов, то есть ценности непосредственно определявшие их деятельность.

Три статьи номера посвящены становлению традиции российского профессионализма, основанной на универсальности и фундаментальности знаний, а также на сочетании профессиональной и гражданской ответственности.

В работе кандидата педагогических наук [Ю. А. Гаврилова](#) и старшего научного сотрудника [А. Г. Шевченко](#) (ИС РАН) [«Коран в России: переводы и переводчики»](#) прослеживается процесс формирования профессиональных принципов на примере переводов Корана на русский язык. Авторы показывают, что исторически профессионализация деятельности могла начаться с чисто случайного, любительского интереса (как это произошло с первыми переводами

священной книги в XVIII-XIX вв.), который реализовывали дипломаты и профессиональные военные. В статье рассматривается последовательное усложнение текста переводов, приближение его к арабскому источнику, возрастание профессиональных знаний и требований. Стоит обратить внимание на то, что самые первые переводчики-любители стремились точно следовать французским и английским текстам, которые только и были им доступны. Не менее важными являются и описания биографий переводчиков, большинство из которых активно занимались просветительской и общественной деятельностью.

Профессор Э. С. Кульпин (Институт востоковедения РАН) в статье «Жизнь и смерть В. В. Докучаева: экологический и индустриальный подходы в почвоведении» рассматривает драматическое столкновение идей в науке о почве. Тема важна уже потому, что тесно связана с развитием индустриального общества и распространением характерных для любого индустриализма истощительных методов природопользования. Противостоящая им деятельность В. В. Докучаева – яркий пример активизма, который одновременно является профессиональным и гражданским, требует силы воли, энергии, готовности следовать своим ценностям. Следует подчеркнуть, что противники Докучаева также были субъектами действия, убеждёнными в правоте своих профессиональных позиций, а становление российского индустриализма изначально осуществлялось посредством конфликтного, персонализированного взаимодействия.

Статья кандидата исторических наук О. Е. Рафалюк (Московский институт лингвистики) «Религиозная Реформация в России начала XX в.: проблема переоценки духовных ценностей» не связана непосредственно с деятельностью профессионалов, однако имеет самое прямое отношение к формированию их ценностей. В ней рассматривается понимание православных ценностей интеллектуальной элитой русского общества начала прошлого века, их неприятие идей атеизма, позитивизма, материализма, распространение которых сопровождало начало индустриальной эры в России. В то же время, они не принимали незыблемость ряда традиционных догматов, стремились объединить жизнь и религию, свободу и духовность. Писатели модернисты фактически начали диалог о путях сохранения ценностей любви, красоты и творчества в индустриальном обществе. С нашей точки зрения, это прерванное революцией обсуждение нельзя считать напрасным, указанные выше исследования показывают, что ценности российских профессионалов включили в себя всё перечисленное.

Особый интерес представляет статья профессора Ю. Г. Волкова «Возникновение и современное состояние российского креативного класса». Она посвящена современным социальным инновациям, которые должны были бы суще-

ственно трансформировать (если не ликвидировать полностью) традицию российского профессионализма, одной из важных характеристик которого является уникальность актора. Действующий субъект, согласно активистской концепции, не может быть массовым явлением, а исследуемый автором креативный класс многочислен по определению. Креативный класс не связан непосредственно с профессионализмом в его российской версии, так как работа в современных офисах и трудовая мобильность не требуют фундаментальных знаний. Однако в итоге автор возвращается именно к принципам и ценностям, традиционным для российского профессионала, полагая, что российский креативный класс ориентирован именно на восприятие и развитие колоссального культурного наследия страны в сочетании с технологическими инновациями. Таким образом, в начале XXI столетия модернизация может существенно трансформироваться российской традицией, точно так же, как это произошло в начале века XX.

О. В. Аксёнова в заключительной статье темы номера [«Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики»](#), используя методологический подход, сформулированный в статье [«Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики»](#), приходит к выводу о том, что советская индустриализация не сопровождалась колонизацией системой всей жизнедеятельности общества, несмотря на видимую тотальность системы управления, функционирование которой строилось на деятельности субъекта, обладающего независимостью именно в сфере принятия профессиональных решений. На основе анализа ценностей актора и механизмов их воспроизводства, гражданской роли профессионального активизма в советское время и в современной России на примере деятельности врачей, инженеров, учителей автор подчёркивает неразрывность профессионального и социокультурного воспроизводства.

Следующие за «Темой номера» рубрики наполнены **статьями молодых учёных**.

В рубрике «Политические процессы» кандидат политических наук К. В. Подъячев в статье [«Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика»](#) ставит вопрос о том, что методологически важнее изучать и что имеет большее значение в политических реалиях современной России – массовые протесты последних двух лет или масса протестных действий, осуществляющихся на протяжении многих лет по всей стране. Иными словами, стоит ли пренебрегать большим количеством протестных акций, многие из которых к тому же долговременные, только потому, что они не мобилизуют большое количество участников, но вовлекают лишь тех, чьи интересы в их ходе отстаиваются.

Рубрика «Бизнес: культурные и политические аспекты» содержит две тематически разные статьи. Статья доктора политических наук [М. А. Васькова «Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в контексте региональной социокультурной специфики»](#) рассматривает культурные аспекты современного бизнеса. Статья аспирантки РЭУ им. Г. В. Плеханова [Ю. В. Кудрявцевой «Государственно-частное партнёрство при формировании государственной политики в области туризма: российский и зарубежный опыт»](#) анализирует политические установки в государственном управлении бизнесом и взаимодействие государства и бизнеса как составной части политического процесса. Объединяет эти статьи сравнительный анализ российского и зарубежного опыта.

В фокусе статьи [«“Новые концепты” социологии образования: возникновение и проблемы операционализации» Е. С. Поповой](#), аспирантки ИС РАН, находятся аспекты возникновения и операционализации «новых концептов» науки, в частности, в языке описания социологии образования (рубрика «Социология образования: теоретические концепты»).

Наконец, в заключительной части номера размещена рубрика «Язык и социальные трансформации». Значимым представляется, что молодые учёные берутся осмысливать столь непростую тематику. Причём статья кандидата политических наук [М. О. Макушевой](#) (аспирант кафедры истории и теории социологии РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) [«Предметное поле социологии языка»](#), как видно из названия, претендует на концептуальный подход к предмету исследования. Статья [«Роль языкового аспекта в государствообразующем процессе: опыт Италии»](#) кандидата политических наук, старшего преподавателя РУДН [М. А. Егоровой](#) на примере относительно недавно сформировавшегося государства – Италии, рассматривает язык и как базу для формирования государства, и как возможную причину сепаратизма этноязыковых территорий.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия

Аннотация

Статья посвящена проблемам теоретико-методологического подхода к изучению российского (советского) актора, действующего в профессионально-управленческой сфере. Рассматриваются трансформации западного субъекта посредством анализа сменяющих друг друга его концептуальных интерпретаций, на этой основе предложен вариант теоретического инструментария для исследования российского актора-профессионала и пространства его действия.

Ключевые слова: действующий субъект, актор, агент, система, технология, разделение труда, рефлексия, ценности, нормы, принятие решений, модернити, постмодерн

Свободный от ограничений традиционного общества субъект, независимо принимающий решения и самостоятельно их осуществляющий, явно или неявно присутствует практически во всех направлениях социальной мысли Нового времени. Агрессивный эгоист Гоббса, капиталист и наёмный работник Маркса, аскетический предприниматель Вебера – во всех своих ипостасях он считался необходимым условием или предпосылкой возникновения современного общества и, одновременно, его результатом. Бурное развитие социальных движений в 1960-70 гг. сфокусировало внимание исследователей на субъекте гражданского общества. В этот период формулируется категория актора, который своей активностью изменяет окружающую его социальную реальность. Актор становится одним из ключевых элементов социологического дискурса, связанного с гражданским обществом в частности и с демократическим общественным устройством в целом. Складывается ряд устойчивых воззрений почти аксиоматического свойства на природу действующего субъекта и его роль в социальных трансформациях эпохи модерна и постмодерна. Так, его на-

личие становится своего рода индикатором модернизации в её значении разрушения институтов традиционного общественно-го устройства и перехода к его современной западной версии.

Утверждение об отсутствии актора в Советском Союзе и о его крайней слабости в современной России также приобрело характер аксиомы, оно практически не обсуждается и постулируется как основанное на очевидных фактах¹. В равной степени бесспорным считается существование актора в западном социуме, где он и был зафиксирован социологической наукой. Сложился круг своего рода констант, определяющих рамки изучения субъекта в России и направляющих его на поиск причин или условий воспроизводства индивида, не заинтересованного в свободе, ориентированного на сильную власть, склонного к патернализму.

В то же время, процессы социальной самоорганизации и её актор изучаются российскими социологами уже более двадцати лет. В конце 80-х гг. прошлого века появилось множество различных гражданских объединений, стремительно формировались и институционализировались массовые социальные движения – экологическое, рабочее, движение коренных малочисленных народов Севера. Гражданская активность не прекращалась в российских регионах даже в период экономической стагнации, последовавшей за распадом СССР, и кризисом конца 1990-х гг., оставаясь при этом своего рода социологической экзотикой, известной в основном тем, кто её изучает.

В данной статье представлена попытка создания теоретико-методологического подхода к изучению российского и советского действующего субъекта, позволяющего интерпретировать его позицию и роль в социуме.

Особенности российского действующего субъекта

Отправным пунктом для разработки теоретико-методологического подхода к анализу российского актора должны быть его особенные свойства, зафиксированные эмпирическими исследованиями [см.: 2-7]. Их можно обобщить следующим образом.

Во-первых, гражданские объединения, включая массовые движения, появились в советский период (конец 1980-х гг.) едва ли не мгновенно, после того, как были раз-

¹ Так, по мнению самого автора акционистской концепции А. Турена, невозможность формирования активного субъекта на уровне индивида является второй (после закрытости советского общества) причиной распада СССР: «Вторая причина распада Союза состоит в том, на мой взгляд, что он не позволял формироваться сильной независимой личности. Для этого не было ни стимулов, ни возможностей. Это наблюдалось уже в сфере образования и подготовки студентов. Только на путях диссидентства возможно было формирование сильной личности» [1, с. 44].

решены. Очевидно, что такой бурный процесс самоорганизации был бы невозможен без достаточного числа независимых и активных индивидов [см.: 3, 5], которые, следовательно, формировались и воспроизводились в советских условиях.

Во-вторых, в формировании гражданских объединений и движений важную (а в иных случаях и главную) роль играли профессионалы. Более того, во всех регионах и локальностях была обнаружена высокая активность профессионалов (учителей, врачей, инженеров, специалистов-экологов и др.). В основном она носила внутрiproфессиональный характер, то есть была направлена на сохранение своего дела и возможности его продолжать в условиях сокращения, а иногда и прекращения финансирования, на защиту фундаментальных основ профессии, которые трансформируются в результате реформ или экономического упадка отрасли, на реализацию профессиональных идей и т. п. В то же время чёткая грань между профессиональным и социальным аспектами действий специалистов отсутствует, наиболее наглядно это демонстрирует движение Дружин Охраны Природы (ДДОП), детально изученное и описанное в российской социологии в контексте анализа гражданского общества. Движение создано в конце 1960-х гг. студентами и преподавателями биологических факультетов, а в конце 1980-х стало ядром формирования советского и, позже, российского экологического движения [см.: 4, 5].

Активность профессионалов практически не зависит от экономических и политических изменений, наблюдается в депрессивных и в относительно благополучных регионах и локальностях. Она слабо связана с материальными интересами, а в иных случаях требует поиска дополнительных доходов. Актор-профессионал оказался стабилен во времени и в пространстве, менялись лишь формы его действий. Это дало основания предположить, что активизм российских профессионалов традиционен, имеет длительную историю, основан на базовых ценностях, которые медленнее всего поддаются влиянию экономических, социальных и политических перемен. В этом случае в отсутствие гражданского общества западного типа, именно профессиональная сфера в СССР могла быть полем действия актора. Целый ряд исследований подтверждает обоснованность такой гипотезы.

Дуглас Вайнер в книге «Заповедники в СССР. Архипелаг свободы» [6] показывает, что создатели ДДОП опирались на уже сложившуюся традицию. Развитие заповедного дела в его работе представлено как результат активистских усилий биологов-энтузиастов; однако само её название указывает на определённую обособленность ситуации, обусловленную удалённостью заповедников от власти, их превращение в своего рода убежища для действующего субъекта. Активность биологов в целом выглядела скорее как ещё одно исключение из правил,

наряду с движением диссидентов. Однако французские исследователи А. Блюм и М. Меспуле обнаружили самостоятельно действующего субъекта в одной из центральных и наиболее приближенных к власти структур – в статистическом управлении, причём в исторический период, тоталитарность которого почти общепризнана, а именно в 1930-е гг. [см.: 7].

Перечисленное даёт основание полагать, что утверждение об отсутствии в СССР условий для появления сильной, независимой личности ошибочно. Российский актер историчен, он не возник на пустом месте, но является новой формой проявления сложившегося в предшествующие эпохи субъекта действия, он в значительной мере является актером-профессионалом, сменившим или просто расширившим поле своей активности. В этой связи ключом к пониманию специфики российского субъекта, превращающей его в актера-невидимку, должен быть концептуальный подход, позволяющий обнаружить наличие (или отсутствие) условий появления актера в сфере управления жизнедеятельностью индустриального общества в целом и в советской профессионально-управленческой системе в частности.

Проблемы выбора теоретического подхода

Ситуация, в которой российский (и тем более – советский) актер остаётся невидимкой в научном дискурсе, несмотря на наличие эмпирических исследований, подтверждающих его существование, сама по себе парадоксальна, требует анализа и объяснения. Она может быть обусловлена множеством факторов, в числе которых устойчивое неприятие социальной активности властью, связанное с ним молчание СМИ, неизбежная ангажированность общественных наук и даже снобистское отношение к нему со стороны учёных. Как ни странно, именно это эмоционально окрашенное отрицание действующего субъекта может оказаться ключом к разгадке, так как объективно обусловлено его очевидными отличиями от эталонных западных образцов и связанной с этим сложностью интерпретации. В результате возникает феномен теоретической слепоты по отношению к актору, а его исследование становится научной экзотикой, изучающей специфические и редкие отклонения от нормы.

Категориальный аппарат общественных наук складывался на основе наблюдений за становлением западного индустриального общества от начала Нового времени до эпохи постмодерна, был предназначен для его изучения, менялся вслед за изменениями в своём предмете. Он, соответственно, должен быть достаточен для исследования процессов так называемой догоняющей модернизации, то есть преобразования традици-

Ситуация, в которой российский (и тем более – советский) актер остаётся невидимкой в научном дискурсе, несмотря на наличие эмпирических исследований, подтверждающих его существование, сама по себе парадоксальна. Возникает феномен теоретической слепоты по отношению к актору, а его исследование становится научной экзотикой, изучающей специфические и редкие отклонения от нормы.

онного общества в общество современное (капиталистическое, индустриальное и т. п.). Но даже они могут оказаться незамеченными, если не учитывать временной лаг и использовать только новые социологические подходы. Современность в социологии обусловлена, с нашей точки зрения, не столько совершенствованием инструментов рефлексии, сколько изменчивостью объекта и предмета.

Есть и другой, более сложный вопрос: имеем ли мы дело только лишь с догоняющим развитием, с некоторой задержкой модернизации или с её иной версией? Можно ли измерять развитие российского индустриализма лишь при помощи шкалы «традиция – модернизи – постмодерн», интерпретируя как архаику всё, что не укладывается в западный вариант современности¹?

Исходным пунктом российского транзита было вовсе не родовое или феодальное общество, но институты, структуры, ценности, механизмы воспроизводства и т. п., сложившиеся за период советской индустриализации, которая осуществлялась посредством разрушения традиционного общества. Поэтому категория «традиции» как регулятор жизнедеятельности до-индустриальных общественных укладов, по меньшей мере, недостаточна для анализа субъекта, обеспечивавшего научно-технический прогресс, так как она не содержит в себе социокультурных или экономических механизмов прогрессивного (линейного) развития. Существует, однако, почти общепринятая интерпретация произошедших после 1917 г. изменений именно как возврата к традиции². Она выявляет и подчёркивает свойства советской социальной системы, которые выглядят традиционными: сосредоточение всего управления в руках КПСС, отстранение народа от участия в принятии решений, формирование некоего аналога сословной структуры общества. Эта трактовка фиксирует отличие между двумя вариантами индустриального общества, что само по себе важно. Но для объяснения выявленного активизма профессионалов она не подходит, напротив, с её помощью много легче обосновать утверждение о пассивности всех советских, а затем и российских граждан.

¹ Например, российские ценности интерпретируются как традиционные по отношению к новым либеральным и «общечеловеческим» [см.: 8, с. 32-39].

² Н. И. Лапин в частности указывает: «Три массовые революции начала XX в. и гражданская война 1918-1922 гг. взбудоражили и изменили социальные устои России: ликвидация частной собственности означала уничтожение основ гражданского общества, максимальную этатизацию советского общества, подчинение всего производства государству, государственных структур – влиянию КПСС. В итоге – тотальное отчуждение человека: от участия в управлении, от результатов своего труда, от правдивой информации, от личной безопасности. Произошёл возврат от начавшейся либерализации антропосоциетального соответствия к крайней, давно не наблюдавшейся его традиционализации [см.: 8, с. 32-39].»

Мы исходим из предпосылки, которая представляется очевидной: исходный и конечный пункты российской модернизации как движения от традиции к современности неизвестны. Будущее в любом случае может лишь прогнозироваться с различной степенью определённости и обоснованности. Но и прошлое в данном случае не определено. Утверждение о традиционности советского общества может быть не более чем научно обоснованным предположением по причине отсутствия систематических исследований исчезнувшего предмета. В этой связи допустимы и иные гипотезы, в том числе и о наличии в СССР особой модернизационной модели¹. Следовательно, допустимо предположить возникновение инновационных изменений, которые не обязательно являются элементами западного варианта современности.

Отметим, что осмысление различий между западными и российскими социальными процессами долгое время происходило в области около- и квазинаучных спекуляций о духовности или об особом пути России, а также в сфере художественных интерпретаций. Благодаря этому мы располагаем именно тем категориальным и объяснительным аппаратом, который сложился в социологии к сегодняшнему дню. Современная российская социология с его помощью ищет подходы к объяснению отечественных тенденций общественного развития, подбирая наиболее адекватные предмету комбинации понятий и концепций, корректируя их на основе сравнения российских и западных процессов и явлений [см.: 10, 11]. Например, сопоставление западной и российской версий свободы как институционально ограниченной свободы выбора и не лимитируемой ничем воли (или своеволия) является, с нашей точки зрения, спорным, однако методологически оно позволяет сделать российские особенности предметом научного осмысления, даёт возможность обнаружить и проанализировать различия, казавшиеся едва ли не мистическими.

Метод сравнения представляется оптимальным и для анализа действующего субъекта, однако при его использовании возникает ряд достаточно серьёзных трудностей. Прежде всего, необходимо учитывать тот факт, что неизменных во времени констант в социуме нет. Применительно к нашему случаю, нет классического актора, раз и навсегда сформировавшегося, но есть процесс его постоянных трансформаций. Для того чтобы их выявить, требуется исследование обширнейших объемов эмпирических данных, касающихся западного субъекта действия, что для российского социолога невозможно

¹ Например, согласно позиции, представленной, в том числе в трудах Ю. А. Левады, инновация начинается с изменений в технологиях, зарождается рядом с традицией и в итоге меняет традиционные институты [см.: 5; 9, с. 21]. Технологические изменения в СССР не требуют доказательств, являясь данностью, следовательно можно предположить наличие институциональных трансформаций. Их отличия от западных («классических») также достаточно очевидны. Остаётся лишь выяснить, каково содержание этих изменений.

даже гипотетически. По этой причине мы исходили из того, что изменения, происходящие с актором, неизбежно в той или иной форме отражаются в сменяющихся друг друга научных парадигмах. Необходимо, поэтому, понять, как менялись представления о позиции субъекта в социальной целостности¹, каким образом в этой связи менялась трактовка его имманентных качеств, включая его независимость, способность к рефлексии, свободу принятия решения и т. п.

Следующая сложность заключается в том, что сама категория актора сформулирована на основе изучения субъекта гражданского общества, а нашим предметом является субъект, изначально действовавший в профессионально-управленческой сфере, которая никогда не рассматривалась как подходящее поле для действий актора. Но стремительное превращение советского актора-профессионала в актора гражданского общества в конце 1980-х гг. свидетельствует об отсутствии непроницаемых границ между пространствами профессионального и гражданского действия. Но тогда необходим теоретический инструмент, позволяющий обнаружить их взаимосвязь. По этой причине нужно было рассмотреть достаточно широкие трактовки независимого субъекта, концепции актора, действующего в гражданском обществе, и теоретические обобщения исследований субъекта системы управления.

Однако использование многочисленных теорий управления и менеджмента осложняется тем, что в них субъект, его качества и его позиция имеют значение лишь в связи с повышением эффективности действия системы или с обеспечением её безопасности. С их помощью невозможно выяснить, каким образом сама система влияет на включённого в неё актора. Поэтому основное внимание было уделено концепциям, обобщающим результаты социологических исследований в области науки и технологии (science and technology studies). Их объект в значительной степени совпадает с объектом социологии управления и представляет собой сферу действия едва ли не большинства профессионалов, так как включает в себя технологические и организационные системы промышленности, транспорта, жизнеобеспечения и т. п. В этих теориях рассматривается, в том числе, воздействие технологий на человеческую деятельность и её субъекта (индивидуального и коллективного), а в итоге – влияние этих изменений на систему социальную.

¹ Ален Турен: «Надо, таким образом, отказаться от иллюзорных попыток анализировать действующие лица вне всякого отношения к общественной системе или, наоборот, от описания системы без действующих лиц» [12, с. 6].

Колонизация жизненного пространства

Как ни странно, при всей изначальной общепризнанной значимости свободного субъекта в становлении капитализма, в теоретических обобщениях он не играл ключевой роли, подчиняясь неумолимым законам исторического развития, которые и были предметом анализа и дискуссий общественной мысли XIX и начала XX вв. Классическая социология XX в. позиции субъекта не изменила, сделав приоритетной и доминирующей категорию системы.

Понятие системы возникло в 1920-е гг., в общественных науках получило распространение в 1950-е. Научные концепции и новые категории имеют обратное действие, в том смысле, что используются для анализа исторически весьма отдалённых от их появления процессов. Понимание того факта, что целое есть нечто большее, чем сумма составляющих его элементов, и что каждый из этих элементов обладает функцией, обеспечивающей его сохранение, оказалось применимым практически к любой целостности, будь то, к примеру, средневековый город или современный мегаполис. При ближайшем рассмотрении степень и характер «системности» варьируются в широком диапазоне. Функции отдельных элементов социальной или политической системы могут исполняться лишь опосредованно и в конечном счёте. Субъекты могут иметь собственные цели, определяемые интересами и ценностями. Но их функциональность может быть также заданной, предписанной и формализованной, как это происходит в системе управления.

Социологическая теория второй половины XX в. системно ориентирована и почти безсубъектна: «Это холодный мир, из которого исключено действующее лицо со всеми его верованиями, проектами, общественными отношениями, с его способностью к чисто социальному действию» [12, с. 8]. В этом мире актор и его действия редуцированы до роли и функции, а взаимодействия – до норм и правил, их активность ограничена конструкциями структур и требованиями системы. Одновременно со структурным функционализмом Т. Парсонса и Р. Мёртона, различными вариантами системных концепций в социологии и политологии появляются теории институтов, понимаемых как структуры (Р. Коуз) или как нормы и правила действий и взаимодействий (Д. Норт). В обоих случаях взаимодействия сведены до выявленной исследователями схемы. Разрабатываются модели сетей связей, соединяют точечных абстрактных субъектов друг с другом и т. п.

При всей изначальной общепризнанной значимости свободного субъекта в становлении капитализма, в теоретических обобщениях он не играл ключевой роли, подчиняясь неумолимым законам исторического развития, которые и были предметом анализа и дискуссий общественной мысли XIX и начала XX вв. Классическая социология XX в. позиции субъекта не изменила, сделав приоритетной и доминирующей категорию системы.

Такая формализация социальной, политической и культурной реальности, разумеется, есть результат научного абстрагирования, позволившего обнаружить конструкцию общественного устройства. В то же время она свидетельствует о наличии неких процессов, эту конструкцию обнаживших. Наиболее очевидными её элементы становятся в управлении, которое превращается в формализованную систему по мере индустриального развития и усложнения производства. Система делает это производство управляемым, контролируемым, а в итоге – эффективным. Рационализация, чёткое определение функций и выстраивание схем взаимодействий непосредственно в менеджменте (управлении персоналом) позволяет справиться с нарастающей сложностью внутренних взаимосвязей элементов развивающейся индустрии. Классические теории управления также строятся на представлениях о возможности предельной рационализации, а значит упрощения человеческих взаимоотношений внутри системы, при этом сама система постоянно усложняется [см.: 13, с. 40].

На определённом этапе развития модернити, следовавшем за бурными институциональными переменами 1960-70-х гг., ряд социологов обнаруживает системную простоту уже не внутри сферы управления и не в абстракциях холодного мира системных теорий, а непосредственно в социальной реальности, когда сложные человеческие взаимодействия упрощаются до схемы и функции. Но прежде отметим, что шестидесятые годы прошлого столетия имеют для общества и для научных представлений о нём особое значение [см.: 14, с. 567 и далее]. Происходил слом старых правил, одновременно существовало множество различных тенденций развития общества, соответственно, их исследований и теоретических интерпретаций.

Одной из тенденций, зародившейся в шестидесятых, стало формирование новой, экологически ориентированной системы ценностей, смещающей человека с его позиции царя природы. Социологи изучили и зафиксировали этот ценностный сдвиг как новую экологическую парадигму, вытесняющую парадигму антропоцентрическую [см.: 15, с. 41-49]. Однако уже в середине 1990-х гг. С. Лэш пишет о том, что, вопреки ожиданиям и надеждам, смены системы ценностей не произошло, новая экологическая парадигма так и не сложилась, а доминирующей постепенно становится «инструменталистская, менеджерская, стандартизирующая парадигма, лишённая человеческого смысла» [16, с. 5]. Тот же автор современную ему стадию модернити обозначает как «лишённый культурного содержания технократический модернизм» [16, с. 5].

По определению Ю. Хабермаса, происходит колонизация системой всего пространства жизнедеятельности общества за счёт расширения формально организованных сфер действий

На определённом этапе развития модернити, следовавшем за бурными институциональными переменами 1960-70-х гг., ряд социологов обнаруживает системную простоту уже не внутри сферы управления и не в абстракциях холодного мира системных теорий, а непосредственно в социальной реальности, когда сложные человеческие взаимодействия упрощаются до схемы и функции.

и за счёт связи подсистем между собой: «Эти процессы всегда были составной частью процесса капиталистической модернизации; исторически они успешно преодолевали защитные барьеры затрагиваемых ими сфер в тех случаях, когда речь шла о перемещении материального воспроизводства жизненного мира в формально организованные сферы действия» [17, с. 132]. «Жизненный мир» Хабермаса противостоит системе. Пространство мыслей, чувств, переживаний, быта и досуга, в котором выстраиваются целостные представления человека об окружающей его действительности и о мире в целом, всегда было, по мнению учёного, частным, неприкосновенным, независимым.

Хабермас полагал, что символическое воспроизводство жизненного мира дольше всех удерживает линию фронта между собой и системой. Однако и этот бастион преодолевается посредством фрагментации сознания, которая не даёт возможности человеку создать целостную картину мира: «Только таким образом выполняются условия *колонизации жизненного мира*: императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоёвывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину, позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок» [17, с. 136].

Происходит, таким образом, процесс «менеджеризации» социума, превращение в систему управления всех сфер его жизнедеятельности, а значит их подчинение системным требованиям. Подчеркнём, что в данном случае речь идёт о системе с определёнными (предписанными), жёстко зафиксированными функциями и формализованными взаимодействиями.

Жак Эллюль, концепция которого подробно анализируется ниже, рассматривает схематизацию социальных отношений, вымывание из них культурных составляющих как наиболее серьёзную угрозу свободе человека, и даже его человеческой, социальной природе. Отметим, что алармизм – понятие оценочное. Ф. Фукуяма, к примеру, практически не расходится в своих выводах с наблюдениями С. Лэша и обобщениями Ж. Эллюля, однако принимает данное направление развития общества как в гегелевском смысле разумное, то есть объективно обусловленное, закономерное и неизбежное. Тем не менее, различия между трактовками происходящих изменений разными учёными не сводимы к их одобрению или отрицанию. Эти различия содержательны и едва ли не радикальны, а, следовательно, их рассмотрение и сопоставление важно для понимания реального положения вещей.

По определению Ю. Хабермаса, происходит колонизация системой всего пространства жизнедеятельности общества за счёт расширения формально организованных сфер действий и за счёт связи подсистем между собой.

От системы управления к системе технологий

Господство технологий в настоящее время есть факт очевидный на уровне бытового сознания, а термин «технология» используется применительно к любой деятельности человека. Ж. Эллюль в отличие от Ю. Хабермаса считал успешным колонизатором не систему, но технологии. По его мнению, социум в эпоху постмодерна превращается в технологическую систему и отличия её от системы управления времён модернити, породившей холодный мир системных теорий, существенны, если не радикальны.

Технология как чётко определённая последовательность операций, направленная на достижение какой-либо цели, возникла вместе с человеком разумным. Изготовление и использование палки-копалки, добыча огня трением и прочее являются технологиями, равно как обряды и ритуалы. Технология развивалась вместе с развитием производства. Её определение как совокупности способов обработки и переработки сырья и материалов, предполагающих строгую последовательность операций, одинаково подходит для мануфактуры и для современного предприятия.

Разница между прошлым и настоящим заключается в роли технологии, которая на определённом этапе развития промышленности становится доминирующей. Машина долго оставалась воплощением производительных сил Нового времени, его символом. Луддиты заблуждались относительно своего главного врага, но их наивность была объективно обусловлена реальной значимостью машины в процессе труда. Во второй половине XX в. главным становится не механизм, но последовательность действий, соединяющая все узкоспециализированные элементы в единый производственный процесс, то есть технология. При этом простое действие работника парадоксальным образом приобретает гораздо большую значимость, чем труд мастера, производящего достаточно сложные операции на старых станках. Ошибка мастера приводит к остановке всего лишь одной машины, ошибка оператора – к разрушению всей технологической цепочки. Это означает, что операция должна выполняться чётко и одним единственным, строго определённым способом. Для человека технология есть пошаговая инструкция, от которой он не может отступить. Норма, стандарт или правило могут быть лишь ограничительными рамками. Инструкция определяет каждое движение, не допуская отклонений. Действия субъекта (человека, бригады, департамента, любой структуры) запрограммированы точно так же, как запрограммированы действия компьютера.

Ж. Эллюль в отличие от Ю. Хабермаса считал успешным колонизатором не систему, но технологии. По его мнению, социум в эпоху постмодерна превращается в технологическую систему, и отличия её от системы управления времён модернити существенны, если не радикальны.

Технологические цепочки взаимосвязаны, соединяются между собой в системы, а в итоге вся сфера промышленного производства трансформируется в технологическую систему, точнее – в систему технологий, состоящую из множества переплетённых между собой процедур. В этой системе снижается роль централизованного управления, когда принятие решений и контроль за их исполнением требуют единого управляющего. Потребность в иерархии также ослабевает, поскольку технология определяет последовательность действий заранее. Ярким примером неиерархичности технологий может быть организация акций в социальных сетях интернет [см.: 18]. В них отсутствует лидер, по крайней мере, отсутствует на месте осуществления разнообразных флэш-монов: каждый из участников знает, какие действия и в какой последовательности он должен исполнять.

Эта новая, гибкая система, схожая по своей сложности скорее с организмом, нежели с механизмом, требует обмена информацией в больших объёмах для выполнения множества переплетающихся, взаимосвязанных программ. Информация должна быть автоматизирована и децентрализована, что сделало неизбежным появление и внедрение компьютера, предназначенного для того, чтобы связывать между собой множество ранее разрозненных технологических subsystem. В итоге возникает удивительный феномен информационного, постиндустриального общества, которое при этом не перестаёт быть потребительским.

Особенность технологии в её экспансионистском характере: технологическая система стремительно превращается в систему тотальную, включающую в себя области человеческой деятельности, находящейся далеко за её пределами: «Проблема заключается в том, что технологическая специализация ведёт за собой тотализацию. Сведение каждого целостного действия к серии простых операций, неограниченный рост приложения технологий, у которого нет причин останавливаться, принесут дисперсную, дикую бессвязность, если одновременно не произойдёт соединение всех фрагментированных технологий. Это соединение создаёт тотализацию технологических операций, охватывающую все технологии, содержащиеся во всех сферах жизни и деятельности. Возникает ансамбль, стремящийся к целостности. Таким образом, тотализация – это обратная сторона специализации» [19, с. 200].

Технологии в результате проникают и в хабермасовское символическое воспроизводство жизненного мира, интегрируя его в тотальную технологическую систему. Именно технология становится источником фрагментации сознания, так как строится на глубокой специализации любой деятельности человека, включая творческую и исследовательскую.

Особенность технологии в её экспансионистском характере: технологическая система стремительно превращается в систему тотальную, включающую в себя области человеческой деятельности, находящейся далеко за её пределами.

Социальная самоорганизация, то есть процесс формирования структур гражданского общества, также становится технологической. Она осуществляется в соответствии с определённым набором технологий и формулирует свой опыт как технологию, то есть как заданную последовательность шагов. Разумеется, обмен опытом всегда означал передачу некоторого алгоритма действий, но ранее, до наступления эры технологий, этот алгоритм требовал осмысления и сопоставления множества параметров, условий, ситуаций. Чужой опыт был скорее информацией к размышлению. В эпоху технологий опыт становится ещё одной пошаговой инструкцией, алгоритмом в его почти математическом виде, очищенном от социального и культурного содержания.

В настоящее время словосочетание «технологии действий» общественных организаций стало устойчивым, не требующим дополнительных объяснений, равно как и «политические технологии». Самоорганизация, таким образом, сводится к набору легко тиражируемых процедур, обеспечивающих и регулирующих её спонтанность. Она становится предметом социологии управления, ранее занимавшейся анализом систем, содержащих субъект управления, каковым являлось государство или компания. Редукционизм является имманентным свойством технологической экспансии эпохи постмодерна, проникающей во все сферы жизнедеятельности общества, включая самые интимные¹.

Колонизация технологиями бытовой сферы не сводится к наполнению её многообразными устройствами, облегчающими жизнь человека и обеспечивающими его комфорт, или множеством гаджетов, позволяющих занять свободное время, и т. п. Использование всех этих устройств основано на инструкции, а, следовательно, оно дополняет и расширяет запрограммированное пространство жизнедеятельности человека. Опять же можно утверждать, что последовательность действий крестьянина была также задана сельскохозяйственными и природными циклами, что дойка коровы на рассвете и на закате, весенняя посевная и т. п. суть элементы программы. Разница заключается в том, что действия человека, зависящего от природной среды, не могли быть запрограммированы целиком и полностью, поскольку в ней неизбежны неожиданности, которые невозможно предусмотреть. Чтобы противостоять им, необходимы не пошаговые инструкции, но опыт, знание, интуиция, всё, что невозможно свести к чётко определённому набору действий. Насыщенность жизненной среды человека новейшими технологиями требует лишь стро-

¹ Ж. Эллюль: «Мы публикуем пособия, как научить «делать любовь», с диаграммами и инструкциями. Секс редуцирован до смешного ассортимента механических процедур» [19, с. 174].

того исполнения инструкций, их сложность иллюзорна, обусловлена скорее числом программ и действий, неизвестных параметров в них не содержится.

Результатом технологической экспансии становится запрограммированная среда всей жизнедеятельности человека. Это означает, что он более не должен принимать решения в неожиданной для него ситуации, он также не должен изменять природу, чтобы жить и создавать хотя бы минимальный комфорт. Он свободен от множества ограничений и зависимостей традиционного общества. В то же время его независимость, свобода действий, необходимость и потребность в знаниях и рефлексии в такой среде не очевидны. Очевидно, однако, что реальность, которую обозначают все перечисленные категории, должна каким-то образом измениться.

Человек в технологической среде: особенности рефлексии, свободы и идентичности

Согласно концепции Ж. Эллюля, любая система, в которой доминирует технология, обладает автоматизмом, обеспечивающем её саморазвитие (самоувеличение). Внутренняя логика воспроизводства любой технологической системы заключается в том, что внедрение новых технологий осуществляется в соответствии с выбором, сделанным предыдущими технологиями. Отклонить её результаты невозможно, или, по крайней мере, очень сложно. Человек, являясь обязательной и неотъемлемой составляющей этой системы, участвует в её развитии, но его роль не является творческой. Его действия обусловлены, детерминированы и предопределены. Человек может выбирать лучшую технологию, но выбор диктуется результатами предшествующего развития, оценкой их эффективности, низкозатратности и т. п. Более того, сама оценка предшествующего развития технологична, так как не только её критерии, но и её шаги определены.

Отметим, что пусковой механизм экспансии и автоматическое расширение технологий в рассматриваемом нами случае не имеет решающего значения. Можно абстрагироваться от влияния на экспансию технологий формирования потребительского общества или, к примеру, развёртывания марксова диалектического единства производительных сил и производственных отношений. Для нашего анализа важен вывод Эллюля о том, что качественно новым элементом развития данного противоречивого единства является технология, порождающая технологию. Это означает, что ответ общества на проблемы любого происхождения будет очередной технологией.

Внутренняя логика воспроизводства любой технологической системы заключается в том, что внедрение новых технологий осуществляется в соответствии с выбором, сделанным предыдущими технологиями. Отклонить её результаты невозможно, или, по крайней мере, очень сложно.

Этот процесс радикально меняет сущность категории «рефлексия», которая, в сочетании с понятиями информации и знания, содержится во многих определениях современной стадии модернизации. Постмодерн характеризовался как информационное общество, экономика знания и, наконец, как рефлексивная модернизация. Согласно Э. Гидденсу, она понимается как постоянное переосмысление, переоценка и соответствующая трансформация всех институтов модернизи [см.: 20]. Рефлексия, по Гидденсу, перестала быть уделом избранных социальных групп, в неё вовлечены практически все субъекты современного общества.

Отметим, что для наших соотечественников вне зависимости от того, учёный он или простой обыватель, до сих пор категория «рефлексия» связана с осмыслением, рассуждением и пониманием её предмета, знанием внутреннего устройства последнего. Но технология предъявляет к рефлексии несколько иные требования. В технологической системе главным становится минимизация риска ошибки со стороны оператора (неважно, является ли он рабочим, управляющим, программистом). От точности исполнения его функции зависит работа всей технологической цепочки, а в итоге и системы в целом. Рефлексия в этом процессе более чем неуместна, она опасна, поскольку увеличивает риск неверного соблюдения или несоблюдения инструкции. Обучение работника направлено на заучивание и выполнение элементов определённого алгоритма и мало чем отличается от программирования компьютера. Требования к образованию, которые предъявляет такой тип организации труда вне зависимости от сферы деятельности, достаточно очевидны. Высококвалифицированный специалист должен знать всю технологическую цепочку или уметь выбирать между технологиями (точнее, владеть технологией выбора).

Рефлексия данного вида бинарна и дискретна, она строится на утверждениях, а не на объяснениях причинно-следственных связей, каждый её шаг требует выбора между «да» или «нет» и полностью исключает диалектику, предполагающую союз «и» между ними. Поначалу, она охватывает производство и управление, точнее цикл менеджмента, который состоит из планирования, реализации и оценки результатов. Собственно выявленная Э. Гидденсом рефлексивность по поводу всего нового и по поводу самой рефлексии есть не более чем оценка эффективности функционирования технологии. В этом смысле она действительно тотальна и всеобъемлюща.

Такая же сущностная трансформация происходит и с категорией свободы. Позиция субъекта в любой технологической системе детерминирована уже по причине крайне узкой специализации его деятельности. Свобода от личной и экономической зависимости, свобода выбора (политического и потре-

Собственно выявленная Э. Гидденсом рефлексивность по поводу всего нового и по поводу самой рефлексии есть не более чем оценка эффективности функционирования технологии.

бительского), свобода принятия решений, свобода в любом варианте предполагала наличие институциональных ограничений (норм, правил, процедур, и т. п.). Но эти ограничения оставались, во-первых, внешними по отношению к субъекту, во-вторых, действовали внутри определённой (экономической, социальной, политической) системы, за её пределами субъект им не подчинялся.

Действия субъекта в технологическом обществе требуют чёткого владения инструкцией. Нужно отметить, что интериоризация внешних правил возникла, по крайней мере, вместе с человеческим обществом, однако технология меняет роль этого механизма, программируя его выбор и принятие решений: «Формальные институты власти в западном обществе связаны большим количеством ограничений, и это даёт человеку ощущение «свободы» от всякого внешнего контроля. На самом деле контроль осуществляется по-прежнему, он даже усиливается, так как теперь человек контролируется не «снаружи», но «изнутри», он как бы запрограммирован всем своим воспитанием на следование тем или иным правилам поведения. В результате, если против внешнего контроля почти всегда, рано или поздно, происходит восстание, то внутренняя несвобода, как правило, не осознаётся» [21, с. 43-44]. Формальные институты в политической сфере призваны обеспечить свободу выбора и контроль над властью: «Альтернативой непрекращающейся борьбе за власть и случайному выбору диктатора являются всё более формализуемые и институционализированные процедуры выбора новых лидеров и правила проверки. Если такие процедуры смены лидера существуют, то авторы плохой политики могут быть устранены от власти без свержения самой системы» [22, с. 539]. Однако итог их эволюции от нормы к технологии выборов противоположен. «Плохого» политика уже невозможно определить, тем более что запрограммированный характер рефлексии ограничивает возможности критической оценки.

Но если утрата свободы всё-таки ощущалась людьми, сформировавшимися в иную эпоху, то её причина была неочевидна ещё в большей степени, чем причина утраты рабочих мест во времена луддитов. Гибкая и децентрализованная технологическая система скрывает саму системность, так как обнаружить строгую функциональность во множестве разнообразных организаций, структур и взаимодействий в кажущейся хаотичности их проявлений крайне сложно.

Технологическая система, описанная Ж. Эллюлем, выглядит непобедимой, она развивается, поглощая всё новые пространства, не оставляя субъекту выбора иной модели развития и ликвидируя или маргинализируя критическую рефлексию с её альтернативными версиями модернизации. В интерпретации Фрэнсиса Фукуямы это общество конца истории, то

Гибкая и децентрализованная технологическая система скрывает саму системность, так как обнаружить строгую функциональность во множестве разнообразных организаций, структур и взаимодействий в кажущейся хаотичности их проявлений крайне сложно.

есть, нравится это кому-либо или нет, это самый совершенный из существовавших в истории миров [см.: 22, с. 539]. В нём отсутствуют противоречия, которые являются источником развития и исторических перемен. Новая система децентрализована, гибка, саморегулируема, адаптивна и т. п.

Однако анализ теорий среднего уровня и прикладных исследований технологической системы выявляет лежащее в её основании противоречие, которое ставит под сомнение финальное запрограммированное «совершенство» нового мира и возможность конца истории.

В 1980-е гг. американский социолог Ч. Перроу, специализирующийся на социологии организаций и исследованиях в области науки и технологии, произвёл детальный анализ ряда аварий, включая аварию на американской атомной станции Три Майл Айленд в 1973 г., и пришёл к заключению, что виновником катастроф являются сложные технологии как таковые. Системная авария в сложных технологических системах неизбежна, непредсказуема, её вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов системы. Любое её усложнение, в том числе за счёт технологий минимизации риска аварии, приводит к повышению вероятности этой аварии, развитие технологий безопасности неизбежно увеличивает опасность.

Ч. Перроу на основе достаточно частного, прикладного анализа катастроф в промышленных системах формулирует противоречие, выходящее, с нашей точки зрения, за рамки отраслевого исследования: «Системы высокого риска имеют двойное пенальти: поскольку системная авария происходит по причине загадочного взаимодействия сбоев, оператор, работающий в системе, должен быть способен принимать самостоятельные и подчас творческие решения. Но поскольку элементы системы тесно связаны друг с другом, контроль над действиями оператора должен быть централизован, так как у него слишком мало времени для того, чтобы проверять всё и знать, что происходит в других частях системы. Оператор должен выполнять собственные обязанности; плотная взаимосвязь означает жёстко предписанные шаги, последовательность которых не может быть изменена. Но система не может быть децентрализована и централизована одновременно, в этом случае мы будем иметь организационного Тяни-Толкая из историй о докторе Дуллитле, который пытается идти в противоположные стороны» [23, с. 10].

Ульрих Бек выводит понятие системной аварии за узкие рамки функционирования промышленных технологических систем, определив современное общество как общество риска, являющегося всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым [см.: 24]. Риск требует от общества управляемости и прозрачности, то есть, требует усиления программируемости всего

Системная авария в сложных технологических системах неизбежна, непредсказуема, её вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов системы.

У. Бек выводит понятие системной аварии за узкие рамки функционирования промышленных технологических систем, определив современное общество как общество риска, являющегося всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым. Риск требует от общества управляемости и прозрачности, то есть, усиления программируемости всего общества и действий отдельного субъекта.

общества и действий отдельного субъекта, когда в условиях неизбежной катастрофы нужны будут иные качества. «Двойное пенальти» Перроу воспроизводится, таким образом, на уровне социума в целом.

Упрощение субъекта деятельности (индивидуального и коллективного) как наиболее сложного и непредсказуемого элемента системы логично, но тогда не будет и того, кто способен принимать творческие решения. Эта проблема компенсируется децентрализацией и увеличением гибкости системы, которая осуществляется посредством усложнения программ действий и взаимодействий, а в обществе в целом также и посредством включения в неё процессов самоорганизации, программированием действий ранее независимых субъектов. Однако проблема заключается в том, что катастрофическое развитие событий не поддаётся программированию, оно по определению непредсказуемо и некалькулируемо, следовательно, умножение и усложнение инструкций не позволит решить проблему, которая, в свою очередь, не поддаётся интерпретации в рамках бинарной рефлексии, использующей готовые программные элементы.

Эволюция актора от Турена до Лятура

Акционистский подход Алана Турена был создан на основе анализа новых социальных движений, возникших в 1960-е гг. Вне зависимости от версий происхождения «феномена шестидесятых» этот период является признанным временем перемен, институциональных и ценностных [см.: 14, с. 567 и далее], а изменение правил, ролей и функций означает свободу от них хотя бы на короткий срок. Теория Турена не была системной. Социальная целостность в ней представлена как результат взаимодействия свободных субъектов, она формируется в результате их конфликта и взаимодействия, она не определяет позиции субъектов и не доминирует над ними [см.: 12].

Субъект является актором, изменяющим своими действиями окружающий его мир в соответствии с собственными ценностями, знаниями и идеями. Объектом анализа в акционистской концепции А. Турена становится формирование исторического действия, то есть способа, которым люди делают свою историю, включая социальные конфликты и борьбу за власть, социальные факторы, подавляющие и порождающие социальные движения, и т. п. Акционизм даёт возможность получить представление не о характеристиках системы и их влиянии на субъекта, но о нём самом. Его сущность заключается в стремлении индивидуума и коллектива быть действу-

Объект анализа в акционистской концепции А. Турена – формирование исторического действия, то есть способа, которым люди делают свою историю, включая социальные конфликты и борьбу за власть, социальные факторы, подавляющие и порождающие социальные движения, и т. п. Акционизм даёт возможность получить представление не о характеристиках системы и их влиянии на субъекта, но о нём самом.

ющим лицом, субъективация есть не что иное, как желание индивидуализации. Она имеет место и в случае коллективного актора, каковым является социальное движение.

Свойства туреновского субъекта заключаются в том, что он «более ценит научное знание по сравнению с мнениями и слухами, инновацию и инвестицию – по сравнению с рутинной, добро – по сравнению с общественными соглашениями». Согласно акционистской теории, главной характеристикой субъекта является критическое отношение к реальности, готовность её изменять [см.: 12, с. 17].

Движение или иное объединение граждан рассматривается не как структура, но как обладающий ценностями, знаниями, идеями, творческим потенциалом субъект, действующий осмысленно, в соответствии со своими идеями преобразования реальности. А. Турен полагает, что эти акторы ориентированы в основном на защиту свободы, обеспечение безопасности и человеческого достоинства. Субъект, по Турену, готовит для себя возможности создавать или поддерживать собственные формы социальной жизни, благоприятные для его утверждения, но признавая при этом и права других субъектов.

Однако туреновский актор-шестидесятник к началу нового столетия трансформируется почти до неузнаваемости. Процессы глобализации заставляют социологов сфокусировать внимание на их анализе. Возникают теоретические интерпретации глобализации как потоков и сетей, то есть как движения капитала, информации, рабочей силы, сырья и пр. При этом потоки движутся подобно круговороту воды в природе, поскольку концепции не содержат объяснения механизмов течения, оставляя их за рамками теоретического обобщения. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение потоков. Глобальное управление обеспечивает всю систему правилами и стандартами и осуществляется автоматически [см.: 25].

Глобализация, как было показано выше, одновременно означает новый уровень экспансии технологической системы. Выводы Ж. Эллюля подтверждаются теорией глобальных потоков и сетей М. Кастельса и Дж. Ури. Последний определяет социальную реальность как некоего киборга, в котором социальный мир тесно и неотделимо переплетён с миром материальным [см.: 26, 27]. В этом глобальном переплетении течений, сетей, узлов более не имеет значения государство. Субъектность перешла от него к структурам, аттракторам и циклам. Независимый, способный менять окружающий его мир актор также исчезает. Голландские социологи в начале XXI в. обозначили этот процесс как «смерть актора». Его место занимает агент, задача которого качественно обслуживать потоки, снижая, по возможности, связанные с ними риски и повышая эффективность их течения [см.: 25]. Джон

Глобализация означает новый уровень экспансии технологической системы. Дж. Ури определяет социальную реальность как некоего киборга, в котором социальный мир тесно и неотделимо переплетён с миром материальным. В этом глобальном контексте более не имеет значения государство. Субъектность перешла от него к структурам, аттракторам и циклам. Независимый, способный менять окружающий его мир актор также исчезает.

Ури сформулировал своего киборга на основании концепции акторских сетей (ANT – actor network theory), предложенной в конце 1980-х гг. Бруно Лятуром и Мишелем Каллоном [см.: 28, 29]. Особую популярность ANT приобрела в начале нового столетия и не утратила её по сей день. Как и теория Ж. Эллюля, данная концепция сформулирована в рамках исследований науки и технологии, но претендует на более фундаментальный статус концепции, соединяющей людей и весь прочий мир в единое целое (единый ансамбль). Она также декларирует объединение гуманитарных и естественных наук, коль скоро их объекты оказались в неразрывной связи друг с другом. Действительно, в качестве теоретического основания концепции сетей и потоков Дж. Ури, ANT получает этот глобальный статус. Более того, в последнее десятилетие теория используется в достаточно широком диапазоне исследований, например для изучения воспитания ценностей космополитизма в глобальном масштабе [см.: 30, с. 33 и далее], в исследованиях организации и управления, для анализа рынка, и т. п.

Она рассматривается и как экологическая концепция человека в его искусственной и естественной средах, которые в индустриальной цивилизации являются единым целым [см.: 31, с. 111-133]. Если новая экологическая парадигма полагала человека равным всем прочим биологическим видам, то концепция Лятура уравнивает его в правах с нечеловеческими объектами вообще, включёнными в технологическую цепочку: «машина, следовательно, может рассматриваться как имеющая такую же степень субъектности, как и человек. К примеру, ANT была использована для анализа того, как безопасность рабочего места создаётся посредством соединения бюрократических правил, бетономешалок, рабочих и инспекторов» [см.: 32, с. 612].

Обоснование равной субъектности человека и не-человека у самого Лятура выглядит эпатажем, логической шуткой, если не откровенной демагогией: «Вещи, стулья, кошки, коврики и чёрные дыры никогда не требуют признания своего существования очевидным, люди иногда это делают... Так что абсурдно противостоять «отношению к людям как к объектам». Сложность просто добавляется к сложности. Человек в этом случае не «опускается», но повышается до уровня муравья, шимпанзе, щепки и частицы!» [см.: 28, с. 255].

Однако важна не аргументация самого Лятура, но тот факт, что его концепция принята и признана научным сообществом. Причина этого, с нашей точки зрения, в действительном уравнивании функций всех элементов технологии, а также в минимизации содержания труда. Не имеет значения, кто его исполняет, важно, чтобы работник и инспектор осуществляли предписанные им операции, раздумывая над ними не больше,

Концепция Лятура уравнивает человека в правах с нечеловеческими объектами, включёнными в технологическую цепочку. Важно, что его концепция принята и признана научным сообществом. Причина этого в действительном уравнивании функций всех элементов технологии, а также в минимизации содержания труда.

чем бетономешалка, как и она не отклонялись бы от заданной последовательности действий. Сложность мира заключается лишь в сложности и многоуровневости комбинаций людей, средств и предметов их труда, а также способов их организации, коммуникации между ними и т. п.

Деятельность как таковая перестаёт быть деятельностью человека, у неё много субъектов. Не должно быть приоритета у институционального, концептуального, натурального или материального. Поэтому спорные философско-религиозные метафоры «возвышения человека до муравья» не имеют значения в принципе. Важна лишь зафиксированная и признанная утеря доминирующей, лидирующей роли человеческого субъекта в любом процессе. Провозглашённое А. Туреном освобождение человеческой способности к творчеству, в сложных ансамблях и комплексах Лятура оказывается существенно ограниченным функциями («потребностями») инструментов и предметов.

По сути, теория акторских сетей представляет собой интерпретацию технологической экспансии с позиции включённого в технологическую систему наблюдателя. Рост её популярности в последнее десятилетие подтверждает выводы и Эллюля, и Лятура, которые в конце 1980-х носили скорее футурологический характер. Фантасты, предрекавшие освобождение искусственного интеллекта и бунт умных машин, ошиблись. Реальностью стал технологический киборг Дж. Ури, в котором человек и машина выполняют одинаково ограниченные функции, естественный интеллект приближен к искусственному по программируемому характеру рефлексии, и ни один из этих субъектов не способен к восстанию.

От ценности к норме

Согласно акционистскому подходу, действия актора гражданского общества основаны на его интересах и ценностях. Субъект любой управленческой системы должен руководствоваться инструкциями, приказами, технологиями, правилами, то есть нормативными и внешними по отношению к субъекту регуляторами и ограничителями. Поэтому для анализа деятельности профессионала, который одновременно является действующим субъектом, важно выявить соотношение между нормами и ценностями, а значит определить и разграничить эти категории. Отметим сразу, что чётко зафиксированных различий между ними в разных концепциях не просматривается. Например, Н. И. Лапин использует определение М. Вебера, согласно которому ценности и нормы практически тождественны: ценности представляют собой обобщённые цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм поведения человека в обществе [см.: 33].

Научная интерпретация ценностей изменялась в достаточно широком диапазоне: от значимости материального блага для его потребителя до высших целей социального действия. Общепринятой является предложенная Н. Смелзером и А. Гидденсом трактовка ценностей как идеальных целей и принципов, способов их достижения или реализации, детерминированных культурой или являющихся её элементами¹. Нормы, в соответствии с данным определением, это правила, предписывающие или запрещающие определённый тип поведения, их действие обеспечивается различного рода санкциями. Нормы интерпретируются как производная от системы ценностей [см.: 34, с. 50]. Согласно определению Гидденса, ценность есть абстрактный идеал, а норма определяет конкретно, что можно, а что нельзя [см.: 35, с. 34]. Таким образом, провести чёткую границу между ценностью и нормой, основываясь на их теоретических интерпретациях, сложно. Причины этого в неопределённости самих ценностей, множественности социокультурных составляющих, не поддающихся измерению. Несколько проще обстоят дела с нормой, зафиксированной законом или обычаем. Писаное или неписаное правило (закон, ритуал, технология и т. п.) в отличие от ценности легко детектируемо.

Существующие концепции дают возможность рассматривать ценности как интериоризированные принципы или цели, воспринимаемые каждым индивидом как собственные. Процесс интериоризации требует понимания, аргументации, эмоционального участия.

Норма в любой своей форме не нуждается в осмыслении, её можно и нужно выучить и следовать ей, не задумываясь, а потому она так и остаётся внешней по отношению к субъекту. Внешние регуляторы формируются социумом как раз для тех ситуаций, когда эмоциональное восприятие или рациональное осмысление по каким-либо причинам излишни. Ценность и нормы традиционно рассматриваются как части, а точнее, как составляющие культуры, которая из них и складывается. Но есть норма, сформированная культурой, и есть норма управленческая, регулирующая, к примеру, процессы производства, безопасность дорожного движения или использования электроприборов. С культурой она связана опосредованно.

В связи с описанной выше колонизацией пространства жизнедеятельности общества системой, по Ю. Хабермасу, или технологиями, по Ж. Эллюлю, происходит процесс распространения именно управленческих и технологических норм, а также вытеснения ими ценностей как интериоризированных принципов и целей.

¹ «Ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов...» [34, с. 50]; «... Идеи, которые разделяют индивиды или группы, о желаемом, плохом или хорошем. Различные ценности представляют ключевые аспекты различий между культурами. На ценности влияют специфические культуры, в которых человек живёт» [35, с. 586].

Поскольку предметом нашего анализа являются ценности актора-профессионала, необходимо обратиться к более узким определениям ценностей и норм в рамках теории профессий. Интерпретация профессиональных ценностей также варьируется в широком диапазоне, и в её изменениях просматривается ярко выраженная тенденция, связанная с исчезновением этической составляющей профессий и упрощением самого труда.

Так, в первой половине двадцатого века профессионалов рассматривали как социальную группу, обладающую фундаментальными знаниями, а также ценностями, которые включают в себя служение обществу и ответственность перед ним, альтруизм и т. п. [см.: 36, 37]. По мнению С. Бринта, профессиональный статус определялся в равной мере этической и общественной ответственностью и специальными знаниями. Однако уже Т. Парсонс определяет этику как институциональные, то есть нормативные ограничения эгоизма: «Эгоистический интерес типичного индивида в целом обуздан необходимостью поддерживать институциональный кодекс, который господствует в его профессиональной сфере» [38, с. 347]. В настоящее время статус профессионалов характеризуется лишь набором знаний и навыков, а также их товарными качествами, включая конкурентоспособность [см.: 39].

Кроме того, основной проблемой для квалифицированных специалистов становится удержание баланса между «универсализацией» труда, в смысле его сведения к ряду простых, общедоступных операций, и уникальностью, обеспечивающей его творческий характер. Первое неизбежно ведёт к депрофессионализации, к деградации профессии к парапрофессиональному уровню, что уже произошло с инженерным делом [см.: 37].

Напомним, что теории формировались и изменялись по мере развития индустриального общества и в соответствии с его реалиями, в частности с описанным выше углублением разделения труда и сведением его к простым операциям. Значительную роль в этом процесс играют рыночные требования прозрачности предоставляемой профессионалами услуги и контроле за качеством их работы со стороны потребителя, который не имеет соответствующих знаний, следовательно, выполняемые операции должны быть простыми и доступными [см.: 40].

В профессиональной сфере норма (стандарт, регламент, должностная инструкция) есть ключевой элемент управления. Тем не менее, понятие профессиональных ценностей широко используется в менеджменте, а корпорации создают собственные этические кодексы. Однако их анализ показывает, что данные ценности представляют собой скорее набор предписаний, направленных на обеспечение прозрачности и эффективности

работы сотрудников, на ограничение их финансовых интересов, если они могут нанести ущерб корпорации. Например, этический кодекс Royal Dutch Shell предписывает отказ от подарков третьих сторон, при этом детально перечислены возможные исключения. От сотрудника также требуется предоставлять полную, аккуратную и ясную информацию в соответствии с его обязанностями и т. п. [41]. Таким образом, регуляторы труда современных западных профессионалов остаются внешними, даже в том случае, если они их выучили наизусть.

Подчеркнём, что между профессиональной сферой и всем прочим обществом, включая гражданское, есть существенное различие. Процесс вытеснения культуры технологией, а ценностей – технологическими же нормами, в последнем случае есть тенденция. Профессионально-управленческая сфера всегда была жёстко функциональной системой, менялся лишь уровень её гибкости и сложности. Процессы окончательного вытеснения ценностей и их замена нормами здесь также имеют более явную и завершённую форму.

В этой связи важным представляется определение культуры как совокупности ценностей и основанных на них норм, знаний и верований, образцов и результатов человеческой деятельности. Это даёт возможность интерпретировать ценность именно как часть культуры и отделить её от управления и технологии.

Уточнение категорий

Концепция господства технологий Эллюля, акционизм Турена, методология превращения бетономешалки в актёра Лятура и многие другие популярные ныне или считающиеся устаревшими теории появились едва ли не одновременно, во всяком случае, в достаточно короткий отрезок времени, начавшийся примерно со второй половины 1970-х и продолжавшийся почти до конца 1980-х гг. Это было время глубокой, но ещё не завершённой, трансформации общества, встраивавшего в себя новые социальные и контр-культурные движения и предлагаемые ими ценности. Одновременно происходило его превращение в общество всеобщего риска, развитие технологий вышло за рамки непосредственно производственных процессов, капиталистическая система усложнялась и укреплялась, предпочитая называться системой рыночной и бесклассовой. Противоречивые социологические концепции отразили разнообразие противоречивых и разнонаправленных тенденций, поэтому выбирать теорию, единственно подходящую для нашего исследования, не имеет смысла. Необходимо уточнить ряд категорий и определений на основании предложенных ими трактовок субъекта и системы.

Важным представляется определение культуры как совокупности ценностей и основанных на них норм, знаний и верований, образцов и результатов человеческой деятельности. Это даёт возможность интерпретировать ценность именно как часть культуры и отделить её от управления и технологии.

Система

Интерпретация любой целостности как системы в данном конкретном случае не удовлетворительна, так как лишает данное понятие объяснительной силы. Поэтому под системой мы будем иметь в виду целое, в котором действия субъекта заданы его функциями и регулируются нормами. Норма (опять же в данном случае) означает любой внешний по отношению к субъекту регулятор: правило, приказ, стандарт, пошаговую инструкцию и т. п.

Несистемная социальная целостность создаётся, согласно А. Турену, в результате действий акторов, в том числе и конфликтных, которые стремятся выстроить её в соответствии с собственными целями, интересами и ценностями. Эта деятельность направляется и регулируется ценностями, которые понимаются здесь как интериоризированные принципы, цели, идеалы, эмоционально прочувствованные и осмысленные.

Очевидно, что идеально «чистой» социальной системы не существует, как нет и полностью «акторского» социума. Можно предположить, что степень «системности», в нашем случае, определяется степенью функциональности и нормативности действий субъекта. Системность будет максимально высока в технологических системах управления и значительно ниже в гражданском обществе. Целостность, следовательно, обладает одновременно системными и несистемными свойствами.

Колонизация системой или колонизация технологией всего общества увеличивает системные свойства всех сфер его жизнедеятельности. Процесс колонизации рассматривается в связи с высоким разделением труда и его последствиями. Мы намеренно абстрагируемся от социально-экономических причин и механизмов углубления разделения труда, на который указывал Ю. Хабермас, когда говорил об «игре монополий». Деятельность актора-профессионала связана непосредственно с характером его труда, это позволяет на данном этапе и в рамках конкретного исследования отвлечься от отношений, связанных с самовозрастанием стоимости.

«Противоречие оператора» Ч. Перроу применительно к обществу можно сформулировать как противоречие между актором, действующим в соответствии с собственными ценностями, и агентом, обслуживающим систему. Противоречие между агентом и актором разрешается в условиях всеобщего риска и высокого разделения труда посредством формирования сложной и гибкой технологической системы, которая легко колонизирует общество в силу своей децентрализованности, способности к саморегулированию, имитирующему самоорганизацию. Тем не менее, траектория развития субъекта выглядит сложнее, нежели растянутая во времени трансформация актора в агента. Можно выделить, по крайней мере, три её этапа.

Под системой имеется в виду целое, в котором действия субъекта заданы его функциями и регулируются нормами. Норма в нашем случае означает любой внешний по отношению к субъекту регулятор: правило, приказ, стандарт, пошаговую инструкцию и т. п.

Несистемная социальная целостность создаётся в результате действий акторов, которые стремятся выстроить её в соответствии с собственными целями, интересами и ценностями.

Первый этап

Субъект времён господства в профессионально-управленческой сфере классической централизованной и иерархической системы. Между пространством, в котором действуют профессионалы и менеджеры, и всем остальным обществом существует почти непроницаемая, по мнению учёных, граница. Субъект является большей частью агентом непосредственно при исполнении профессиональных обязанностей, но становится свободным актором уже в сфере трудовых отношений, защищая свои интересы перед работодателем. Тем не менее, хабермасовская колонизация общества системой уже началась. Свободный субъект рассматривается как набор различных ролей, либо как абстрактный «человек», обладающий неистощимой жаждой потреблять и бесконечно рациональный. Идёт интенсивный и противоречивый процесс создания ограничивающих свободу субъекта правил и норм, которые в то же самое время призваны обеспечить свободу политического и экономического выбора. Свобода этого субъекта является той самой, институционально ограниченной свободой, которую принято противопоставлять российской воле.

Второй этап

Актор эпохи институциональных перемен – независимый, ответственный, творческий и созидающий социальную реальность. Системы, доминирующей над ним, нет; акторы сами, своими действиями создают социальную целостность, обеспечивающую им свободу, которая в этом случае ограничена лишь интересами и ценностями других акторов. Институциональные ограничения свободы ослабевают, рефлексия означает осмысление субъектом собственных проблем и поиск способов их разрешения, часто альтернативных существующим. Она ещё не предписана, не сведена к программе действий. Но следует особо подчеркнуть, что речь идёт о гражданском обществе и его субъекте, профессионально-управленческая система вне обсуждения. Она и в этом случае не рассматривается как возможное поле действия актора.

Третий этап

Субъект-агент эпохи постмодерна. Наконец, в эпоху постмодерна доминирование технологий выводит на сцену субъект-агента, действующего в запрограммированной среде согласно пошаговой инструкции, то есть интериоризированной программе. Система, в которую он встроен, невероятно сложна и практически незрима. В ней отсутствует (или, скорее, скрыта) иерархия и доминирование центра. Она гибкая, саморегулируемая и т. п.; она складывается из людей, вещей

В траектории развития субъекта можно выделить три этапа:

1. Субъект времён господства в профессионально-управленческой сфере классической централизованной и иерархической системы.
2. Актор эпохи институциональных перемен – независимый, ответственный, творческий и созидающий социальную реальность.
3. Субъект-агент эпохи постмодерна.

и процессов, равных между собой по своему значению в технологическом процессе. Реальным субъектом является сама система, но уже не индивидуальный или коллективный актор. Особенность этого этапа трансформации субъекта заключается в стирании границ между профессионально-управленческим пространством и социумом, между миром инструментальным и миром идентичности. Свобода субъекта, теперь уже и в гражданском обществе, ограничена не только институционализированными правилами, но заученной программой, и, по сути, теряет изначальное содержание, превращаясь в свою противоположность – в несвободу.

Примерно такие же изменения происходят с рефлексией, под которой в данной работе будет пониматься процесс осмысления субъектом проблем, целей и собственных действий, основанных на фундаментальном знании, опыте и интуиции. Вектор её трансформаций направлен на сведение этого процесса к программе, требующей лишь исполнения.

Все перечисленные тенденции есть результат разделения труда, которого и советская индустриализация не могла избежать. Отметим, что Жак Эллюль именно по этой причине не видел разницы между западным и советским индустриализмом. СССР был, по сути, чёрным ящиком для социологии, но специализация как имманентное свойство индустрии казалась достаточным основанием для выводов о невозможности сохранения контроля человека над процессом труда. Видимая жёсткость конструкций советского управления, централизация и контроль создают впечатление почти идеальной системы и строго заданных функций её отдельных элементов. Но форма не тождественна содержанию, а потому констатация её особенностей всё же недостаточна для теоретических обобщений. Необходимо, следовательно, выяснить, как именно разрешается противоречие между актором и агентом в СССР и современной России, как менялись соотношения рефлексии и программы, ценностей и норм в деятельности советского, а затем российского субъекта-профессионала, и в чём отличия общей тенденции развития (трансформации) субъекта в советской (русской) и западных моделях индустриализации.

Библиографический список

1. Здравомыслов А. Г. Социология во Франции (электронное издание) // Официальный сайт ИС РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publicazii/Sociology_in_France.
2. Рабочее движение: документальные и аналитические материалы / Отв. ред. Л. А. Гордон. – М.: ИПЗ РАН, 1992.

3. Яницкий О. Н. 100 интервью с лидерами. – М.: Московский рабочий, 1991.
4. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. – М.: ИС РАН, 1996.
5. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: ИС РАН, 2007.
6. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
7. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2006.
8. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.
9. Левада Ю. А. Статьи по социологии. – М.: Фонд Макартуров, 1993.
10. Ядов В. А. Теоретико-концептуальное объяснение посткоммунистических трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. – М.: ИС РАН, 2007.
11. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики // Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2010.
12. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
13. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. – М.: Канон+, 2009.
14. Agor J. What happened in the sixties? // British Journal for the History of Science. 2008. 41(4).
15. Catton W. R., Danlop R. E. Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13.
16. Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. (eds.) Risk, environment and modernity. L.: Sage/TCS, 1996.
17. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2.
18. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

19. Ellul J. The technological System. – N.Y.: Harper Torchbooks, 1980.
20. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1996.
21. Мациевич И. В., Семедов С. А. Политические религии в современном мире // Вестник института социологии. 2012. № 4.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004.
23. Perrow Ch. Normal accidents. Living with high-risk technologies. – N. Y.: Basic Books, 1984.
24. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
25. Mol A. P. J., Spaargaren G. Towards a sociology of environmental flows. A new agenda for XXI century environmental sociology. Presentation on the conference: Governing Environmental Flows Re-inventing the State in Global Modernity, Wageningen, The Netherlands, 13-14 June 2003.
26. Urry J. Sociology beyond Society – L.: Routledge, 2000.
27. Urry J. Global Complexity. – Cambridge: Polity, 2003.
28. Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
29. Callon M. Society the Making; the Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis // Bijker W. J., Hughes T., Pinch T. (ed.). New Directions in the Social Studies of Technology. – Cambridge: MIT Press, 1987.
30. Saito H. Actor-network theory of cosmopolitan education // Curriculum Studies. 2010. Vol. 42. №. 3.
31. Murdoch J. Ecologising Sociology: Actor-Network Theory, Co-Construction and the Problem of Human Exemptionalism // Sociology. 2003. V. 35. № 1.
32. Whittle A., Spicer A. Is Actor Network Theory Critique? // Organization Studies. 2008. № 29.
33. Лапин Н. И. Общая социология: учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2009.
34. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.
35. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
36. Parsons T. The professional and Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition) – N.Y.: The Free Press, 1966.

37. Абрамов Р. Н. Профессии после солидарности... Микросоциологии профессий Э. Эббота // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. – М.: ИС РАН, 2007.
38. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000.
39. Brint S. In the age of experts. The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. – Princeton: University Press, 1994.
40. Кулманн Э. «Ответственные профессионалы» и «разборчивые клиенты»: изменения во взаимодействии медицинских профессионалов государства и общества // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. – М.: ИС РАН, 2007.
41. The Shell Global Homepage. Code of Ethic // URL: http://www.shell.com/home/content/aboutshell/who_we_are/our_values/code_of_ethics.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Профессионал как социальный актор: случай или правило?

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социально-экологических исследований Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Профессионал как социальный актер: случай или правило?

Аннотация

В статье с позиций активистской социологии анализируются теоретические и методические принципы превращения учёного-профессионала в социального актора. Утверждается, что в современных условиях такое соединение ролей необходимо, в том числе и для социологов. На основе эмпирических исследований выявляются основные фазы названной выше трансформации.

Ключевые слова: профессионал, активист, фазы трансформации, исторический опыт, Россия

«Мир – театр, люди – актёры»

В. Шекспир

«Знание – сила»

Ф. Бэкон

Проблематизация

Исходный пункт предлагаемого ниже анализа – активистская парадигма в социологии, предполагающая, что «социальные структуры современных демократических и мультикультурных обществ допускают значительный простор для инновационной активности агентов, которые, в свою очередь, интенсивно преобразуют <существующие социальные> структуры» [1, с. 56]. Как сказал в своё время А. Турен, в социологию вернулась фигура человека действующего [см.: 2]. Рассматривая взаимоотношения социальных структур и агентов (социального действия), вслед за Э. Гидденсом, П. Штомпка говорит, что «разделение актуализации социальных структур и социальных агентов есть лишь аналитический приём. В действительности они тесно связаны» [3, с. 215]. Как неоднократно показывали социологи, в детском возрасте познание окружающего мира и его преобразования неразрывно связаны [см.: 4, с. 151] и лишь со школы знание профессиональное и навыки практического действия начинают разделяться.

В современной социологии сложилось понимание социального активизма как массового социального действия в публичном пространстве; действия, которое направлено на политическое, социальное, культурное или иное преобразование общества. Но не суживается ли тем самым рассматриваемое понятие до роли непрофессионального, в том числе уличного активизма? Что является критерием социального действия: поступок, массовое социальное действие или также и *работа социальной мысли*, направленная на изменение окружающего мира? А также социальное проектирование и конструирование? И куда в этом случае отнести распространённое в отечественной и зарубежной социологии понятие «научно-общественные исследования»? Или тот же аутсорсинг, когда учёный для подтверждения выдвинутой им гипотезы не может обойтись без помощи сотен, а иногда и тысяч людей, весьма далеких от науки?

Представляется, что практически всякое действие профессионала (как учёного, так и лица свободной профессии) является формой социального активизма, если оно направлено на умножение общего блага, на развитие науки и культуры общества. Более того, и во времена античности, но в ещё большей степени сегодня, *движение мысли*, направленное на изменение социальной действительности, её социальное конструирование или, напротив, разрушение, также является формой социального активизма. Разве греческий полис, равно как и современный эко-полис, не являются продуктами мыслительного процесса, направленного на изменение социальной действительности?

Ещё один аргумент в пользу более широкого понимания профессионального активизма как активизма социального. Долгое время и философия, и социология опирались на дихотомию «профессиональное–обыденное» знание. На этом принципе была построена вся философия эпохи Просвещения. Однако мало-помалу выяснилось, что «обыденное знание» или, в современной терминологии, локальное знание имеет гносеологически столь же весомый статус, как и знание научное, профессиональное [см.: 5].

На мой взгляд, локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования картины мира в конкретном локальном контексте с целью его изменения. Местное население рассматривается как полноценный социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о «месте» и для «места», в формировании культуры «места», в том числе как партнёр исследователей в процессе научного производства. Это означает, что местное население является носителем знаний и ноу-хау, существенных для разработки научных доктрин и практических рекомендаций, то есть для социального планирования и конструирования.

Представляется, что практически всякое действие профессионала (как учёного, так и лица свободной профессии) является формой социального активизма, если оно направлено на умножение общего блага, на развитие науки и культуры общества.

Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором» [см.: 6; 7; 8].

Поэтому страхи и озабоченность местного населения ошибочно трактовать как «эмоции», «ложное восприятие» или как феномен толпы, «митинговщины». Они представляют собой важный источник познания социального мира, в котором мы живём. В частности, изучение этих страхов и озабоченности существенно само по себе, так как позволяет понять местные конструкции смыслов повседневной жизни. Более того, локальное знание – растущий по важности ресурс социальной модернизации общества, его подъёма через развитие локальных центров деловой и социальной активности, сохранения и укрепления местной идентичности, гармонизации интересов центра и периферии, чем сейчас озабочена наша властвующая элита. Необходимость такого поворота предвидели великие русские учёные, причём политическая публицистика для них была столь же важна, как и профессиональная деятельность. «Усиление научной работы, – писал Вернадский в начале XX века, – связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удаётся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению» [9, с. 248].

В более узком плане локальное знание сегодня – это самосохранительная реакция местного населения на универсальную утилитаристскую (потребительскую) модель современного мира, созданную постмодернистской социологией. Когда господствует принцип «коллективной безответственности» (У. Бек), местное население вынуждено само быть экспертом и адвокатом в деле сохранения среды жизнеобеспечения и её безопасности. Но чтобы его голос был услышан, оно вынуждено либо объединяться в гражданские инициативы или общественные движения с привлечением профессионалов со стороны, либо вступать во взаимодействие с уже действующими научными и общественными организациями, возвращая профессионалов по конструированию элементов гражданского общества в собственной среде. Возникает фигура гражданского эксперта [см.: 10]. Замечу, что в современной социологии, и не только российской, интерес к пониманию социальной динамики «через человека», его микроисторию, через исследование его национальных и культурных корней растёт с каждым днём. Растёт по двум причинам. Потому, что нужны «свидетели повседневности», понимание мыслей и чувств маленьких, но действенных агентов исторического процесса. Но также и потому, что нужны не комментаторы «момента», а глубокие аналитики, требуется «обострение ума», по образному выражению П. Я. Чаадаева.

Местное население является носителем знаний и ноу-хау, существенных для разработки научных доктрин и практических рекомендаций, то есть для социального планирования и конструирования. Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором».

Когда господствует принцип «коллективной безответственности» (У. Бек), местное население вынуждено само быть экспертом и адвокатом в деле сохранения среды жизнеобеспечения и её безопасности.

Рассуждая о профессионализме, в том числе – о профессионализме социологов, мы забываем об элементарных принципах мироустройства. А именно – о диалектике науки и практики. Приведу практический пример из жизни того же В. И. Вернадского, 150-летие со дня рождения которого мир будет широко отмечать в марте 2013 г. Дело не только в том, что Вернадский, будучи выдающимся учёным, был одновременно земским гласным в Моршанском уезде Тамбовской области. То есть политическим актором. И даже не в том, что он в предреволюционную пору написал ряд статей, в частности о принципах возрождения сельского хозяйства в России, которые можно рассматривать как программные для возрождения сельского хозяйства России современной. Дело в том, что практически всю свою долгую жизнь он практиковал роль учёного-инициатора (инноватора). Работая над проблемой Курской магнитной аномалии, а затем над урановым проектом, Вернадский шаг за шагом «выращивал» организацию, способную практически реализовать его научную мысль. Сначала семинар, потом лаборатория, затем – научный совет и, наконец, научный институт. Но, проведя свой коллектив через все эти этапы, он никогда не становился администратором. Он отдавал эту роль кому-нибудь другому, а сам начинал разрабатывать новое, практически значимое научное направление.

Так что проблему «профессионал-социальный (политический) актор», скорее всего, следует рассматривать как диалектическую пару взаимно переходящих и взаимно стимулирующих форм социального действия. То есть, как систему с обратной связью, действующую в целях умножения общего блага. Другое дело, что на разных этапах человеческой истории, в том числе российской истории, степень погружения учёного в социальный или политический активизм была различной. Это в свою очередь означает, что данная проблема должна рассматриваться конкретно-исторически, контекстуально.

Исторический опыт России

Проблема «профессионал – социальный активист» является частью более общей проблемы соотношения государства и гражданского общества. Чем менее развито последнее и чем более социальный порядок создаётся и регулируется властью имущими (неважно монархия это или федеративное государство), тем выше, как правило, социальный активизм образованного класса. И совершенно безразлично, участвует ли интеллигенция в социальных акциях непосредственно, или же является выразителем общественного мнения социально озабоченной части гражданского общества. В российской истории XIX века «хождение в народ» всегда имело две формы: про-

Проблему «профессионал-социальный (политический) актор», скорее всего, следует рассматривать как диалектическую пару взаимно переходящих и взаимно стимулирующих форм социального действия. То есть, как систему с обратной связью, действующую в целях умножения общего блага.

светительской или социально и политически преобразующей деятельности. В. И. Ленин называл А. И. Герцена «революционным агитатором». Но эта агитация носила прежде всего просветительский характер. Хотя, как показали новейшие исследования российских историков, студенты и другие молодые профессионалы не только выполняли роль курьеров, распространяя герценовский «Колокол» в России, но и успевали делать научные исследования и даже докладывать их результаты на собрании российских императорских научных обществ.

Как подчёркивает российский историк Е. Л. Рудницкая, Н. Г. Чернышевский видел «глубинный смысл включения русского народа в общечеловеческое движение в направлении к европейской цивилизации – “обеспечение частных прав отдельной личности”, усвоение выработанной западноевропейской мыслью идеи свободы, противостоящей понятию “воля” и произволу, движение к гуманистическим духовным ценностям, которые несовместимы с “сонмом азиатских идей” и “приличны цивилизованным людям”» [11, с. 209]. Причём все они – от западников до славянофилов и от либералов до социал-демократов – подчёркивали, что, только овладев подлинным просвещением Европы, можно воспользоваться её опытом [11, с. 213].

Но Европа была для русских мыслителей не кладзем образцов, а средой, возбуждавшей их интерес к русской истории, осмыслению её специфики. Более того, всё сделанное там (ланкастерские школы, журналистская деятельность как просвещение и как выражение характера и мнений народа, перевод политических сочинений французских и английских авторов на русский язык), мобилизовалось для пользы России. П. А. Вяземский, А. И. Герцен, П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский – все они подчёркивали значение *ответственности перед обществом* как нравственного императива социальных преобразований. Причём, цитирует Рудницкая мнение историка А. М. Сергеева, возвышение России «связывается Чаадаевым не с последовательным решением всё нарастающих проблем (они будут возникать вновь и вновь), а с пониманием её мировой роли и ответственности». Очень современная оценка! И – снова о роли личности в этом процессе. Рудницкая приводит пророческие слова В. В. Розанова: отсечение Чернышевского от общества, от «государственного строительства» было преступлением власти, открывавшим России прямой путь до поражения при Цусиме: «С выходом его <Чернышевского> в практику – мы не имели бы и теоретического нигилизма» [11, с. 214, 215]. Эти слова пророческие потому, что подтверждались самым практическим образом на протяжении столетия.

Вот как видел ситуацию в России мой дед, профессиональный военный врач-хирург Ф. Ф. Яницкий, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., находясь в Манчжурии:

Проблема «профессионал – социальный активист» является частью более общей проблемы соотношения государства и гражданского общества. Чем менее развито последнее и чем более социальный порядок создаётся и регулируется властью имущими (неважно монархия это или федеративное государство), тем выше, как правило, социальный активизм образованного класса.

«По существу это движение [радикальной интеллигенции – О. Я.] мне не симпатично, ибо желая сделать для России якобы лучше в одном, оно губит Россию в другом. Мнящие себя передовыми людьми – что же сделали <они> хорошего для России? Они – воспользовались в высшей степени затруднительным и тяжёлым положением России вследствие войны – и стали вырывать у правительства согласие и разрешение на всякие реформы!... О чём это говорит? – О любви ли к Родине, о желании искреннем ей улучшения, добра, блага, или о корыстном властолюбии и честолюбии добиться своего путём насилия из-за угла? Россия изнывает на поле брани, а оставшаяся дома интеллигенция занимается тем, что четвертует и колесует бедную Россию, отвлекает силы и внимание от общего первейшей важности ратного дела, смущает умы и дома, и на полях брани..., а там – дома – готовится похищение власти из одних рук старого правительства в другие руки под видом европейского соуса, именуемого революцией, конституцией и пр.... Если бы люди, мнящие себя передовыми в России, – желали искренне добра Родине, – они, как это делали и делают теперь во всех народах и государствах мира, прежде всего сплотились бы все как один для одоления врага на поле брани, ибо там решается теперь судьба России – и государственная, и политическая, и экономическая, – а затем, покончив с этим величайшим делом, – занялись бы всеми силами устройством дел и у себя дома, их реформированием, изменением, организацией. Так говорит здравый разум! Не то сделали интеллигенты русские, они поступили наперекор здравому смыслу и послужили по праву посмешищем в Европе и даже в Японии, в руку которой они так много сыграли!» [цит. по: 12, с. 20-21].

Прав был князь П. А. Вяземский, говоря, что необходимо внедрять в сознание людей чувство гражданственности «от Амура до Невы» [11, с. 109]. «Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения». «Бог голодных. Бог холодных, / Нищих вдоль и поперёк, / Бог имений недоходных / Вот он, вот он русский Бог!» [11, с. 109, 114] – это тоже Вяземский. А. И. Герцен, оценив обличительную силу стихотворения этого либерала, напечатал его в Вольной русской типографии в Лондоне отдельным листком. Интересно, мог бы написать что-нибудь подобное современный российский либерал?

Откуда такая прозорливость, уметь видеть перспективу и не терять частных? Много тому источников и объяснений, но главное – среда, которая воспитала и питала эти личности. Безусловно, и радикалы, и либералы, и западники, и славянофилы были профессионалами и личностями одновременно. Личностями, стоявшими «на плечах великих» и прежде всего русских и европейских просветителей. Они их читали, изучали, общались с ними лично и по переписке, причём это была

среда самая разнообразная: естественнонаучная, гуманитарная, политическая, журнально-газетная. Вследствие её культурного и политического разнообразия, плотности и интенсивности функционирования эти люди, даже если они были изолированы (вынужденной эмиграцией, высылкой, ссылкой), практически из этой *среды как среды духовной и интеллектуальной* не выпадали. Большинство из русских учёных и общественных мыслителей XIX-XX вв. были убеждены, что наука есть двигательная сила к достижению человеческого идеала – решению общественных вопросов.

1870-е и, в особенности, 1890-е гг. были отмечены в России интенсивным развитием общественных организаций во всех сферах жизни. Его пик приходится на годы революционно-демократического подъёма в начале XX века. Но дело было не только в этом взаимосвязанном росте социальной активности интеллигенции и рядовых граждан. Шло стремительное развитие местных инициатив, децентрализация прежде только столичных и губернских организаций. Не менее важны были и качественные сдвиги. Во-первых, деятельность этих организаций стала быстро выходить за профессиональные рамки, происходило их соединение с «публикой», которая представляла собой «мост» между профессионалами от науки и массами обычных граждан. Во-вторых, многие из общественных организаций стали выдвигать экономические и политические требования. В-третьих, они стали вливаться в общедемократическое движение. Тогда происходило то, что мы сегодня не можем никак осознать в полной мере: общественные организации, в которых соединились профессионалы и «публика», стали опорой и ресурсом социальных и политических преобразований в стране.

Конечно, и местные условия, и общий социально-политический контекст тогда были другими. Но есть некоторые системные закономерности исторического процесса, которые присущи большинству периодов социальных реформ. Снова приведу цитату из В. И. Вернадского, выдающегося профессионала-естественника, как выяснилось (уже много позже его смерти, по его дневникам, опубликованным только в 2000-х гг.), мечтавшим написать историю современной ему России/СССР «снизу», изнутри, по воспоминаниям и документам его современников.

Ещё в далёком 1892 г. он писал совсем не о закономерностях живой природы: «Общество тем сильнее, чем оно более сознательно... Когда есть ряд человеческих обществ и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать своё мнение, в других – такая возможность доведена до *minimum*'а – то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых <обществах>, сверх того,

Большинство из русских учёных и общественных мыслителей XIX-XX вв. были убеждены, что наука есть двигательная сила к достижению человеческого идеала – решению общественных вопросов.

необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых <обществах> на основании мнения случайного характера людей случайных – то сила первых обществ ещё более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ ставится на карту вопрос их существования, и жизнь в них становится труднее и безобразнее. Между тем, совершенствование первых обществ возможно лишь при обхвате ими всех людей, живущих в условиях необходимости внешних сношений, и возможно лишь при необходимом усложнении всех сторон будничной жизни. Вследствие этого правильность поступков общин второго типа становится меньше, а, следовательно, условия жизни входящих в их состав единиц с каждым годом всё менее благоприятны. Жизнь человечества всё более усложняется, сношения между людскими общинами увеличиваются, коллективные поступки других общин становятся всё правильнее – а потому ошибочность в поступках общин второго типа увеличивается и ненормальность их устройства становится яснее и серьезнее.

В таком случае является необходимость найти исход из <такого> ненормального положения. Мыслимы три случая. Или такая община или такое государство достаточно физически сильно и может направить данную силу дурно, то есть противно людскому благу и интересам прогресса; или же оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться; или в нём достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни.

Существование таких людей необходимо во всех случаях. Их количество и качество решают судьбу государства. Между тем, все условия жизни в таких обществах препятствуют, вообще говоря, их образованию – а потому те, которые почему бы то ни было могли образоваться в таком государстве, должны особенно напрягать свои силы и жить особенно интенсивно и вдумчиво. В типичном подобном положении находится Россия...» [13, с. 218-219].

Не могу не отметить того постоянного акцента, который делал Вернадский на устойчивости, непрерывности обычной будничной человеческой жизни для успеха демократических преобразований, на роли самостоятельных действий обычных граждан. Продолжая обсуждать политическую ситуацию в России, Вернадский говорил, что коль скоро нет вокруг талантов или могучих публицистов, которые могли бы стать вождями-борцами, «обязанностью и делом простых русских граждан <является> пытаться *публично* разобраться самостоятельно самим в сложных явлениях жизни и растолковывать их, обсуждать сообща, пропагандировать их среди русского общества» [13, с. 219].

Если перевести сказанное на язык современной социологии, то для развития социального активизма необходимы: (1) диалог, обсуждение; (2) коллективные действия должны основываться на мнении «лучших людей»; (3) количество и качество думающих и социально активных людей «решают судьбу государства»; (4) если таких людей мало, рядовые граждане должны «напрягать свои силы и жить особенно вдумчиво», то есть мобилизоваться и уметь критически оценивать создавшуюся ситуацию; (5) общим условием их успеха является непрерывность «обычной, будничной жизни», то есть непрерывность социального контекста в его социальном и духовном аспектах.

Фазы превращения профессионала в активиста

В макромасштабе – это переход от максимы «Мы, профессионалы, знаем лучше!», то есть от чисто просветительской (директивной) парадигмы, к максиме «Мы, профессионалы, вместе с народом боремся за общее благо». То есть переход к парадигме демократической и активистской. Я не рассматриваю здесь эволюцию деятельности профессиональных имидж-мейкеров, спойлеров и других разрушителей массового движения граждан за свои конституционные права. Но такой контекст тоже присутствует, и мы должны его учитывать. Для нас важно, что превращение профессионала в социального актора начинается со смены его доминирующего взгляда на мир (shift of his/her dominant world-view). Следующая фаза его трансформации – это поиск себе подобных, диалог с ними, критическая оценка ситуации и достижение взаимопонимания и/или компромисса. То есть фаза, которую У. Бек называет «углублённой рефлексией». Потом – это поиск форм объединения и выработки общей социальной или политической программы. И, наконец, собственно коллективное действие, в котором профессионал может принимать участие в качестве идеолога, программиста, организатора, критика и непосредственного участника коллективных действий.

Следует подчеркнуть, что не всегда роль профессионала заключается в том или ином способе реального социального действия. Сегодня, в рыночный век, редко говорят об идеологии как о движущей силе массового действия. Уроки Октябрьской революции, а также современных «цветных революций» или «Арабской весны» [см.: 14], за редким исключением не осмысливаются, не отрефлексированы. Поэтому возьму для примера самый мирный случай: создание идеи (и идеологии) «Экополиса», то есть экологически обустроенного города [см.: 15], выдвинутую ещё в советские времена философом А. Брудным и биологом Д. Кавтарадзе.

Для развития социального активизма необходимы:
(1) диалог, обсуждение;
(2) коллективные действия должны основываться на мнении «лучших людей»;
(3) количество и качество думающих и социально активных людей «решают судьбу государства»;
(4) если таких людей мало, рядовые граждане должны «напрягать свои силы и жить особенно вдумчиво»;
(5) общим условием их успеха является непрерывность «обычной, будничной жизни».

Экополис никогда не был построен. Тем не менее, идея создания такого города оказала самое разное влияние на умы и поступки как профессионалов, так и эко-активистов. Во-первых, сама идея экологизации городской среды породила множество энтузиастов этого дела, которые, привлекая профессионалов и обучаясь на практике самостоятельно, смогли частично улучшить среду своего непосредственного обитания. Во-вторых, постепенно сформировалось междисциплинарное сетевое сообщество, состоящее из социологов, экологов, городских администраторов, врачей, учителей, архитекторов, дизайнеров – всех перечислить невозможно. В-третьих, идея Экополиса дала импульс воспитательной и просветительской работе по всей стране. В-четвёртых, что, наверное, самое важное, эти разные люди, периодически встречаясь лично или в сетях, стали многопрофильными профессионалами, научились переводить данные одних наук на другие, и теоретические разработки – на язык практики. В-пятых, разработана серия деловых игр на тему Экополиса. Вот прошло уже более 35 лет, а идея Экополиса, трансформируясь, продолжает оказывать влияние на профессионалов и эко-активистов в самых разных странах мира [см.: 16, с. 102-105].

Теперь – о личностном (индивидуальном) аспекте рассматриваемой проблемы. Изучая в течение нескольких десятилетий экологическое движение в России, я увидел, что присущее демократам XIX века «хождение в народ» существует и сегодня. Естественно, это хождение профессионалов-экологов с целью экологического образования и просвещения. Я предложил различать пять типов учёных-адвокатов и форм их сотрудничества с гражданскими инициативами экологических некоммерческих организаций (экоНКО) и социальными движениями. Условно их можно разделить на «нейтральные», «понимающие», «вовлечённые», «партнёрские» и «полностью интегрированные».

Первый тип – «нейтральный» или «отстранённый» – это сторонний учёный, которого время от времени различные экоНКО приглашают выступить в качестве эксперта или консультанта. Мотивы для такого взаимодействия могут быть разные, но в любом случае учёный не озабочен проблемами некоторой организации-заказчика как таковой. Обычно это профессионалы из академических или ведомственных НИИ, которых приглашают в качестве экспертов. Замечу, что государственная экспертиза существовала и в советские времена, так что к началу перестройки корпус экспертов уже существовал. «Нейтральные», работая в соответствии с наличными профессиональными стандартами или опираясь на свой профессиональный опыт (прецедент), выдавали оценки на своём профессиональном языке, принятом в данной отрасли знания.

Пять типов учёных-адвокатов и форм их сотрудничества с гражданскими инициативами экологических некоммерческих организаций и социальными движениями. Условно их можно разделить на «нейтральные», «понимающие», «вовлечённые», «партнёрские» и «полностью интегрированные».

Второй тип – «*понимающий*» – это учёный, периодически работающий с экоНКО и начинающий вникать и больше понимать проблемы, стоящие перед членами этой организации. Между учёными (или их группой) и НКО возникает контакт, выходящий за пределы конкретной задачи экспертной оценки. Между профессионалами и активистами налаживается взаимопонимание, вырабатывается общий язык общения и, в конечном счёте, учёный-профессионал (до известной степени) проникается заботами гражданских активистов.

Тем не менее, «понимающий» учёный не принимает участия во внутренней жизни и действиях данной гражданской организации. По аналогии с исторической ситуацией в СССР/России 1920-1960 гг. я квалифицирую этот тип как представителя научной общественности, похожего на тех, которые в 1930-1960-е гг. выступали от имени Московского общества испытателей природы или Московского филиала Географического общества СССР.

Третий тип – «*вовлечённый*» – это учёный, который, уже разделяя ценности и цели экоНКО, систематически с ними сотрудничает, но продолжает оставаться в среде науки как социального института (работник государственного НИИ или университета). Отличительной чертой «вовлечённого» типа является не только выполнение им некоторой профессиональной функции (оценки проекта, экспертное заключение, участие в общественных слушаниях), но и заинтересованность в успехе социального действия некоторой конкретной гражданской организации. Более того, «вовлечённый» уже принимает участие в деятельности некоторой экоНКО, хотя, как правило, не является её членом.

Следующий, четвёртый тип, который я назвал «*партнёрским*», представляет собой тех учёных, которые, оставаясь формально в своём учреждении (на кафедре, в институте), уже фактически являются активистами экоНКО и общественных движений. Тем самым «партнёр» удваивает свою институциональную принадлежность и идентичность. Формально это выглядит как совмещение научным работником двух и более мест работы или же его периодическое «колебание» между институтом науки и ячейкой гражданского общества. Данный тип учёного также можно назвать многоролевым, поскольку он попеременно решает научные, социальные и организационные задачи. Иными словами, формируется тип учёного-активиста, ориентированного уже не только на защиту данной гражданской организации или экологического движения, но и на их институционализацию, пропаганду их целей и ценностей во всём обществе.

Наконец, пятый тип, «*полностью интегрированный*», представлен научными работниками, которые, оставив своё место в НИИ или вузе, стали членами (или даже лидерами)

гражданских общественных организаций. Такой тип учёного не только владеет необходимыми профессиональными знаниями, но начинает сам вырабатывать их, исходя из стратегических целей конкретных гражданских инициатив или экологических движений. Это – уже *другие знания и ноу-хау*, которые вырабатываются на опыте российских или зарубежных инициатив и движений. В какой степени профессионал остаётся при этом учёным в классическом смысле, или это понятие сегодня тоже эволюционирует, ещё предстоит выяснить.

Пределным подтипом «полностью интегрированного» учёного является случай, когда учёный публично отказывается от научной карьеры и становится инициатором и/или организатором социального движения, что является самой сильной формой адвокативной мотивации (А. Д. Сахаров, А. В. Яблоков). В этом случае ситуация «переворачивается»: учёный-профессионал, ставший гражданским активистом, начинает формулировать требования гражданского общества к высокой науке [см.: 17].

Ситуация переворачивается

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия.

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия. Сначала просто как активисты, потом как гражданские эксперты, затем как публичные фигуры, и, наконец, как настоящие политики. В сущности, происходит простая вещь: эти люди обучаются в процессе социальной и политической практики. И, в конечном счёте, они обретают те качества профессиональных политиков, о которых говорилось выше.

Но ситуация «переворачивается» и в других отношениях. С нарастанием частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений) в среде гражданского общества сформировались сети срочной и адресной помощи пострадавшим, которых нет в государственных структурах. Начавшись как волонтерство (добровольчество), это сетевое движение приобрело вполне профессиональный характер (у него есть стратегия и тактика, а также инструкторы, ресурсы, логистика, транспорт). Есть ещё одно направление профессионализации гражданского общества – это возникновение НКО, обучающих бизнес рациональному использованию ресурсов природы.

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия.

Причём это стадийный, хорошо организованный процесс добровольной сертификации, который сегодня уже приобрёл международный масштаб.

А какова же в этом процессе роль социолога? С моей точки зрения, «конструктивизм» у социолога должен быть в крови. Сегодня социология уже не может играть только роль «коллежского регистратора». Через отражение социальной действительности «в зеркале социологии», критическое осмысление этой действительности и далее к социальному действию – такова модель активистской социологии. Социология не только «вправе» вмешиваться в жизнь, но и обязана это делать. Я никогда не смог бы стать специалистом по российским экологическим движениям, если бы не был в течение многих лет включён в их деятельность. Всё дело в мере и формах этого включения. А. Турен ещё более 30 лет назад предложил методику «социологической интервенции». Мои коллеги и я под его руководством (и по его методике) в течение трёх лет работали с самыми разными группами общественных движений. Огромный опыт и навык публичного общения с социальными активистами остался на всю жизнь. По сути, социальное движение – публичный процесс, и если ты не знаешь, как к нему подойти, то лучше отойти совсем.

Теперь – о роли этического фактора. Участие социолога в социальном действии – его гражданский долг. В XIX веке не было социологии в современном её понимании. Но почему тогда имена Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова известны и почитаемы во всём мире до сих пор? Почему имена А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, В. Г. Белинского тогда были столь значимы для русского общества? Да потому, что *это и была социология*, только облечённая в художественную форму максимального проникновения писателя или критика в тончайшую ткань межличностных отношений. Вместо сложного инструментария, который ставит современный социолог между собой и субъектом своего исследования, в те времена писатель и критик жили жизнью своих героев, и то, что во многих случаях автор отождествлял себя с персонажем своего произведения, совсем не случайно. Я это особенно остро почувствовал, изучая в последние годы пост-катастрофные состояния российских граждан. Вообще, вовлечение социолога в элиминацию последствий малых и больших катастроф – это тест на его способность быть социальным актором. Поскольку социология катастроф – это драматическая социология, то есть социология человеческих драм и несчастий в полном смысле этого слова. Ушёл И. С. Кон, и с ним ушла вся социология личности, личностного активизма. Что мы сегодня знаем о типах личности лидеров гражданского протеста? Практически ничего, потому что для этого нужно быть с ними рядом, наблюдать их, слушать, разговаривать. Для социолога, который хочет

С нарастанием частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений) в среде гражданского общества сформировались сети срочной и адресной помощи пострадавшим, которых нет в государственных структурах.

С моей точки зрения, «конструктивизм» у социолога должен быть в крови». Через отражение социальной действительности «в зеркале социологии», критическое осмысление этой действительности и далее к социальному действию – такова модель активистской социологии.

быть одновременно социальным актором, важно понять, что участие не только в «проектах», но и в устройстве судеб людей непосредственно, «здесь и сейчас», – этический императив его деятельности и что режим этой деятельности – мобилизация своих знаний и умений, межличностный диалог, «вчувствование», эмпатия, а не дидактика или инструктирование.

Где же находится та точка, через которую социолог-профессионал чаще всего входит в роль социального актора. Это – социальный конфликт, столкновение интересов, где социолог должен определить свою социальную и нравственную позицию. Недостаточно изучать конфликт только «дистанционными методами» (опросами общественного мнения, изучением документов). Необходимо вхождение социолога в эпицентр столкновения противоборствующих сил, то есть превращение его в непосредственного участника конфликта, в инсайдера. Конечно, как было показано выше, степень такого вовлечения может быть различной. Но в любом случае возможность познания ситуации «изнутри» есть необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора.

Публичность – ещё одно необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора. Навык популяризации должен быть у социолога в крови. Лекции и семинары для студентов – это одно, а публичность – это другое. Если, конечно, социолог занимается наукой, а не только пиар-технологиями. Здесь есть одно принципиальное условие: публичность предполагает не только общедоступность, но и междисциплинарность, отказ от дисциплинарной зашоренности. Если вы не «владеете вопросом», волнующим публику, а такой вопрос никогда не бывает чисто социологическим, то вам нечего делать на публичной трибуне. Или только быть факиром, вбрасывая в аудиторию тот или иной набор цифр, оценок и т. п. Главная же задача публичного социолога: стать вровень с публикой и начать разговаривать с нею. Часто не столько даже важна проблема, сколько то, что вы обсуждаете её с рядовыми гражданами, с публикой. Нужны общественный резонанс, обратная связь, чувство аудитории.

Исходя из всего сказанного, я убеждён, что социология должна быть как минимум второй профессией. Здесь – прямая параллель с трудом писателя или газетного репортёра. В самом деле, А. П. Чехов, В. В. Вересаев, М. А. Булгаков были врачами, Л. Н. Толстой – артиллерийским офицером, М. Е. Салтыков-Щедрин – вице-губернатором, Грэм Грин – контрразведчиком. Как для писателя и репортёра, чтобы стать социологом, молодому специалисту необходимо «включённое наблюдение». Кстати, многие теоретики знаменитой Чикагской школы человеческой экологии (США) начинали именно как газетные репортёры (дословно: как «разгребатели грязи»). Пример моего одноклассника В. П. Волкова, в прошлом извест-

Где же находится та точка, через которую социолог-профессионал чаще всего входит в роль социального актора. Это – социальный конфликт, столкновение интересов, где социолог должен определить свою социальную и нравственную позицию. Возможность познания ситуации «изнутри» есть необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора.

ного геохимика, а ныне российского историка, издателя и комментатора дневников В. И. Вернадского, также подтверждает мою мысль о «второй профессии». Да и путь автора этой статьи в социологию был отнюдь не прямым. Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность побывать в совсем иных ролях. Личный жизненный опыт – бесценный ресурс для социолога, который хочет быть одновременно социальным актором.

Выводы

По моему мнению, сегодня активистская социология является мейнстримом социологии социальных изменений. А они не бывают без коллективного действия. Если мы не поймём целей и мотивов драйверов текущих перемен, мы не поймём, куда будет двигаться наше общество.

Активистская социология предполагает социальную активность как профессионалов, так и рядовых граждан, участвующих в преобразовании социальных структур. Степень и формы совмещения этих социальных ролей могут быть различными: от углублённой рефлексии до непосредственного участия в коллективном действии. Трансформация профессионала в активиста предполагает его этическую ориентацию на умножение общего блага, сочувствие и соучастие в разрешении социальных конфликтов и критических и даже катастрофических ситуаций. К сожалению, пока микро-социология, в частности социология местной жизни, у нас не в почёте, а уровень самоорганизации этой жизни ниже, чем 30 лет назад. Многие наши социологи не могут осознать важности владения локальным и/или ситуативным знанием, необходимости видения проблемы «снизу», в условиях специфического социального и культурного контекста. Никак не прививается у иных моих коллег максима «следуй за актором», когда исходной точкой социологического исследования должны быть интересы, потребности и образ жизни человека в конкретных условиях места: на земле или в сети – безразлично.

На макро-уровне социальный активизм предполагает серьёзные изменения в системе «наука-гражданское общество». Всё меньше остаётся «главных» центров, генерирующих «окончательные» решения. Структура коммуникации между научным сообществом и обществом в целом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной. Она идёт от реализации научной концепции к диалогу, точнее – к многоголосию, в котором растёт значимость среднего знания, к диалогу, придающему первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию. Это знание конструируется, пересматривается, реорганизуется в процессах диалога науки, властных структур и местного населения.

Активистская социология предполагает социальную активность как профессионалов, так и рядовых граждан, участвующих в преобразовании социальных структур. Трансформация профессионала в активиста предполагает его этическую ориентацию на умножение общего блага, сочувствие и соучастие в разрешении социальных конфликтов и критических и даже катастрофических ситуаций.

На макро-уровне социальный активизм предполагает серьёзные изменения в системе «наука-гражданское общество». Всё меньше остаётся «главных» центров, генерирующих «окончательные» решения. Структура коммуникации между научным сообществом и обществом в целом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной.

Формирующиеся в ходе этого диалога типы учёных-профессионалов, которые являются одновременно и социальными акторами, хотя и различаются степенью и формами их вовлечённости в социальную активность, однако имеют общую ориентацию – благо общества.

Библиографический список

1. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб: Интерсоцис, 2006.
2. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
3. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford, UK, Cambridge, USA: Blackwell, 1993.
4. Кон И. С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151-174.
5. Brush, S., Stabinsky, D. Valuing Local Knowledge. Indigenous People and Intellectual Property Rights. – Washington, D. C.: Island Press, 1996.
6. Яницкий О. Н. Производство социально-экологического знания. Политический и культурный аспект // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
7. Irwin, A., Wynne, B., eds. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
8. Irwin, A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. – Malden, MA: Polity, 2001.
9. Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Вернадский В. И. Публицистические статьи / Отв. ред. В. П. Волков. – М.: Наука, 1995.
10. Fisher, F. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. – Durham: Duke University Press, 2003.
11. Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. Научные труды / Е. Л. Рудницкая. – М.: Канон+, 2007.
12. Яницкий О. Н. Семейная хроника. 1852-2002. Изд. 2-е, расширенное. – М.: ТАУС, 2012.
13. Вернадский В. И. Основую жизни – искание истины // Новый мир. 1988. № 3. С. 209-221.

14. Коротаяев А. В., Зинькина А. С., Ходунов А. С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – М.: ЛКИ, 2012.
15. Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. «Экополис». Введение и проблемы. Препринт. – Пущино. 1981.
16. Ignatieva M. Ecopolis-towards the total holistic city: Lessons in integration from the throughout the world, in: Stewart, G. and Ignatieva, M., eds. Proceedings of Urban biodiversity and ecology as a basis for holistic planning and design. Workshop. 2000.
17. Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Экологическое движение в Советском союзе: самоорганизация экологов-профессионалов

Халий Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: vestnik@isras.ru

Экологическое движение в Советском Союзе: самоорганизация экологов-профессионалов

Аннотация

В статье проанализированы причины возникновения в 1960-е гг. неформальных студенческих природоохранных организаций – Дружин охраны природы и последующего формирования общественного Движения Дружин охраны природы. Показано, что цели деятельности этих структур были сформированы на основании профессиональных ценностей их участников.

Ключевые слова: общественное движение, активизм, ценности, цели, самоорганизация профессионалов

Статья посвящена возникновению и развитию организованного снизу, студентами (при поддержке профессорско-преподавательского состава) ряда естественно-научных факультетов университетов СССР в конце 1950-х – начале 1960 гг. студенческих дружин охраны природы (далее – ДОП) и формированию сети этих общественных объединений, которые в конце 1960-х гг. превратились в движение дружин охраны природы (далее – ДДОП).

Каким образом в эпоху жёсткого авторитаризма могли возникнуть и постоянно действовать столь неформальные гражданские образования? Какие условия позволили состояться такому чуждому действующему режиму явлению? Почему они появились, и кто стал инициатором их создания? Каковы цели и ценности этого движения?

Ответы на все эти вопросы были найдены в ходе многолетнего исследования: проведения глубинных интервью с бывшими и современными участниками ДДОП (в том числе в связи с подготовкой публикации к 30-летию возникновения ДОП МГУ); изучения документов и методологических разработок различных дружин бывшего СССР и публикаций в СМИ о них; осуществления автором статьи на протяжении 20 лет включённого наблюдения за деятельностью ряда бывших дружинников (в виде анализа активности тех структур, в которых они на протяжении исследуемого периода работали).

Социально-политический контекст: условия возникновения и развития ДОП и движения дружин

Представляется невероятным, что в эпоху Советского Союза могла возникнуть хоть какая-то общественная инициатива снизу. Чтобы осознать, почему это было возможно, следует обратиться к теории структуры политических возможностей, в которой утверждается, что общественные движения чаще всего возникают и пытаются активно действовать в наиболее закрытых политических системах. С. Тэрроу выделяет три группы показателей структуры политических возможностей: 1) степень открытости политической системы; 2) степень стабильности расстановки политических сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы [см.: 3]. И действительно, наиболее активным гражданам приходится в этих условиях находить те, пусть даже минимальные, «прорехи» в системе, которые позволяют существовать их собственной инициативе.

В анализе таких политических возможностей нам придётся разделить рассматриваемый социально-политический контекст на внешний (международный) и внутренний (систему управления в стране).

Внешним контекстом, позволившим даже в СССР возникнуть природоохранному движению, стала международная политика в сфере охраны окружающей среды, вошедшая в повестку дня с конца 1950-х гг. и всё более укрепляющая своё положение во все последующие годы. Именно в это время появляются первые международные соглашения¹. После этого во многих странах Западной Европы и в США появились первые природоохранные движения, активность которых привела со временем к становлению государственной экологической политики.

¹ При создании ООН было определено, что ей принадлежит ведущая роль в международном экологическом сотрудничестве, ибо в сферу её компетенции наряду с политическими, экономическими и социальными проблемами входят вопросы охраны биосферы планеты. В 1948 г. при активной поддержке ЮНЕСКО была создана первая международная природоохранная организация – Международный союз защиты природы. В 1950-е гг. изменился концептуальный подход к проблемам окружающей среды: на смену концепции защиты природы, которая подразумевала сохранение отдельных природных объектов, пришла концепция охраны природы, предусматривающая рациональное, комплексное использование естественных ресурсов. В связи с этим в 1956 г. Международный союз защиты природы был переименован в Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП). 1960-е гг. характеризуются чрезвычайной активизацией многостороннего международного экологического сотрудничества, поскольку проявились негативные последствия научно-технической революции, воздействие человека на окружающую среду приобрело глобальный характер и всё чаще превышало естественные возможности экосистем к самовосстановлению. В 1968 г. сессия Генассамблеи ООН приняла резолюцию, определившую роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека.

Руководство СССР, постоянно стремившееся доказывать, что страна не отстаёт от мира капитализма, было готово приветствовать (или хотя бы не препятствовать) появление природоохранной активности, в том числе студентов и профессоров естественнонаучных факультетов университетов, профессионалов в этой сфере. О том, что международные действия в защиту природы были одной из причин того, почему деятельность ДОП стала возможной в нашей стране в то время, говорили в наших интервью и бывшие члены различных дружин.

Во внутренней политике такой международный контекст отражался, с нашей точки зрения, следующим образом. Во-первых, в это время состоялась политическая и экономическая «оттепель»: происходила некоторая либерализация всех сфер жизнедеятельности общества. Во-вторых, в связи с этим была установка на поддержку общественных инициатив партийно-комсомольскими структурами с задачей их возглавить или хотя бы кооптировать в собственную деятельность. В-третьих, охрана природы не считалась сферой политики, а рассматривалась как сфера, в которой необходимо приложение сил всего общества. В-четвёртых, СМИ, находящимся под неусыпным контролем государства, было спущено указание публиковать материалы природоохранной тематики, коих было множество и которые формировали отношение к данной проблематике, предоставляя при этом и участникам самого процесса охраны природы возможность размещать свои материалы в тех или иных изданиях, включая телевидение (забегая вперёд скажем, что дружинники, по их воспоминаниям, постоянно выступали в различных СМИ).

В целом известно, что «оттепель» 1960-х гг. породила большое количество инициатив в различных сферах и выдвинула новых лидеров. Однако институционально удалось закрепиться лишь дружинам, которые продолжали свою активность весь последующий период, вплоть до сегодняшнего времени.

Причины возникновения ДОП

Советское общество в целом было в той или иной степени ориентировано на «любовь к природе». Тому есть несколько причин. Большая часть населения была (хотя и в различной степени) связана с деревней – у горожан там были родственники, к которым отправляли детей на лето, ездили помогать старикам на приусадебном участке, да и самих горожан регулярно отправляли на работу в колхозы и совхозы («на картошку»). Так что считать, что город был полностью оторван от природной среды, невозможно. Это дополнялось и тем, что в нашей стране всегда основным местом отдыха горожан являлись дачи, они же служили и важным подспорьем в борьбе за физическое выживание семей.

«Оттепель» 1960-х гг. породила большое количество инициатив в различных сферах и выдвинула новых лидеров. Однако институционально удалось закрепиться лишь студенческим дружинам охраны природы, которые продолжали свою активность весь последующий период, вплоть до сегодняшнего времени.

Кроме того, существовала масса форм отдыха на природе. Леса, степи, озёра, реки – это главные источники эстетического наслаждения граждан СССР (чему свидетельство – массовое развитие походного туризма, вызывавшего, кстати, особое беспокойство и специальные формы действия многих дружин).

Всё это ставило в повестку дня самого общества и вопросы сохранения живой (или дикой) природы, поскольку деятельность человека неизбежно ведёт к её деградации, если конкретные сообщества не озабочиваются минимизацией такого негативного влияния. Стоять в стороне студентам-биологам (если и не всем, то хотя бы тем, кто ценил живую природу и осознавал себя ответственным за её сохранение) было невозможно.

Однако основной причиной возникновения ДОП (что сформировало потребность не созерцательного, а действенного отношения к природе) следует считать недостаточное внимание к охране живой природы, проявляемое государством, о чём свидетельствует отсутствие даже специально предназначенного для этого ведомства. В то время и охрана окружающей среды, и охрана живой природы осуществлялись специализированными структурами, существовавшими внутри хозяйствующих или производственных объектов. Так, на промышленных предприятиях весьма активно (но в рамках интересов производства) действовали отделы по охране окружающей среды от выбросов, по контролю над утилизацией промышленных отходов и т. п. За охрану природы отвечали сами природопользователи – лесные хозяйства, охотничьи организации, аграрные и добывающие предприятия. Таким образом, ниша деятельности, строго направленной на охрану природы, и надзорных функций была почти полностью свободна (почти – потому что в случае тяжёлых и доказанных нарушений проблемой занимались партийные органы). Но заметить это, оценить возможности и попытаться заполнить эту нишу собственной активностью могли только те специалисты, для которых профессиональная деятельность была фундирована ценностями, делающими обязательным достижение желаемого результата, а не просто выполнение собственных должностных функций.

Ценности членов ДОП – альтернатива действующему мировоззрению общества

Такое отношение к природе со стороны государства и общества, конечно, определённым образом сказывалось на тех молодых людях, чей выбор будущей профессии был связан с природными объектами – землёй, почвой, лесами, биологией

в целом. Смеем предположить, что этот выбор осуществлялся под влиянием интереса к самому предмету изучения. Но интерес не означает его автоматического преобразования в ценность. В связи с этим, носителями ценности живой природы как таковой оказываются далеко не все профессионалы сферы естественных наук, но только те, для кого профессиональный интерес совмещается с заботой об объекте исследования и действиями, направленными на его сохранение. В первую очередь, носителями такой ценности и стали студенты-дружинники многих вузов страны (по нашим подсчётам, это всего около 15-20% обучающихся).

В результате многолетней активности ДОП (практически, при смене нескольких поколений дружинников) сложилась целая система ценностей.

Под ценностью живой природы (основополагающая ценность исследуемого сообщества) понималось равенство прав всего живого на земле.

Поскольку общество в целом исповедовало антропоцентризм, то следующей в рейтинге ценностью стала гармонизация отношений природы и общества.

Личная ответственность – базовая ценность, обеспечивающая активную позицию эколога-общественника и формирующая такую позицию у новичков (что особенно важно при постоянно обновляющемся составе ДОП).

Постепенно, особенно с формированием движения дружин, ценностью становились сами коллективные действия, их интерпретация выражалась в формуле «чувство локтя»: «... объединение усилий дружин будет превращаться из процесса исключительно сознательного, контролируемого только волевыми усилиями, в процесс, подкрепляемый чувствами дружбы, духовной близости людей из разных дружин, чувством локтя»; «Дружина – братство людей, одинаковых по духу. Не хочешь работать – выметайся [1, с. 33, 49]. О. Н. Яницкий справедливо назвал многолетние организованные коллективные действия дружинников «порождающей средой» [2, с. 28-32], ибо они не только поддерживали вышеозначенные ценности, но и воспроизводили их в многочисленных поколениях студенчества.

Система ценностей ДОП выразилась в полной мере в написанном дружинниками МГУ гимне своего движения. Приведём лишь первый куплет:

Нелегко нам по лесу бродить,
Каждый выстрел в сердце отдаётся,
Даже если умереть придётся,
Мы должны природу защитить!

Таким образом, исследуемое движение, в соответствии с определением А. Турена, было ценностно-ориентированным [см.: 4], а его участники – носители этих ценностей – определяли своей миссией (хотя таких высоких слов тогда ещё не знали) совершенствование мира посредством изменения системы ценностей общества, то есть, согласно тому же Турену, каждый из них был «человеком действующим» [см.: 5].

Что делать, чтобы изменить мир?

Цели ДОП и движения формировались постепенно, вслед за созданием системы ценностей и базирясь на них.

Конечно, первейшая цель – охрана живой природы, поскольку её самоценность – непреложная истина для дружинника. Исходя из этого и опираясь на ценность личной ответственности, задачей становится – действовать в защиту природы в максимально возможных направлениях. В связи с этим появились самые первые формы действия, такие как борьба с браконьерством, спасение елей от вырубания их в лесах в предновогодние периоды, сохранение диких первоцветов весной от их повсеместного истребления для продажи в мегаполисах, экологическая пропаганда и просвещение.

По мере вовлечения в реальную работу членами дружин было осознано, что личной целью каждого активиста является самореализация, возможность проявления инициативы. Было отмечено противоречие «между растущей общественной активностью студенчества и возможностями самовыражения, самоутверждения, имеющимися в вузе» [1, с. 45].

В ходе природоохранной деятельности обнаружилось, что для достижения основной цели – охраны природы – необходимо проводить самые разнообразные исследования или, по крайней мере, анализировать различные факты. И это не только естественнонаучные изыскания, но и осмысление процессов управления, проблем розничной торговли, целей и способов коммуникаций – как по горизонтали, так и по вертикали. В результате задачей стало не только проведение исследований различной направленности, но и создание методологии действий природоохранных структур, в первую очередь – общественных. Уже в 1976 г. дружинники констатируют: «Исследовательская работа в дружине ... несёт двойную нагрузку. Она несомненно имеет большое значение сама по себе, как источник решения неясных вопросов рационального природопользования. И вместе с тем, она учит молодого специалиста, выпускника высшего учебного заведения принимать решения в соответствии с принципами охраны природы, учит тому, чему сама высшая школа пока не учит и учить будет не скоро» [1, с. 43].

Для смены системы ценностей общества необходимо осуществлять просветительскую (в том числе, пропагандистскую) и воспитательную деятельность. А чтобы выполнять такую задачу качественно стала очевидной и задача постоянного повышения образовательного и культурного уровня самих членов ДОП. В результате, констатируют дружинники, «выполняя большой объём общественно важной работы, дружины формируют людей, подготовленных теоретически и морально к организации своей деятельности, исследовательской, организационной, в соответствии с необходимыми принципами. И если вспомнить, что в конце концов руководство жизнью страны перейдёт к специалистам нашего поколения, то это очень и очень важная функция дружин» [1, с. 43].

В «глубинные» советские времена (и период «оттепели», и в эпоху длительного и разлагающего общества застоя) дружинники постоянно осознавали и реализовывали задачу взаимодействия с различными структурами общества. В первую очередь, с органами власти для решения конкретных природоохранных проблем и даже для оказания давления при принятии экологически значимых решений (одним из способов действия в таких случаях были выступления в СМИ и письма в адрес конкретного чиновника, которые «сыпались» на него от дружин со всех концов страны). Не менее значимым было взаимодействие с хозяйствующими субъектами, которое осуществлялось в виде совместной работы (например, с лесными и охотничьими хозяйствами, рыбнадзором), а также для их мобилизации на осуществление природоохранных действий в максимально возможном объёме. Таким образом реализовывался лозунг дружинников «У природы везде должны быть свои люди», и сегодня многие из экологов-общественников утверждают, что будут взаимодействовать с любыми общественными структурами, вне зависимости от их идейных убеждений, если это окажется полезным для охраны живой природы. При этом участники экологических движений являются демократически ориентированными гражданами. Действительно, для эффективных действий по охране природы (в виду их большой затратности и некупаемости этих затрат в обозримом будущем, что, особенно в условиях рынка, не может оказаться приоритетным) обязательно необходима поддержка общества, а значит – учёт общественного мнения властями и возможность участия в принятии решений (или хотя бы наличие способов оказывать на этот процесс влияние). Всё это более эффективно может быть реализовано в условиях демократического устройства общества. Но отвлекаться от своего основного дела на борьбу за демократические ценности (за исключением тех, кто готов стать политиком или считает, что без политической воли охранять природу эффективно невозможно) основная часть экологов-общественников не склонна, и это решение, по их мнению, обосновано их ценностями и целями.

Участники экологических движений являются демократически ориентированными гражданами: для эффективных действий по охране природы обязательно необходима поддержка общества, а значит – учёт общественного мнения властями, возможность участия в принятии решений или хотя бы наличие способов оказывать на этот процесс влияние.

Подводя итоги

В целом, причины возникновения ДОП и движения дружин, ценности и цели их активистов тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, являясь при этом производными от позиции профессионала-биолога, ощущающего себя ответственным гражданином. Объединяются они в единое целое чётко сформированным подходом, который был воплощён в формулу на самой ранней стадии развития движения – «мы не работаем, охрана природы – дело жизни». К чести членов ДОП, это «дело жизни» они продолжают реализовывать по сей день: до настоящего времени живут и действуют дружины различных вузов страны, по сей день в строю истинных борцов за сохранение живой природы многочисленная «армия» бывших дружинников, продолжает действовать и развиваться сеть организаций, учреждений, а главное – конкретных людей, искренно стремящихся защищать природу. Неформальное сообщество экологов-профессионалов живёт и действует [см: 5]. Аналога такой сетевой общественной организации, начало которой положили студенты в советские времена, когда никто ещё не имел представления о сетевых общественных структурах, в мире не существует.

Библиографический список

1. 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодёжное движение в СССР. Факты и документы. – Казань Социально-экологический союз, 1992.
2. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. – М.: ИС РАН, 1996.
3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
4. Tarrow S. Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Touraine A. An introduction to the study of social movements // Sociological Research. 1985. Vol.52. N. 4.
6. О деятельности современных дружин охраны природы // веб-сайт «Движение дружин охраны природы» URL: <http://dopmgu.forest.ru>.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Жизнь и смерть В. В. Докучаева: экологический и индустриальный подходы в почвоведении

Кульпин Эдуард Сальманович – главный научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «История и современность», доктор философских наук, профессор

E-mail: ekulpin@mail.ru

Сфера технологии как пространство социального действия¹

Аннотация

В статье на примере противостояния двух учёных – основоположников российского почвоведения (В. Докучаева и П. Костычева) показано, как учёные, будучи акторами социального действия, не ограничиваются личными отношениями. Автор показывает, что научное противостояние имеет глубинное философское основание и находит своё отражение в конкретных технологиях в сфере взаимоотношений человека и природы.

Ключевые слова: социоестественная история, современное естествознание, почвоведение, субъект социального действия, научная общественность, бюрократия, традиционные стереотипы поведения

Родившись в семье биологов, я слышал о Докучаеве с детства. С отрочества сложилось представление о вкладе учёного в науку, и в соответствии с этим представлением реконструировался облик человека в частной и общественной жизни. Но в научной, научно-популярной литературе облик учёного оказался иным². При углублённом поиске оказалось, что практически оставлена без внимания частная жизнь Докучаева. Безусловно выдающийся не только учёный, но и общественный деятель как субъект социального действия не был до конца понят тогдашним российским научным сообществом, что нашло отражение в отношении современников к его мировоззрению.

¹ Данная статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 11-06-00143 «Разработка теоретических основ и методологии прогнозирования взаимодействия природы и общества РФ в 2011-2030 гг.»

² Я был обескуражен, не найдя отражение моего представления роли Докучаева как предтечи современного научного мировоззрения, предшественника учения Вернадского о биосфере, общей теории систем и синергетики. Показательно, что лишь в 1990-е гг. появились статьи Г. В. Добровольского (в том числе, одна из них с символическим названием – «Докучаев и современное естествознание») с цитатами Докучаева, созвучными нашему времени и с упоминанием И. Пригожина. В частности, была особо выделена мысль Докучаева о недостаточности разрозненного изучения природных тел: «Необходимо иметь в виду, по возможности, всю, единую, цельную и нераздельную природу, а не отрывочные её части, ... иначе мы... никогда не будем в состоянии учесть, что принадлежит к одному, а что к другому фактору... Само собой разумеется, что и почвы, подобно всем организмам, могут быть между собой сравнимы лишь при условии одного и того же возраста» [12].

Что мы знаем о Докучаеве? Что Василий Васильевич был естествоиспытателем, профессором Петербургского университета, что он заложил основы генетического почвоведения, основал первую в России кафедру почвоведения, дал научную классификацию почв, изложил комплекс мер борьбы с засухой, создал учение о географических зонах, что его идеи оказали влияние на развитие физической географии, лесоведения, мелиорации и других научных дисциплин, связанных с природопользованием. Всё это либо в сжатом, либо расширенном вариантах повторяется в любой справочной литературе, а в научно-публицистической – детализация перечисленного. В специальной научной литературе – профессиональная конкретика. О его личности, о нём как акторе социального действия, как ни странно, известно не так много. Поразительно, но факт: современники как бы «уходили» от личной жизни Докучаева, что для личности такого масштаба равносильно сокрытию и общественной его деятельности. Потомки же создали мифологический портрет «основоположника», стоящего на высоком пьедестале, с которого обыденная жизнь не видна¹.

Мысли странные и неправильные

В «Истории почвоведения» Игоря Крупенникова есть лишь одна, но многозначительная фраза: *«Жизнь Докучаева трагически оборвалась в 1903 г. Идеи учёного слишком опережали его время, лишь в слабой мере осуществились его предложения по преобразованию природы степей, комплексному изучению окрестностей Петербурга, реформе высшей школы»* [1, с. 169]. Есть констатация факта, но нет объяснения, почему жизнь учёного оборвалась *трагически*, почему его идеи *слишком опережали время*, почему *в слабой мере* осуществились его предложения по преобразованию природы и реформе высшей школы. Из процитированного утверждения естественно было искать в литературе отголоски неизвестной борьбы учёного с собственным научным окружением. Но *трагическая* острота борьбы не нашла своего отражения ни в специальной биографической литературе [см.: 2; 3; 4; 5 и 6], ни в трудах по истории науки [см.: 7; 8, с. 778; 9; 10;], ни в юбилейных сборниках статей [см.: 11], ни в отдельных статьях [см.: 13-15; 16; 17; 18; 19; 20], ни в научно-популярной литературе [см.: 21; 22;

¹ От учёного исходила «та таинственная сила, присущая только крупным и сильным людям, которая невольно заставляет их слушать и каждому пустяку придаёт какое-то особенное значение и важность» [16, с. 325-327]. Вот как описывает В. Сафонов Докучаева-лектора: «Он входил в аудиторию. Начинал читать. Без всяких красот. Но – странное дело! – полёт мухи был бы слышен в аудитории. Он говорил со страстным убеждением, которое заставляло слушать, потом захватывало и покоряло слушателей... Редко кому было дано так неотразимо привлекать к себе молодые души и сердца, создавать по-настоящему преданных учеников, как этому громадному, внешне суровому, даже грубоватому человеку...» [28].

23; 24; 25; 26; 27]. Во всех перечисленных выше публикациях Докучаев предстаёт человеком, которому всё задуманное удаётся. В научных диспутах он – триумфальный победитель, окружённый восторженными почитателями повсюду: в столице и провинциях. Ему, а не его оппонентам, поручали чрезвычайные научные акции – экспедиции, имеющие своей целью выявление фундаментальных причин неурожаев в России, и разработки практических рекомендаций. Но факты биографии свидетельствуют также о финальном жизненном фиаско: он *«не смог добиться официального признания Российской академией наук почвоведения как фундаментальной естественной науки. Официальное признание деятельности обошло Докучаева. Он не удостоился никаких академических званий, не занимал научно-административных постов, не занимал кафедры почвоведения в высших учебных заведениях. Он не был прямо причастен и к рупору новой науки – журналу “Почвоведение”»* [10, с. 125-126]. Кажется, что тайна окружает жизнь учёного, что есть нечто, о чём знают специалисты, но молчат, возможно связанные цеховой солидарностью. Молчат не только современники учёного¹, но и наши современники. О чём не пишут, а если пишут, то вскользь, мимоходом, причём с прямым или косвенным призывом к пониманию и, возможно, извинению великого учёного?

Самый известный ученик Докучаева – Владимир Вернадский характеризует учителя так: «Это был тип, который нередко выдвигался в русской истории из народной среды. Энергичный работник, он умел хотеть и умел достигать своей цели путём личного колоссального труда и путём организации работы других. Он не подходил к рамкам, выработанным нашим обезличенным обществом; нередко его резкая натура входила в столкновение с окружающей обстановкой. Как люди сильной воли, он слишком подавлял многих, имевших с ним дело. Но хотя с ним можно было во многом не соглашаться, многое могло в нём шокировать, ко многому в нём можно было относиться отрицательно, но одного нельзя было никогда у него отнять – умения группировать вокруг себя учеников, будить и возбуждать научную мысль, организовать коллективную работу; нельзя было отрицать в нём постоянного стремления работать для общественных, а не для личных задач. В личных отношениях он представлял во многом

¹ Имеется лишь одно исключение из общего правила. В некрологе одного из его учеников (в научном отношении не самого близкого, в профессиональной сфере настолько незначительного, что история не донесла до нас его имени, только инициалы П. В., но бывшего рядом с ним последние годы) Отоцкого читаем: «С 17-го февраля 1846 г. по 26-е октября 1903 г. – вот время действия большой трагедии, именуемой жизнью Докучаева; трагедии, построенной по всем правилам классической: с верхней кульминацией, приходящейся приблизительно на 1894 г. с низкой уже трагической кульминацией в девятисотые годы и... испугательным или избавительным концом» [16, с. 319]. Такова единственная многозначительная фраза, намекающая на веские причины трагедии, но не раскрывающая их.

self-made man`а, прошедшего тяжёлую школу нужды, выбившегося своим «горбом» и трудом. И он никогда не скрывал этого. Суровый, резкий и требовательный, он был таким не только к другим, но и к себе. И в то же время он являлся очень искренним во всех своих начинаниях; умел выслушивать правду или правильно относиться к резким отзывам близких ему людей, своих учеников. Этим объясняется то, что при всей властности своего характера он сохранял неразрывными близкие связи с людьми, которые открыто и во многом с ним не соглашались» [7, с. 282-283]. Тот же Вернадский отмечал: «...руководящие мысли, наполнявшие научную деятельность Докучаева в почвоведении, казались его современникам странными и неправильными» [7, с. 271]. Кому же конкретно *руководящие мысли* Докучаева казались *странными и неправильными*?

Исключительная непримиримость

Известно, что главным оппонентом Докучаева был П. Костычев. В борьбе с Докучаевым Костычев, по словам И. В. Тюрина, проявлял *«исключительную непримиримость и изобретательность»* [Крупенников, 1981, с. 175-176]. Известно, что с Костычевым при встречах Докучаев не здоровался. Кто такой Костычев? Нерукопожатый коллега? Видимо, да, но незначительный ли? Павел Андреевич Костычев до сих пор считается наравне с Докучаевым основоположником современного почвоведения. В чём же суть разногласий и их фундаментальные основы?

Один из ведущих почвоведов СССР середины XX в. Дмитрий Виленский, сравнивая в 1950 г. вклад учёных в науку, писал, что, согласно Докучаеву, «почва есть результат совокупной деятельности и влияния материнской породы, растительных и животных организмов, климата, возраста страны и рельефа местности». Но, как утверждает этот исследователь, Докучаев не смог показать «тесную связь и взаимодействие почвы с растительностью». По мнению Виленского, этот недостаток был исправлен Костычевым, впервые определившим, что почвой нужно называть «верхний слой земли до той глубины, до которой доходит главная масса растительных корней» [29, с. 5]. Из аргументации Виленского можно сделать вывод, что точка зрения Докучаева включает в себя костычевские представления, что позиция Костычева является лишь частью более широких воззрений Докучаева. Если Докучаева «интересовали не отдельно взятые факты, а *соотношения* между ними, интересовала *динамическая* сторона явлений природы, интересовал *процесс* явлений» [30, с. 354], Костычева – частный взгляд на почву как явление, сфокусированный на её практи-

ческой пользе для ныне живущих и (что самое существенное для разницы воззрений) оставляющий проблемы будущего состояния почвы – следующим поколениям.

Как бы подводя итог эволюции двух направлений, историк почвоведения Игорь Крупенников пишет: «Костычев полностью отрицал роль климата в образовании почв и, в частности, чернозёма; значение материнских пород сводил к их физическим свойствам. Он выступил с критикой Докучаева во время его докторского диспута... Эти дискуссии продолжались и потом, но постепенно утратили остроту; Докучаев в последних своих работах широко использовал результаты исследований Костычева. Взгляды Костычева на почвы и роль биологического фактора сформировались под влиянием изучения чернозёма. Костычев опирался на исследования Пастера, Грандо, Вольни и, хотел он этого или нет, больше всего – Докучаева» [1, с. 175-176].

Что за феномен – *костычевское направление в науке*? В чём суть его противостояния докучаевскому? Получается, что учёные, стоящие на принципиально разных научных позициях, совместно создают одну науку. Одну ли? Стороннему наблюдателю противостояние двух учёных может показаться незначительным свидетельством лишь личной неприязни, но на самом деле оно свидетельствовало о принципиальной разнице в мировоззрениях. Эта разница, однако, тогда так не артикулировалась, как сегодня, да и философские основания учения Докучаева были осознаны относительно недавно¹. Но разница в подходах была и выражалась в конкретных рекомендациях, технологиях, как во время жизни основоположников, так и после них. Последователи одного подхода фактически исходили из положения, что сумма решений конкретных частных проблем даст возможность решения общей (от частного к целому), их оппоненты придерживались противоположного взгляда. Одни – осознанно или неосознанно – считали, что проблемы должны решаться, исходя из интересов современников, причем по «формуле», известной сегодня по крылатому выражению Дэн Сяопина – «не важно какого цвета кошка,

¹ В 1990-е гг. исследователи творчества Тимофеева-Ресовского А. Тюрюканов и В. Фёдоров так обозначили смысл кардинальных преобразований, осуществлённых Докучаевым в науке: «Исходным и вместе с тем конечным пунктом деятельности Докучаева и Вернадского было исследование взаимосвязи общества с природой, разработка теоретических и практических аспектов этой взаимосвязи... В творческом содружестве Докучаева и Вернадского, учителя и ученика, был совершён решающий прорыв к биосферно-космическому научному мышлению, наполненному историзмом... Понятие биосферы стало ядром, центром необходимого, естественного и точного синтеза многочисленного эмпирического материала о жизни поверхностной оболочки нашей планеты... Разработанное Докучаевым понятие естественно-исторического тела (системы, образования) стало основополагающим понятием биосферного класса наук. Являясь элементарным (далее неразложимым, без потери качества), оно стало исходным моментом, всеобщей и универсальной основой изучения биосферы и её систем, тем зародышем, из которого развились все другие понятия биосферных наук» [31, с. 24-25].

лишь бы ловила мышей». Другие полагали, что проблемы должны решаться при системном и историческом подходе с учётом стабильности биосферы в целом и интересов последующих поколений. Для одних наивысшей ценностью является развитие общества, убеждённость, что антропогенизация природы не только объективный, но и (это главное) позитивный процесс. Для вторых наивысшей ценностью является живая природа – гарант существования человека на Планете¹.

Итак, если, как полагает Кирпичников, и произошёл синтез двух направлений в конкретных рабочих установках двух учёных, то произошёл ли он в научном сообществе?

«Кирпич» или организм?

Взгляд Докучаева на окультуренную почву представлялся неприемлемым и полвека спустя. Известный историк почвоведения и общественный деятель А. А. Ярилов в 1930-е гг. писал: «Сейчас нетрудно критиковать многие положения и высказывания Докучаева, особенно его противопоставление естественной почвы почве культурной. Для Докучаева последняя – “кирпич”, выделанный человеком из природного сырья... Это конечно, не так». Что же такое окультуренные почвы – мёртвый кирпич или живой организм? Позитивно относясь к наследию учёного, Ярилов вместе с тем пытался «оправдать» его в духе своего времени: «Докучаев не был знаком с учением Маркса–Энгельса» [32, с. 15].

Шла ли борьба за понимание сути почв в XX веке? Шла: после засухи 1947-1948 гг. «работы велись под лозунгом борьбы с засухой методами, якобы разработанными Докучаевым–Костычевым–Вильямсом. Это... не соответствовало истине... <Вся работа проводилась> под научным девизом... Докучаева–Вернадского–Вавилова. Именно эти учёные внесли новые идеи в ресурсные науки и предсказали пути прогрессивного развития природных процессов и антропогенных воздействий на них. Но большинство идей остались невостребованными, и освоение природы пошло иным... истощающим путём» [10, с. 130]. Авторитетное мнение учёных о практике почвоведения в советское время, которое они почему-то публично высказали лишь в постсоветское, таково: хотя «докучаевские методы воздействия на почву повысили урожайность на 20-30%, ... многие, если не все приёмы модер-

¹ В постсоветское время проблема неоднократно обсуждалась на Научном совете Минэкологии РФ (членом которого был и автор данной статьи), а живой спор между двумя принципиальными взглядами нашел своё крайнее выражение в длительной острой полемике на страницах экологического еженедельника «Зелёный мир» между Виктором Даниловым-Данильяном, тогдашним министром экологии РФ, и философом Акопом Назаретяном.

низации земледелия вели к “обезжизниванию” почв, к гибели её животного и бактериального населения. Внесения в почву огромного количества химических удобрений, гербицидов, пестицидов, уменьшение... органического вещества при обогащении её тяжелыми металлами и радиоактивными нуклидами привело к отравлению животных и возделываемых растений» [10, с. 127].

Итак, в середине XX в. большинство идей Докучаева оставались не востребовавшими, и во второй половине века советская модернизация земледелия приводила к *обезжизниванию* почв. Может быть, что-то изменилось в наши дни? Казалось бы, очевидна значимость наследия Докучаева сегодня, когда экологическое сознание стало почти иконой. Борясь за сохранение почв, он фактически говорил об устойчивом развитии, о сохранении биосферы. Ведь 99,8% биомассы создаётся почвами и 92% видового разнообразия обусловлено ими же, а деградация почв – прямое и самое точное свидетельство деградации природы, снижения уровня её самоорганизации, экологического и ментального кризиса.

На пороге XXI века исследователь творчества Докучаева И. Филоненко с горечью констатировал, что костычевское направление в науке и через сто лет будет подспудно, неосознанно враждовать с докучаевским и не даст последнему проявить себя на больших территориях [см.: 27]. Что же стало причиной личной трагедии Докучаева?

Неизлечимость болезни

Пока дискуссия П. Костычева и В. Докучаева не выходила за академические рамки, победителем неизменно был Докучаев: «В каждом слове его чувствовалась огромная сила, уверенность в себе и правоте своего дела; во всём его умственном складе поражали необычайная энергия, не знавшая усталости, не признававшая препятствий, добивающаяся намеченной цели во что бы то ни стало» [23, с. 3].

Иная ситуация сложилась, когда спор перешёл в практическое русло. В 1892 г. Докучаев принял предложение произвести реорганизацию Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства. В результате титанической работы им были пересмотрены учебные программы и созданы новые, ставшие затем образцовыми для всей системы образования в нашей стране. Готовились специалисты, мировоззрение которых опиралось на новые научные представления, а направленность профессиональной и общественной деятельности была ориентирована на сохранение природы. Так, в частности, возникла важнейшая предпосылка для создания сети природоохранных учреждений в России. Отношение бюро-

В XX в. большинство идей Докучаева оставались не востребовавшими. Казалось бы, очевидна значимость его наследия сегодня, когда экологическое сознание стало почти иконой. Борясь за сохранение почв, он фактически говорил об устойчивом развитии, о сохранении биосферы. Ведь деградация почв – прямое свидетельство деградации природы. Но и через сто лет «технологическая» точка зрения подспудно, неосознанно враждует с докучаевским подходом, не давая последнему возобладать.

кратии к деятельности Докучаева было противоречивым. Он долгое время получал поддержку от А. Ермолова [10, с. 129]. Однако прямой начальник Докучаева по Варшавскому учебному округу Апухтин всячески препятствовал его работе. История не донесла до потомков имя Апухтина. Только фамилию и суждения о нём окружающих. Причём суждения позитивные. Вот одно из них: «Управляющий институтом был прямой и честный человек, который, однако, далеко не всегда отделял свои личные дела от дел общественных» [16, с. 335].

Известна и причина его конфликта с Докучаевым: учёный мешал начальнику использовать земли академии для собственных хозяйственных нужд. «И вот управляющий Институтом опутывает [Докучаева – Э. К.] сеть канцелярских придирок, проволочек, мелких уколов, кляуз, сплетен» [16, с. 335]. *Прямой и честный человек* Апухтин по старой русской традиции полагал, что если чиновник что-то получил в управление, то значит и во владение, как боярин Московской Руси – для кормления. И эта его позиция встречала понимание окружающих. Можно сказать, что в лице Апухтина с Докучаевым боролась сама среда. «Докучаев был вынужден уйти из института, им созданного, им превращённого в единственный на свете. В 49 лет могучий человек был выведен из строя целенаправленными действиями тогдашнего попечителя учебного округа, ему изменило здоровье» [28].

История учёного показывает, что он был способен преодолевать косность научной среды, но косность социально-административной системы – не смог. Известно, что он заболел в 1894 г. Именно тогда, когда директором Департамента земледелия стал его ярый недруг Костычев.

С 1895 г. с перерывами до 1897 г. Докучаев находился в больнице: начались «сильный шум в висках, бессонница, ослабление памяти, слуха и зрения». Последний всплеск активности пришёлся на 1898-1900 гг. В это время его деятельность «носит несомненный характер болезненности; какая-то судорожная, чрезмерно спешная и напряжённая, часто нецелесообразная, ненормально шумная;... уходят дела и, что ещё ужаснее, уходят сотрудники. И действительно, работать с ним в это время было почти невозможно... Он сохраняет сознание и неустанно молит Бога и близких об одном: “поскорее зарыть его в сырую землю”» [16, с. 335-338]. «В полном сознании открытого перед ним ужаса, – писал В. И. Вернадский, – он напрасно старался, уже больной, найти спасение в энергичной, широкой научной работе, с трогательной силой обращался мыслью и сердцем к самым глубоким тайникам человеческой души... Казалось, он стремился противопоставить надвигающемуся несчастью всю силу, всю полноту своей личности» [7].

История учёного показывает, что он был способен преодолевать косность научной среды, но косность социально-административной системы – не смог.

Почему Докучаев – почти былинный богатырь с высоким интеллектуальным потенциалом, оказывается в возрасте чуть больше пятидесяти (совсем не старость для учёного) неизлечимо больным и, похоже, страдающим слабоумием? Прямого ответа на этот вопрос в огромной литературе, посвящённой ему, нет.

Библиографический список

1. Крупенников И. А. История почвоведения (от времени его зарождения до наших дней). – М.: Наука, 1981.
2. Крупенников И. А. Магия личности и имени В. В. Докучаева // Почвоведение. 2002. № 9. С. 1034-1042.
3. Крупенников И. А., Крупенников Л. А. Василий Васильевич Докучаев. – М.: Сельхозгиз, 1950.
4. Крупенниковы И. и Л. Докучаев. 1846-1903. Серия: Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 1948.
5. Крупенниковы И. и Л. Путешествия и экспедиции В. В. Докучаева. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949.
6. Польшов Б. Б., Крупенников И. А., Крупенников Л. А., Василий Васильевич Докучаев. Очерк жизни и творчества. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. Вернадский В. И. Страница из истории почвоведения (Памяти В. В. Докучаева) // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988.
8. Из переписки В. В. Докучаева и В. И. Вернадского // Научное наследство / Ред. Вавилов С. И. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1951.
9. Зонн С. В. Василий Васильевич Докучаев, 1846-1903. – М.: Наука, 1991.
10. Зонн С. В., Ерошкина А. Н. Ученики и последователи В. В. Докучаева // Почвоведение. 1996. № 2.
11. Русский чернозём: 100 лет после Докучаева. – М.: Наука, 1983.
12. Добровольский Г. В. Докучаев и современное естествознание // Почвоведение. 1996. № 2.
13. Добровольский Г. В. Язык В. В. Докучаева как отражение широты его научного мировоззрения и литературного таланта // Почвоведение. 2007. № 9.
14. Добровольский Г. В. След на все времена (К 150-летию со дня рождения В. В. Докучаева) // Вестник РАН. 1996. Т. 66.

15. Добровольский Г. В. Докучаев и современное естествознание // Почвоведение. 1996. №2.
16. Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Докучаев. – М.: Изд-во журнала «Почвоведение», 1904.
17. Саушкин Ю. Г. Русская ландшафтно-географическая наука. Вступ. ст. // Докучаев Василий Васильевич. Учение о зонах природы. – М.: Географгиз, 1948.
18. Заварзин Г. А. Смена парадигмы в биологии // Вестник РАН. 1995. №1.
19. Захаров С. А. Последние годы деятельности В. В. Докучаева // Почвоведение. 1939. №1.
20. Чеботарёва Л. А. Василий Васильевич Докучаев // Докучаев В. В. Т. 9. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
21. Баландин Р. К. В. В. Докучаев: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1990.
22. Борейко В., Грищенко В. Василь Васильович Докучаев // Рідна природа. 1986. № 3.
23. Герасимов И. П. Великий русский учёный В. В. Докучаев (к 125-летию со дня рождения) // Почвоведение. 1971. № 8.
24. Герасимов И. П. Учение В. В. Докучаева и современность. – М.: Мысль, 1986.
25. Кирьянов Г. Ф. Василий Васильевич Докучаев, 1846-1903. – М.: Наука, 1966.
26. Сеятели и хранители: Очерки об известных агрономах, почвоведех, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках. Отрывки из документов, науч. статей, воспоминаний. В 2-х кн. – М.: Современник, 1992.
27. Филоненко И. Е. Особая экспедиция: Докум.-ист. Повесть. – М.: Прима-Пресс, 2000.
28. Бояринцев В. Русские и нерусские учёные: мифы и реальность. URL: <http://v-boyarintsev.narod.ru/2.html>.
29. Виленский Д. Г. Почвоведение. – М., 1950.
30. Богословский Н. А. Общий характер научной деятельности В. В. Докучаева // Почвоведение. 1903. № 4.
31. Тюрюканов А. Н., Федоров В. М. Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья. – М.: Изд-во Научного центра РАН, 1996.
32. Ярилов А. А. Докучаев // Почвоведение. 1939. № 1.

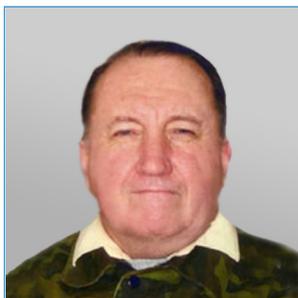
Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

К о р а н в Р о с с и и : переводы и переводчики

Гаврилов Юрий Александрович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН

E-mail: krista8888@yandex.ru

Шевченко Александр Георгиевич – старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН

E-mail: krista8888@yandex.ru

Коран в России: переводы и переводчики

Аннотация

В данной статье рассказывается о попытках перевода священной книги мусульман – Корана на русский язык. Анализируя различные версии перевода и биографии самих переводчиков, авторы показывают, как переводчики Корана влияли на понимание ислама российским образованным обществом XVIII-XIX веков и способствовали усвоению элементов исламской эстетики русской литературой.

Ключевые слова: Коран, ислам, перевод, арабский язык, русская литература, интерпретация, толкование

Первые переводы Корана в России. Пётр Постников

В 1716 г. в Санкт-Петербурге по распоряжению императора Петра I была напечатана книга «Алкоран о Магомете или Закон турецкий», ставшая первым изданием главной священной книги ислама на русском языке. Долгое время автором её перевода считали известного учёного и политического деятеля, ближайшего сподвижника Петра князя Дмитрия Кантемира. Такой точки зрения придерживался и один из основоположников отечественной библиографии книгоиздатель Василий Сопиков. В его фундаментальном труде «Опыт российской библиографии», изданном в Санкт-Петербурге в 1813-1821 гг., переводчиком этой книги указан Кантемир [см. 1, т. 1, ч. 2, с. 11].

Однако в начале 60-х гг. XIX в. известный исследователь культуры петровской эпохи академик П. Пекарский обнаружил в Московском архиве иностранных дел рукопись перевода Корана. Её текст целиком и полностью соответствовал тексту издания 1716 г. При этом на последнем листе рукописи сохранилось указание, что «переводил сию книгу Пётр Постников» [2, т. 2, с. 370]. Так появление первого русского издания Корана оказалось связанным с одним из сравнительно малоизвестных, но достаточно самобытных лиц петровской эпохи, первым в России дипломированным врачом, удостоенным докторской степени западноевропейского университета.

Дошедшие до нас сведения о Петре Постникове настолько отрывочны, что неизвестны даже точные годы его рождения и смерти [см. 3-6]. Семья Постниковых в течение нескольких поколений была связана с дипломатической службой. Отец Петра, дьяк Посольского приказа Василий Постников, был видным дипломатом, принимавшим непосредственное участие в заключении «вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. и подписании Нерчинского договора 1689 г. с маньчжурской Цинской империей. Неудивительно, что он стремился дать своему старшему сыну солидное европейское образование.

В 1685 г. Пётр Постников поступил в Славяно-греко-латинскую академию. За большие успехи в науках ему была предоставлена особая честь произнесения поздравительных речей на латинском и греческом языках на Рождество и Пасху перед патриархами Иоакимом и Адрианом. В 1692 г., после успешного окончания академии, Постников был отправлен отцом на учёбу в Италию. Там он поступил в один из лучших в то время в Европе Падуанский университет (случай для России конца XVII в. поистине беспрецедентный).

В 1694 г. Постникову присуждается учёная степень доктора философии и медицины. В том же году для большего усовершенствования во врачебном искусстве он отправляется в Париж. Попутно Постников посещает Брюссель, Амстердам и Лейден, где слушает лекции в местных университетах, а также активно посещает библиотеки и анатомические театры. По свидетельству современников, Постников был чрезвычайно деятельной натурой, совершенно не терпел праздности и всегда энергично стремился к научным занятиям. Он обладал весьма разносторонними знаниями, свободно владел латинским, греческим, французским и итальянским языками.

Тем не менее, полностью посвятить себя медицине Постникову так и не удалось. По словам его биографа профессора Д. Цветаева, «жизнь и деятельность первого нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленных лиц было слишком мало в сравнении с количеством открывшихся дел... И медик по профессии неумолимо превращается, соответственно с неотложными государственными потребностями, в дипломатического помощника, в агента, в переводчика» [4, с. 37].

В 1697 г. как человека, блестяще владеющего иностранными языками и хорошо знакомого с западноевропейской жизнью, Пётр I включил Постникова в состав своего «Великого посольства» в Западную Европу. Постников руководил закупкой лекарственных средств в Голландии, «обозревал» учебные заведения в Англии, подбирали корабельных мастеров в Венеции для приглашения на русскую службу. Попутно он вёл и весьма активную агентурную работу, выясняя состояние

Полностью посвятить себя медицине Постникову так и не удалось: «жизнь и деятельность первого нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленных лиц было слишком мало... И медик по профессии неумолимо превращается... в дипломатического помощника, в агента, в переводчика».

военно-морских сил европейских государств: добывал рецепт смеси для зажигательных бомб, используемых в венецианском флоте, а также выяснял, сколько пушек имеет каждый корабль венецианского и турецкого флотов и какова численность корабельных экипажей.

Однако отрыв от медицины сильно тяготил Постникова, и он всеми силами стремился вернуться к ней, в то время как у руководителей российской дипломатии были на этот счёт совсем иные планы. В 1698-1699 гг. в Карловцах (Славония) проходил международный конгресс для заключения мира между Турцией и антитурецкой «Священной лигой», куда входили Россия, Австрия, Венеция и Польша. Постникову было приказано поступить в качестве секретаря и переводчика в распоряжение известного российского дипломата П. Возницына, представлявшего на конгрессе нашу страну.

Сохранилась любопытная переписка между Постниковым и Возницыным, в которой последний в ответ на настоятельную просьбу Постникова отпустить его в Неаполь для продолжения своих учёных занятий пишет, что «живых собак мертвить, а мёртвых живить» сейчас не время ввиду того, что на конгрессе без Постникова с его знанием языков «дела делать будет некем» [3, с. 33]. Лишь после окончания Карловицкого конгресса Постникову было разрешено продолжить занятия наукой.

В 1699-1701 гг. Постников жил в Голландии, Англии и Франции, успешно совмещая изучение медицины с работой дипломатического агента. В 1701 г. он возвратился в Россию, где стал работать «дохтором» в Аптекарском приказе. Однако уже в следующем году Постников был вынужден вновь перебраться в Париж, где он оставался до 1710 г. в качестве неофициального представителя русского правительства по дипломатической части. Об этом периоде его жизни известно крайне мало. Сохранившиеся документы свидетельствуют лишь о том, что русское дипломатическое ведомство далеко не всегда помнило о своём агенте, в результате чего Постников зачастую оказывался без каких-либо средств существования. Окончательно возвратившись в Россию, Постников поступил переводчиком в Посольский приказ. После 1712 г. его имя из официальных документов исчезло и следы потерялись.

Активная литературно-переводческая деятельность Постникова относится, по всей видимости, к последнему периоду его жизни, а во время пребывания за границей в обширный круг его обязанностей входила закупка иностранных книг. Им была привезена и передана в Посольский приказ весьма приличная библиотека, включающая книги самого разнообразного содержания: от изданий по военному и морскому делу до юридических и богословских трактатов.

В числе книг, закупленных Постниковым за границей, находилось издание Корана на французском языке, вышедшее в Париже в 1672 г. Это было второе издание французского перевода главной священной книги ислама, выполненного французом Андре дю Рие, известным ориенталистом и дипломатом, долгое время проживавшим в Турции и Египте. Его перу принадлежали первая в Европе грамматика турецкого языка, а также многочисленные труды в области арабской, персидской и турецкой литератур. Несмотря на целый ряд неточностей, произвольных сокращений и перестановок текста, перевод дю Рие в течение полутора столетий пользовался огромной популярностью в Европе. Именно он и послужил источником первого перевода Корана на русский язык, выполненного Постниковым.

Сравнение русского текста издания 1716 г. с работой дю Рие показывает, что Постников очень точно следовал за французским текстом. Издание открывается предуведомлением «К читателю». В нём дю Рие высказывает своё резко отрицательное отношение к Корану, находясь во власти расхожих представлений об исламе, господствовавших в Европе в XVII в. Примечательно, что в большинстве сохранившихся экземпляров русского издания данное предуведомление отсутствует. В этой связи существует предположение, будто его изъяли из уже набранного текста по личному указанию императора Петра I как крайне оскорбительное для мусульман.

В следующем за предуведомлением предисловии «О вере турецкой» об исламе говорится уже гораздо более корректно и обстоятельно. В нём рассказывается о значении, которое придают мусульмане главным местам своего паломничества – Мекке и Медине, о существовании у мусульман школ и госпиталей при мечетях, а также об обычае многожёнства в мусульманских странах. Третья часть, озаглавленная «Алкоран о Магомете», содержит непосредственный перевод французского текста Корана.

Разумеется, сравнивать текст Постникова с оригиналом главной священной книги ислама не представляется возможным. Перевод самого дю Рие настолько далеко отходит от арабского текста, что его вторичная передача ещё на один язык не позволяет предъявлять к переводу Постникова какие-либо серьёзные требования в смысле адекватности арабскому оригиналу. Сразу же обращает на себя внимание неверный перевод заглавия «L'Alcoran de Mahomet»: оно передано как «Алкоран о Магомете» вместо «Алкоран Магомета». Частица «de» в данном случае переведена как предлог «о», хотя она на самом деле всего лишь указывает на форму родительного падежа. Интересно при этом, что в самом тексте Постников с этой грамматической формой успешно справился.

Следует отметить, что учёным-востоковедом Постников никогда не был. Перевод Корана в числе многих других иностранных книг, привезённых им из Европы, был для него лишь эпизодом многосторонней научной, дипломатической и литературной деятельности. Поэтому незнание Постниковым специфики источника и коранических сюжетов подчас приводило его к курьёзам: в рассказе о ночном путешествии пророка Мухаммада на небо он упомянул, например, чудесное животное Бюрабланк, хотя в оригинале речь шла о белом коне Бураке. Тем не менее, это нисколько не умаляет историческое и общекультурное значение труда Постникова, поскольку именно с его помощью русские люди впервые смогли ознакомиться с кругом идей и образов главной священной книги мусульман.

Работа Постникова оказалась не единственной попыткой перевода Корана на русский язык в петровскую эпоху. В 1913 г. известный историк В. Срезневский обнаружил в Северной коллекции Рукописного отдела Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге рукопись, озаглавленную «Алкоран или закон магометанский. Переведённый с арапского на французский язык через господина дю Рие». Происхождение и авторство этой рукописи остались неясными, но палеографические особенности позволили датировать её первой четвертью XVIII в. Помимо предуведомления «К читателю» и «Краткого предисловия о вере турецкой» рукопись содержала перевод двадцати сур Корана из вышеупомянутой книги дю Рие, озаглавленный «Закон Магометанский».

Главная отличительная особенность этого перевода – стремление к более точной, чем в труде Постникова, передаче текста французского оригинала. Академик И. Крачковский, детально проанализировавший все русские переводы Корана с книги дю Рие, отметил постепенно повышающийся уровень от не вполне точного первого перевода П. Постникова до вышедшего в 1790 г. перевода М. Верёвкина, обладавшего уже серьёзными литературными достоинствами. Среднее положение между этими двумя переводами как раз и занимает рукопись, найденная Срезневским [см.: 7, т. 1, с. 175-181].

Находка анонимной рукописи убедительно подтвердила тот факт, что первый русский перевод Корана, выполненный Петром Постниковым, не был случайным и единичным явлением в культурной жизни петровской России. Оба эти перевода являются наглядным свидетельством пробуждения интереса в русском образованном обществе к изучению малоизвестной ему мировой религии – исламу.

Учёным-востоковедом Постников никогда не был. Перевод Корана в числе многих других иностранных книг, привезённых им из Европы, был для него лишь эпизодом многосторонней научной, дипломатической и литературной деятельности.

Первый научно комментированный перевод Корана. Алексей Колмаков

В 1792 г. в Санкт-Петербурге появилось издание в двух частях главной священной книги ислама на русском языке под названием «Ал Коран Магомедов, переведённый с арабского языка на английский с приобщением к каждой главе на все тёмные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем». Книга была издана в типографии Петербургской академии наук на средства ранее упомянутого книгоиздателя и библиографа В. Сопикова [см.: 8, т. 1, с. 26-27].

Перевод текста Корана осуществил Алексей Васильевич Колмаков – профессиональный переводчик с английского языка в Адмиралтейской коллегии. Ранее он переводил книги прикладного и технического характера, такие, например, как «Карманная книжечка для исчисления количества воды, вытекающей из трубы, отверстия или по желобам». Известны и переведённые А. Колмаковым произведения популярных в то время английских писателей Стерна и Адиссона. В 1791 г. он выпустил и сборник собственных стихотворений. Скончался переводчик в 1804 г.

Источником перевода Корана, выполненного А. Колмаковым, послужил английский перевод. Он был издан в Лондоне в 1734 г. и принадлежал известному английскому арабисту Джорджу Сэлю. Примечателен выбор для нового русского перевода именно этого труда. В научном отношении он многократно превосходил переводы Корана на другие европейские языки. Дело в том, что английский учёный в значительной степени использовал результаты фундаментального научного исследования, проделанного выдающимся арабистом из Италии Лодовико Мараччи.

В 1698 г. в итальянском городе Падуе Л. Мараччи издал текст Корана с параллельным латинским переводом, а также с обширными филологическими и историческими комментариями к нему. Труд Л. Мараччи стал эпохальным явлением для всей европейской ориенталистики XVII-XVIII вв. Он предпринял по сути дела первую попытку научного комментированного перевода Корана, широко используя сочинения средневековых арабских комментаторов, многочисленные выдержки из которых также сопровождалось латинским переводом.

При подготовке своего перевода Корана на английский язык Дж. Сэль весьма активно использовал комментарии Л. Мараччи. При этом он несколько упростил их, приспособив

Перевод текста Корана осуществил Алексей Васильевич Колмаков – профессиональный переводчик с английского языка в Адмиралтейской коллегии. Он переводил книги прикладного и технического характера. Известны и переведённые им произведения популярных английских писателей. Он выпустил и сборник собственных стихотворений.

для восприятия более широкого круга читающей публики. Этот труд Дж. Сэля вместе с его комментариями на основе исследования Л. Мараччи и был переведён А. Колмаковым на русский язык [см. 9, ч. 1, с. 198].

Под одной обложкой с переводом А. Колмакова был также помещён перевод труда Г. Придо «Обстоятельное и подробное описание жизни лжепророка Магомеда», особенно интересного тем, что он содержал обширные выдержки из работ «достовернейших арабских, еврейских, халдейских, греческих и латинских писателей» об исламе [см. 8, т. 1, с. 27]. Эта часть книги в том же году была выпущена отдельным изданием.

Таким образом, работа Алексея Колмакова стала первой в российской истории попыткой научно-комментированного русского перевода главной священной книги ислама.

Коран как величайший поэтический шедевр. Михаил Верёвкин

Стремление правительницы Российской империи Екатерины II постоянно демонстрировать свою веротерпимость, лояльное отношение ко всем вероисповеданиям, коснулось и Корана. В 1787 г. в Санкт-Петербурге вышло первое в России издание главной священной книги мусульман на арабском языке. Однако такое событие отражало не только личное желание государыни, но и, несомненно, бурный всплеск интереса русского общества к исламу, его вероучению.

На арабском языке Коран могли читать лишь единицы, а его русский перевод, изданный в 1716 г., к концу столетия стал практически недоступным. Всё это предопределило появление в конце XVIII в. новых русских переводов Священной книги. Наибольшее значение имел перевод, изданный в 1790 г. и выполненный Михаилом Ивановичем Верёвкиным (1732-1795), популярным в то время литератором и переводчиком [см. 10].

Вот основные вехи его биографии.

Верёвкин принадлежал к незнатному, но достаточно древнему дворянскому роду, восходящему к началу XVI в. Отец писателя был одним из денщиков первого российского императора Петра I, выполнявшим наиболее важные поручения государя. Сам будущий литератор с 1742 г. обучался в Сухопутном шляхетском, а затем в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, после чего проходил службу на военных кораблях Балтийского флота.

На флоте Верёвкин проявил незаурядные способности к иностранным языкам и обратил на себя внимание видного учёного-гидрографа, будущего адмирала А. Нагаева, который с 1749 г. стал привлекать молодого мичмана к переводу фран-

В 1787 г. в Санкт-Петербурге вышло первое в России издание Корана на арабском языке. Это событие отражало не только личное желание государыни, но и, несомненно, бурный всплеск интереса русского общества к исламу, его вероучению.

На флоте Верёвкин проявил незаурядные способности к иностранным языкам и обратил на себя внимание видного учёного-гидрографа, будущего адмирала А. Нагаева, который с 1749 г. стал привлекать молодого мичмана к переводу французских и немецких книг по морскому делу.

цузских и немецких книг по морскому делу. С перевода французского трактата «Фарватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорные места, приливы, отливы морские на всей поверхности земной» началась многолетняя деятельность Верёвкина-переводчика. В 1755 г. в звании корабельного секретаря Верёвкин уходит в отставку, а в следующем году назначается ассессором только что созданного Московского университета. В 1758 г., после сенатского указа об учреждении гимназии в городе Казани, 26-летний Верёвкин становится её первым директором.

При основании этого учебного заведения в нём насчитывалось всего лишь 14 учеников, отсутствовали средства на их содержание, не было ни постоянных преподавателей, ни помещений для занятий. Однако уже через год в Казанской гимназии обучалось 95 человек, преподавались латинский, французский и немецкий языки, а также арифметика и геометрия, музыка и рисование, фехтование и танцы. В 1759 г. Верёвкин предпринял попытку введения преподавания татарского языка, но это удалось осуществить лишь при его преемниках, после императорского указа Екатерины II об учреждении в Казанской гимназии специального татарского класса.

В 1763 г. Верёвкин получает особую должность переводчика книг при личном кабинете Екатерины II. В 1773-1775 гг., во время пугачёвского восстания, он пребывал на посту начальника походной канцелярии генерал-аншефа графа П. Панина, возглавлявшего боевые действия против повстанческой армии Емельяна Пугачёва, причём неоднократно «употреблялся в опасные проезды» [11, с. 400]. С 1776 г. Верёвкин находился на различных административных и судебных должностях в Новгородской и Тверской губерниях, совмещая службу с активной литературной деятельностью.

В 1781 г. Верёвкин выходит в отставку в чине действительного статского советника. Обосновавшись в своём подмосковном имении Михалёво близ города Клин, он отдаёт все силы литературной работе. В 1782 г. Верёвкин избирается членом-корреспондентом, а в 1785 г. — действительным членом Российской академии, принимает самое активное участие в составлении Толкового словаря русского языка, издававшегося в 1789-1794 гг. Оригинальным явился филологический труд Верёвкина под названием «Опыт выбора нарочитых слов из Священного Писания», содержащий сравнительный анализ русской библейской терминологии с латинским, немецким и французским переводами Библии. Большой популярностью пользовались поэтические и драматические произведения Верёвкина.

Однако наибольшее значение имела деятельность Верёвкина-переводчика. Прежде всего, обращает на себя внимание колоссальный объём выполненных им переводов ино-

В 1758 г., после сенатского указа об учреждении гимназии в городе Казани, 26-летний Верёвкин становится её первым директором. Сначала в ней насчитывалось всего лишь 14 учеников, отсутствовали средства на их содержание, не было ни постоянных преподавателей, ни помещений для занятий. Однако уже через год в здесь обучалось 95 человек, преподавались латинский, французский и немецкий языки, арифметика, геометрия, музыка, рисование, фехтование и танцы.

странных книг – ни много, ни мало он составляет 146 томов! Тематика переведённых им книг также весьма разнообразна: исторические, юридические и педагогические трактаты, биографии, в числе которых первая в России книга о древнекитайском мыслителе Конфуции, переведённая с французского языка, книги по географии и сельскому хозяйству.

Переводы Верёвкина всегда имели огромное просветительское значение. Они содействовали умственному обогащению современного общества и были широко распространены в читательских кругах. Это целиком и полностью относится и к книгам, посвящённым мусульманскому Востоку, которые в переводческом наследии Верёвкина занимали немалое место; из них следует прежде всего выделить обширное сочинение аббата Миньона «История Оттоманской империи» и трактат Игнаса д’Оссона «Полная картина Оттоманской империи». Последняя книга представляла особый интерес для российских читателей, желавших получить какие-либо сведения о вероучении ислама. Первый её раздел содержал изложение «законоположения магометанства», а в особом приложении «О зданиях около мечетей» приводились данные о действующих при мечетях Турции медресе, библиотеках, гостиницах и больницах.

Таким образом, определённое знакомство с исламом и Востоком не было чуждо Верёвкину. Это и предопределило его работу над переводом Корана, озаглавленным «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих». Данная книга в двух частях была издана в Санкт-Петербурге в 1790 г. Перевод Верёвкина не был сделан с оригинала. Основой для него, как и для перевода Постникова, послужил французский перевод Корана, выполненный в 1647 г. Андрэ дю Рие, который, как уже говорилось ранее, пользовался огромной популярностью во всей Европе в течение полутора веков.

Подобного рода «перевод с перевода», выполненный Верёвкиным, конечно, нельзя считать адекватной передачей текста Корана. Вместе с тем, этот перевод характеризуется не только достаточно точным воспроизведением своего оригинала, но и весьма высокими художественными достоинствами. Изложенный простым и ясным языком, он очень выгодно отличается от других запутанных и многословных переводов Корана, появившихся затем в России. Не владея арабским языком и, вследствие этого, будучи не в состоянии передать общую окраску языковой среды, из которой вышел Коран, автор заменил его церковнославянским элементом. Это придало языку перевода высокую торжественность, типичную для всех православных религиозных книг. Примечательно, что после перевода Верёвкина широкое использование церковнос-

лавянской лексики становится характерной особенностью всех русских переводов Корана в XIX в., в том числе и выполненных с арабского оригинала.

Верёвкина можно было бы упрекнуть в ошибках и неточностях при передаче содержания Корана. Но ему никак нельзя отказать в большой внимательности при воспроизведении поэтических особенностей и образного строя текста главной священной книги мусульман. Верёвкин впервые в русской литературе подошёл к Корану не только как к выдающемуся религиозному произведению, но и как к величайшему поэтическому шедевру. Не случайно именно перевод, выполненный Верёвкиным, по мнению исследователей, в 1824 г. вдохновил А. Пушкина на создание его гениального поэтического цикла «Подражания Корану» [см. 12].

Перевод Корана с языка оригинала. Дмитрий Богуславский

Первым официальным переводчиком Корана с арабского языка считается Гордий Саблуков. Однако перевод, осуществлённый Саблуковым в 1878 г., не был единственным в 70-е гг. XIX в. За семь лет до него появился никому не известный перевод главной священной книги ислама с языка оригинала, авторство которого принадлежало генералу Дмитрию Богуславскому.

Дмитрий Николаевич Богуславский (1826-1893) – весьма примечательная и не до конца ещё оценённая фигура в истории российского востоковедения XIX в. Биографических сведений о нём сохранилось крайне немного. Известно лишь, что он был профессиональный военный, в 1841 г. закончивший Михайловское артиллерийское училище и с этого же года числившийся на военной службе. В 1848 г. имя поручика Богуславского упоминалось среди офицеров артиллерийской части, расквартированной в городе Тарусе Калужской губернии.

Служба молодого офицера, по-видимому, проходила довольно успешно, поскольку была замечена начальством. В первой половине 1850-х гг. Богуславский служил в Варшаве при наместнике в Царстве Польском князе Михаиле Горчакове. По его поручению Богуславский осуществлял сбор материалов для истории проходившей в 1853-1856 гг. Крымской («Восточной») русско-турецкой войны. По всей вероятности, именно в этот период времени у него зародился серьёзный научный интерес к Востоку.

В 1856 г. Богуславского, уже в чине полковника, перевели в Санкт-Петербург, назначив его старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба. Пользуясь

Дмитрий Николаевич Богуславский был профессиональный военный, в 1841 г. закончивший Михайловское артиллерийское училище и с этого же года числившийся на военной службе.

В 1856 г. Богуславского, уже в чине полковника, перевели в Санкт-Петербург, назначив его старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба. Пользуясь своим пребыванием в северной столице, он сумел самостоятельно приобрести солидную востоковедческую подготовку и экстерном закончить курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

своим пребыванием в северной столице, он сумел самостоятельно приобрести солидную востоковедческую подготовку и экстерном закончить курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Декан этого факультета, выдающийся отечественный востоковед член-корреспондент Петербургской академии наук А. Казем-бек не случайно назвал Богуславского «достойным ориенталистом».

Авторитет Богуславского как крупнейшего знатока Востока в военной среде был достаточно высок, а потому отношением военного министра от 17 сентября 1859 г. он был прикомандирован к пленённому 26 августа того же года фельдмаршалом А. Барятинским имаму Шамилю. При этом, «как хорошо знакомому с языком Шамиля и восточными нравами», ему поручались «все распоряжения по пребыванию Шамиля в Москве и Санкт-Петербурге» [13, с. 294], а затем его препровождение на постоянное место жительства в Калугу.

Богуславский довольно успешно справился с данным поручением, организовав приём почётного пленника в обеих столицах, после чего 10 октября 1859 г. прибыл с ним в Калугу. Там он оставался при Шамиле ещё целых два месяца. За всё это время у Богуславского установились настолько близкие и доверительные отношения с имамом, что последний выражал глубокое сожаление, когда Богуславского в конце 1859 г. сменил капитан Руновский. Дружеские отношения между Богуславским и Шамилем сохранялись и впоследствии, о чём, в частности, наглядно свидетельствует сохранившееся письмо имама Богуславскому на арабском языке, датированное июнем 1869 г.

В 1862-1870-х гг. Богуславский служил драгоманом (официальным переводчиком при дипломатических представительствах и консульствах в странах Востока) Министерства иностранных дел. Он часто бывал в Турции, а с 1870 г. занимал должность первого драгомана российского посольства в турецкой столице Константинополе. В эти годы востоковедческие интересы Богуславского значительно расширились. Он активно занимался переводами на русский и французский языки произведений арабской, персидской и турецкой литературы, причём среди переведённых им книг была широко популярная арабская антология «Сорок хадисов».

К этому же времени относится близкое знакомство Богуславского с жившими в Константинополе известными общественными и литературными деятелями мусульманского мира. В их числе был персидский либеральный деятель, просветитель, публицист и дипломат Мирза Мальком-хан (1833-1908), который в 1864 г. представил своему русскому другу собственный проект реформы арабского алфавита.

В 1862-1870-х гг. Богуславский служил драгоманом (официальным переводчиком при дипломатических представительствах и консульствах в странах Востока) Министерства иностранных дел. Он часто бывал в Турции, а с 1870 г. занимал должность первого драгомана российского посольства в Константинополе. В эти годы он активно занимался переводами на русский и французский языки произведений арабской, персидской и турецкой литературы.

Дружеские отношения установились у Богуславского и со знаменитым арабским поэтом Ризкаллахом Хассуном (1823-1878) – первым переводчиком великого русского баснописца И. Крылова на арабский язык. Уже в 20-е гг. XX в. в библиотеке Ленинградского Восточного Института был обнаружен экземпляр сборника басен Крылова в переводе Хассуна, изданный в Лондоне в 1867 г., со стихотворным автографом переводчика, посвящённым Богуславскому. По возвращении в Россию Богуславский получил чин генерал-лейтенанта, после чего он служил в Военно-учебном комитете Главного штаба.

Работа над переводом Корана относится, по всей видимости, к константинопольскому периоду жизни Богуславского, так как рукопись перевода датирована маем 1871 г. Первая часть рукописи, озаглавленная «Коран, с арабского переведённый генералом Д. Н. Богуславским», содержит собственно перевод Корана, переписанный набело на 418 листах большого формата. В тексте имеется большое количество поправок, сделанных автором в разное время и свидетельствующих о том, что работу над этим переводом Богуславский продолжал также и в последующие годы. Вторая часть на 56 листах сопровождается надписью «Комментарии к переводу Корана Д. Н. Богуславского». Тексту перевода предпослано авторское предисловие, в котором говорится об обстоятельствах появления данного труда и его основных особенностях.

По словам Богуславского, «перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от службы время мусульманской литературой, я начал перечитывать внимательно Коран, делать из него выписки и переводить самые трудные и тёмные места, пользуясь комментариями мусульманских учёных. Это меня заинтересовало, и я незаметно перевёл почти весь Коран. Возвратясь в Россию, я узнал, что существует русский перевод Корана, но не с подлинника, а с французского перевода Казимирского. Взяв этот последний перевод и начав его сличать с подлинником, я заметил большие отступления и неточности, а в некоторых местах Корана смысл перевода был даже прямо противоположен смыслу арабского подлинника... Это дало мне мысль окончить мой перевод и дополнить его комментариями и объяснительными примечаниями, взятыми исключительно из мусульманских источников» [13, с. 297-298].

Говоря о русском переводе Корана, Богуславский имел в виду весьма популярный в то время в России перевод К. Николаева, осуществлённый в 1864 г. с французского текста Корана, переведённого с оригинала известным ориенталистом А. Биберштейн-Казимирским. Несмотря на всю свою ясность и удобочитаемость, благодаря чему данный перевод находился в читательском обиходе вплоть до 1920-х гг., он всё же не мог адекватно передать содержание главной священной

книги мусульман. Вот почему Богуславский особо подчеркнул основную задачу своего труда – составить наиболее точный и по возможности буквальный перевод коранического текста, опираясь на комментарии мусульманских учёных.

В качестве ведущего руководства Богуславский использовал трактат «Меуакиб» турецкого богослова Измаила Фаррух-эфенди, изданный в Константинополе в 1870 г. Привлечение европейской научной литературы в намерения переводчика не входило, хотя, судя по упоминаниям в предисловии, Богуславский был достаточно хорошо знаком и с наиболее крупными явлениями европейской ориенталистики 1960-х гг.

По оценке академика И. Крачковского, труд Богуславского, как и изданный в 1878 г. перевод Корана, выполненный Саблуковым, являлся не столько раскрытием действительного содержания главной священной книги ислама, сколько отражением её толкований мусульманскими богословами. Разница между этими двумя переводами состояла лишь в том, что Саблуков использовал богословские комментарии Корана, популярные у казанских татар, тогда как Богуславский – коранические толкования турецких богословов.

Такой подход, по мнению Крачковского, имел свои основания и был весьма важен для изучения эволюции мусульманской мысли. В то же время перевод Корана с использованием всех достижений не только традиционной мусульманской, но и европейской научной мысли, явился задачей уже следующего, XX века. В предисловии не упомянуто, по какому тексту Корана Богуславский сделал свой перевод. Скорее всего, это могло быть одно из казанских изданий, либо лейпцигское издание Г. Флюгеля, вышедшее в 1834 г.

Несмотря на хорошее знание восточных языков и мусульманской литературы, Богуславский всё же не являлся специалистом в области арабистики, а потому его труд был не свободен от отдельных недостатков и неточностей. На них впоследствии указал Крачковский при сравнении существовавших до него русских переводов Корана. Так, например, при переводе Богуславским известного рассказа про царя Соломона и царицу Савскую, название птицы «хухуд», даже фонетически соответствующее русскому названию «удод», передано словом «кукушка».

Вместе с тем было бы ошибочным считать, что эта работа Богуславского была хуже или менее значительной какого-либо европейского перевода Корана его времени, в том числе и опубликованного русского перевода Саблукова. Тем не менее, в отличие от последнего, труд Богуславского остался тогда неопубликованным и совершенно неизвестным российскому читателю. В 1897 г., через четыре года после его смерти,

вдова генерала передала рукопись перевода в Петербургскую Академию наук, одновременно обратившись с ходатайством об её издании на средства Академии.

Видный российский востоковед-арабист В. Розен, внимательно ознакомившись с трудом Богуславского, дал своё заключение о нецелесообразности его академического издания, сославшись при этом на наличие перевода Саблукова. Одновременно он отметил, что «перевод генерала Богуславского отличается крупными достоинствами и в общем не уступает переводу Саблукова... Поэтому нельзя не признать весьма желательным, чтобы нашёлся издатель для перевода генерала Богуславского» [13, с. 296].

Однако издателя перевода Корана Богуславским ни в то время, ни позднее, к сожалению, так и не нашлось. Более того, рукопись в течение тридцати лет практически находилась в неизвестности. Только в 1928 г. она была обнаружена и детально исследована академиком Крачковским. Что же касается издания данного труда, то его удалось осуществить лишь в самом конце XX в. Презентация издания Корана в переводе генерала Богуславского прошла на Московской международной книжной выставке-ярмарке 1995 г.

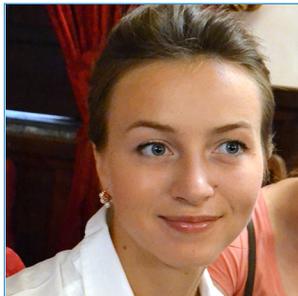
Библиографический список

1. Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Репринтное издание в 2 томах. – СПб.: Альфарет, 2006.
2. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х томах. – СПб., 1862.
3. Шмурло Е. Постников: Несколько данных для его биографии. – Юрьев, 1894.
4. Цветаев Д. В. Медики Московской России и первый русский доктор: Историко-биографический очерк. – Варшава, 1896.
5. Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом. – Л., 1926.
6. Родюков М. В. Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове // Археографический ежегодник за 1985 год. – М.: Наука, 1986.
7. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. В 6 тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1956-1958.
8. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. В 5 тт. – М., 1962-1966.

9. Крымский А. Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фикха, сунны и пр.). Ч. 1-3. – М., 1911-1913.
10. Тупиков Н. Михаил Иванович Верёвкин: Историко-литературный очерк. – СПб., 1895.
11. Послужной список действительного статского советника Михаила Ивановича Верёвкина // Москвитянин. 1842. № 12.
12. Кашталёва К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930. Т. 5.
13. Крачковский И. Ю. Перевод Корана Д. Н. Богуславского // Советское востоковедение. – М.-Л., 1945. Т. 3.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

**Русские писатели-модернисты
и их влияние на религиозное
мировоззрение общества
(на рубеже XIX-XX веков)**

Рафалюк Оксана Евгеньевна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики

E-mail: oksana_rafalyuk@mail.ru

Русские писатели-модернисты и их влияние на религиозное мировоззрение общества (на рубеже XIX-XX веков)

Аннотация

В статье предпринят анализ системы духовных ценностей крупнейших представителей русской культурной и интеллектуальной элиты рубежа. Автор показывает, как формировалось понимание писателями-модернистами целей и задач христианства, проблем веры, аскетизма, незыблемости догматов и роли Русской православной Церкви, оказавшее большое влияние на духовную атмосферу российского общества предреволюционной поры.

Ключевые слова: «Эпоха рубежа», духовные ценности, русская культурная элита, церковь, христианство, религиозная реформация, проблема «духа и плоти», аскетизм, православие, религиозно-философские собрания

*«...хлеб духа – только единственный:
понятие Бога» [1, с. 10].
З. Гиппиус*

Метафизическая направленность мировоззрения писателей-модернистов вызвала на пороге нового века полную переоценку всех духовных ценностей. «Никогда ещё – писал Д. Мережковский, – люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом безжизненном неразрешимом диссонансе, в этом трагическом противоречии так же, как в небывалой умственной свободе, в смелости отрицания, заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века» [2, с. 212].

В настоящем исследовании анализ духовных ценностей русской культурной элиты начала XX века (1895-1915 годы) был проведён с помощью психолингвистической эксперт-

ной системы ВААЛ¹. Специальные компьютерные методы позволили проанализировать около двух тысяч писем пяти ярчайших представителей русской культурной элиты (Д. Мережковского, З. Гиппиус, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока) за 20 лет (с 1895 по 1915 гг.), извлечённых путём случайной выборки из многочисленных сборников. Для этого был осуществлён перевод текстов писем в электронный формат, а также произведена формализация их содержания: выделены основные смысловые единицы эпистолярного материала, относящиеся к теме религии, затем эти детализированные понятия первого уровня, число которых оказалось достаточно большим, объединялись в укрупнённые индикаторы и категории контент-анализа в зависимости от их смысловой нагрузки. Согласно полученным результатам, религиозные размышления и споры писателей-модернистов «группировались» вокруг нескольких основных тем: историческое Православие и официальная церковь, проблема «плоти» и «духа», проблема свободы совести и ненасилия, софиология.

Основная проблематика писем, содержащих высказывания на тему религии, сводится к отдалённости современной христианской церкви от человека, его запросов и жизненных потребностей. Как вспоминала З. Гиппиус, «собственно идея (как и тема наших споров с церковью) была всегда одна: Бог и мир. Равноценность в религии духа и плоти» [3, с. 111].

Прежде чем переходить к анализу религиозного дискурса, следует пояснить, что основными акторами религиозных преобразований выступали Д. Мережковский и З. Гиппиус. Большая часть именно их эпистолярного наследия, впрочем, как и литературного, посвящена вопросам религии. Другие изучаемые авторы также постоянно говорили о вопросах веры, но не имели столь чётко выстроенной и столь последовательно претворяемой в жизнь религиозной концепции. Основной тон, вектор религиозных исканий, суть и ракурс постановки вопросов, а также варианты ответов на них предлагали всегда Мережковские. Так, ссылаясь на откровения «грядущей Церкви Апокалипсиса» о «святой плоти»², они первыми высказались за необходимость соединить воедино пол и аскетизм. «Не весь Христос в аскетическом христианстве – писал Д. Мережковский в письме к О. Флоренской. – А если весь, то, значит, мы все – на ложном пути» [5, с. 57]. Но что же в таком случае, – продолжал Мережковский, – «зна-

¹ Психолингвистическая экспертная система ВААЛ была разработана доктором философских наук В. И. Шалаком на основе знаний и методов из области фоносемантики, психолингвистики, НЛП (нейролингвистического программирования), контент-анализа.

² Проблема плоти и духа многократно обсуждалась, в особенности З. Гиппиус и Д. Мережковским, на страницах историко-философских произведений, в стихотворениях, дневниках и письмах. Этой проблеме было посвящено несколько заседаний Религиозно-философских собраний, в частности, 10-е, на котором Д. Мережковский делал доклад на тему «Гоголь и о. Матвей», а также 12-16-е собрания, посвящённые теме брака [см.: 4].

чат слова: да будут двое плоть едина. Не благословил ли Сын волю Отца – брачное плотское соединение. Конечно, только физическое, только телесное, только животное не есть ещё «плотское». Но вот как найти «святую плоть» в браке – в этом весь вопрос. Отсекая её всю без остатка, утверждать бесплотный «духовный» брак – ведь это старое, «чёрное», монашеское христианство. Тут мы, кажется, чего-то не понимаем самого важного, главного, не понимаем, потому что не имеем нового брачного опыта. Или по-старому (язычески) принимаем «плоть» (вернее, «плотскость», «телесность», «материю»), или по-старому же (христиански, аскетически) отвергаем её. А надо бы принять по-новому, т. е. принять не единолично, одиноко – а в религиозной среде, в церкви. ...Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется иногда, что уж лучше, святее старый, языческий, только телесный брак, чем новый, бесплотный и бесцерковный...» [6, с. 64].

Соединить «жизнь и религию» призывала и З. Гиппиус: «Надо освятить жизнь! Надо религию сделать жизненной!», – писала она на страницах «Мира искусства» [7]. По мнению З. Гиппиус, Иисус Христос Своим воскресением освятит плоть, соединив Себя с землёй и людьми. Он находится между людьми во всём и везде: в дружбе, ненависти, любви, работе, творчестве, желаниях, мыслях, поступках, поцелуях, разговорах, стихах и т. д. «Нужно уметь видеть Бога не только на небе среди звёзд, но и в луже, под ногами. А церковники упорно не желают смотреть себе под ноги; забывая о вездесущии Бога, они тянутся к небу так, что становятся на цыпочки» – писал ещё в юном возрасте А. Белый [8, с. 127]. Именно за счёт «одухотворённости» жизни и плоти, в общем, по мнению З. Гиппиус, можно объяснить, к примеру, «тайну непорочного зачатия», «девственного материнства», ибо человек жаждет и должен понять «тайну пола до конца – до конца мира – и не теоретически, не отвлечённо, богословски, – а пламенно, действительно, жизненно» [7]. Существующая же церковь не разрешает, а «упраздняет этот вопрос – отсечением плоти, всепоглощающим, односторонним аскетизмом» [9, с. 152]. Наиболее последовательно данную мысль развивал В. Розанов. По мнению философа, христианство породило институт монашества, проповедующий идеалы аскетизма. «Законы о браке у христианских народов, все продиктованные аскетами, – или когда они и светского происхождения, то всё же несущие исторический привкус этих монашеских диктовок, остаток этих диктовок, уклон их, план их, – всё суть обобщённые, коллективные, нормированные преступления» [11, с. 60]. В метафизике пола В. Розанова телесность неотделима от сакрального. Сакральное реализуется в материальном посредством пола – родовой и индивидуальной сексуальности. Пол в качестве медиатора между человеческим и божественным, «освя-

щает» плоть уже самим своим существованием. Телесность детерминирует структуру социальных связей и вместе с тем вторгается в пространство трансцендентного. Как отмечает Николай Бердяев, В. Розанов имел «огромное значение как критик христианского отношения к полу. Розанов обоготворяет рождающий пол. Он видит в поле не знак грехопадения, а благословение жизни; он исповедует религию рождения и противопоставляет её христианству как религии смерти» [12, с. 138].

Писатели-модернисты отвергали концепцию бога в историческом христианстве как Бога гнева и мести. Такой Бог, говорила З. Гиппиус, лишает человека его достоинства, превращая его в тварь, дрожащую в страхе перед своим властным и жаждущим мести повелителем. Такой Бог унижает человеческие дух и плоть [13, с. 90]. В учении о Христе как Богочеловеке человечество поднялось на божественную высоту, оправдывая своё существование не рабским служением Богу, а свободным, творческим служением Истине, Добру и Красоте. Именно в утверждении божественного начала человека, его понимания как творческого, свободного существа, видели русские писатели-модернисты непреходящую ценность христианского идеала. Имена Бога и Иисуса Христа¹ употребляются ими совместно с терминами этической категории, такими, как, например, «любовь», «свобода», «благо» и др.

Писатели-модернисты базируют понимание христианства на правде Любви. Но любви не плотской, которая влечёт ко злу, а на религиозном опыте Любви. Религия есть Любовь как органическая связь всего со всем. В таком понимании будущее культуры «в СВОБОДНОМ полёте религиозной ЛЮБВИ» [14, с. 67]. «Все мы ... обращены к Единому Источнику, давшему всем единый закон свой, исполняя который приближаемся с Верой, Надеждой, Любовью к Нему – Источнику всякой любви», – писал А. Белый в письме к Н. Петровской [15, с. 212]. Бог есть Любовь, Бог дарует свободу от страданий (любовь к Богу выведет каждого человека из состояния безнадежности, ибо «если нет на Земле надежды – то всё – прах» [16]). Путь к этому счастью открыт для каждого, и первая обязанность Церкви, по мнению З. Гиппиус, это – открыть человеку глаза на этот путь, «чтобы каждый услышал, увидел, что путь открыт, обратился – и спасся» [16]². Однако прийти

¹ Интересно, что имена Бога и Иисуса Христа употребляются авторами как синонимичные понятия. Апеллируя к словам Христа «Я и Отец – Одно», модернисты видели живую связь между ними, в то время как, по мысли Гиппиус, христианские Церкви, существовавшие до сих пор, придерживались исключительно Христа и упоминали Бога Отца и Святого Духа только в обрядах. Но Иисус Христос Один, продолжала она, «лишь правда, жизнь, и путь к Истине». Настоящая Церковь не может «начинаться и кончаться Христом» [см.: 13].

² В благодарность за «разрешение проблемы любви» Андрей Белый посвятил свою Четвёртую симфонию «Кубок метелей», наряду с Николаем Метнером, «дорогому другу Зинаиде Гиппиус, разрешившей эту тему» [см.: 17, с. 3].

к Богу человек должен сам, без малейшего принуждения. По мнению писателей-модернистов, «истинное» христианство даёт человеку высочайшую свободу: «Христос не зовёт на Свой “путь” – Он его открывает... Основное начало христианства и есть свободное пленение, иначе – любовь» [18, с. 53].

В этическом и религиозном аспектах идеалистической философии З. Гиппиус и близких к ней людей концепция свободы играет большую роль. Так, Андрей Белый писал: «Христос во мне» есть импульс соединения силы любви и силы свободы. Поэтому христианство есть действительность соединения любви и свободы; оно есть любовь из свободы, или свобода из любви» [19, с. 6]. З. Гиппиус также считала, что только христианство предоставляет человеку возможность познать высшую форму свободы. Еще в 1893 г. в двадцатитрёхлетнем возрасте З. Гиппиус записала в свой дневник «Contes d`amour» следующее: «Мысли о Свободе не покидают меня. Даже знаю путь к ней. Без правды прямой, как математическая черта, нельзя подойти к Свободе. Свобода от людей, от всего людского, от своих желаний, от – судьбы...» [20, с. 58]. Во имя достижения этой «новой священной Свободы», З. Гиппиус стремилась обратить внимание своих пассивных в религиозно-духовных вопросах современников, полностью ушедших в личный, узкий мир, на иной путь. Одним из таких потенциально способных к духовному возрождению людей З. Гиппиус считала В. Брюсова. Переписка двух поэтов 1900-х гг. большей частью посвящена разговорам о вере, «новом пути» [см. 21].

Таки образом, *свободная воля* человека играет исключительную роль в эволюции духовных ценностей. Человек должен «сознательно и свободно», по своей воле сделать выбор между этими ценностями. Выбор этот чрезвычайно труден, это почти трагедия, борьба, жертва, но страдание, вызванное этой жертвой, – во имя нового и возвышающегося человека, утверждения его личности – искупается приносимыми им экстазом религиозного чувства и счастьем любви. Любовь как проявление высшей реальности нетленна, неуязвима. Любовь – это «свет немеркнущий, перед которым свет Солнца – не естественный, а тёмный» [18, с. 52].

Разрешить все существующие антитезы: пол и аскетизм, индивидуальность и общественность, рабство и свобода, атеизм и религиозность, ненависть и любовь, по мнению авторов рубежа веков, могла только преображённая Церковь, которая не отрицала бы «правду о мире», заключённую в христианском учении» [22, с. 108], то есть не существовала бы в губительном отрыве от современной жизни и культуры.

Следующим и конечным этапом духовной эволюции должно было стать наступление Царства Третьего Завета: конец человечества и мира в их прежней форме через Второе Пришествие Христа как Трёх в Одном (Апокалипсис). Таким

Свободная воля человека играет исключительную роль в эволюции духовных ценностей. Человек должен «сознательно и свободно», по своей воле сделать выбор между этими ценностями. Выбор этот чрезвычайно труден, это почти трагедия, борьба, жертва.

образом, целью всего исторического развития Вселенной, по мысли модернистов, было появление апокалиптической Церкви не как храма, а как нового, внутреннего переживания Бога в человеческом сознании и в человеческой душе, наступлением Царства Святого Духа, воплощённым в Деве-Богоматери, Вечной Женственности (Софии).

Святая София, как писал А. Белый, «это врата, через которые шествует Господь Наш, Иисус Христос. Это – божественное тело Христово, мистическая сущность Церкви. Она – уже и сущность, и идея; здесь всё то же слияние между волей (сущностью) и представлением (идеей) ... Но София есть в то же время и та Дева, о которой Соловьёв говорит: «Не Изида трёхвенечная / Ту весну им принесёт, / А нетронутая, вечная / Дева Радужных Ворот» (гностицистский термин – прим. авт.) [23, с. 6].

Ожидание нового этапа христианства, Третьего Завета, эры Святого Духа, легло в основу идейного течения, теоретиками которого были Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Розанов, Н. Бердяев, получившего название «нового религиозного сознания». Оно соответствовало умонастроению многих представителей интеллигенции, не удовлетворённых широко распространёнными в общественном сознании идеями социализма, материализма, позитивизма и атеизма, но, в то же время и не принимавших «историческое христианство», «монашеский уклон», «аскетическую неправду», чреватые уходом Церкви прочь из мира [4, с. 497].

Важно отметить, что, ощущая необходимость в создании Новой Церкви, находящейся вне всякой зависимости от государства, проповедующей любовь и всеобъемлющей реальность, модернисты никогда не отказывались от Церкви официальной. Напротив, православная традиция с её эстетической и эмоциональной жизнью была для них необходимостью. По их мнению, многие таинства (Евхаристия как таинство общения с Богом, венчание и др.) могут иметь место только в Православной Церкви. «Внешнее разделение»¹ с официальным православием было не протестом, а, скорее, стремлением к диалогу, желанием сообщить священнослужителям (людям поистине другого для них мира) свои «откровения», полученные посредством личного опыта, быть услышанными, а также

¹ В декабре 1901 г. З. Гиппиус, Д. Мережковский и Д. Filosoфов создали «новую церковь» («интимный творческий тройственный союз»), в рамках которой осуществляли свои домашние богослужения, совместные молитвы и другие таинства. О «новой церкви» Мережковские говорили с В. В. Розановым, Н. А. Бердяевым, П. П. Перцовым, А. Н. Бенуа, В. В. Гиппиусом и другими. На «четвергах» (по четвергам свершались частные молитвы) у Мережковских бывали сёстры З. Н. Гиппиус – Т. Н. и Н. Н. Гиппиус, А. В. Карташёв, С. П. Ремизов (жена писателя Алексея Ремизова), Андрей Белый. К «группе Мережковских» в разное время также принадлежали М. Шагинян, З. Венгерова, А. П. Вольский, А. С. Глинка, А. В. Руманов – «люди вкуса и культуры», по выражению З. Гиппиус. В некоторых беседах принимали участие А. Блок, В. Пяст, В. А. Тернавцев и др.

ознакомиться со взглядами русского духовенства, чтобы вместе «искать религиозную истину» [24, с. 127]. Именно с этой целью в 1901 г. было решено «создать открытое, по возможности, официальное, общество людей религии и философии, для свободного обсуждения вопросов церкви и культуры» [25, с. 71], которым стали Петербургские религиозно-философские Собрания. На заседаниях Собраний поднимались все указанные выше вопросы о жизни Церкви и культуре¹. Однако диалога не получилось: высказанные интеллигенцией идеи встретили жёсткий отпор и критику со стороны большинства духовенства².

Священнослужители отстаивали христианское откровение о греховности плоти и несовершенстве мира («Христианство ставит человечеству идеал небесный <...> Человек умрёт, наступит воскресение, тогда святая плоть наступит сама собою» [4]), отвергали возможность «новых догматов» («не в наших силах продолжать ... или останавливать» Откровения в истории [4]), отказывались «уступать что-либо из идеалов Церкви», сохранение которых было им поручено [4].

Подробное рассмотрение проблемы религиозно-философских собраний не входит в задачи настоящей статьи. Отметим только, что это был беспрецедентный случай открытого диалога Церкви и интеллигенции. Проведение подобной акции со стороны представителей интеллигенции и свидетельствует о колоссальных изменениях в сознании интеллектуальной и культурной элиты конца XIX – начала XX вв. Протоиерей Георгий Флоровский писал: «Конец века» означал в русском развитии рубеж и начало, перевал сознания. Изменяется само чувство жизни... И был не только душевный сдвиг. То был новый опыт... В самом себе человек вдруг находит неожиданные глубины... И мир уже кажется иным. Ибо уточняется зрение» [26, с. 452]. Интеллигенту начала XX в. было недостаточно «безрассудной» веры, он хотел знания. В одном из своих «программных» стихотворений З. Гиппиус писала: «Великий грех желать возврата / Неясной веры детских дней. / Нам не страшна её утрата, / Не жаль пройденных ступеней. / Мечтать ли нам о повтореньях? / Иной мы жаждем высоты. / Для нас – в слияньях и сплетеньях / Есть откровенья пустоты. / Отдайся новым созерцаньям, / О том, что было, – не грусти / И к вере истинной – со знаньем – / Ищи свободные пути» [27, с. 83].

¹ Собрания открылись 29 ноября 1901 г. и просуществовали до 5 апреля 1903 г. (были запрещены обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым). За это время состоялось 22 собрания, на которых обсуждались наиболее «острые» и актуальные проблемы современности, такие как «разделённость» интеллигенции и церкви (1-2-е заседания), отношение Самодержавия к Православию (3-4-е заседания), вопрос о «свободе совести» (7-9-е заседания), об отношении христианства к духу и плоти (10-11-е заседания), тема брака (12-16-е заседания), тема о «догматическом развитии» (17-21-е заседания), о «священстве» (22-е заседание) [см.: 4].

² Среди поддержавших интеллигенцию следует выделить В. А. Тернавцева (чиновник Святейшего Синода), Вл. В. Успенского, А. В. Карташёва, В. М. Скворцова (издатель «Миссионерского Обозрения»).

Не удивительно, что Собрания вызвали большой общественный резонанс. Вокруг них, как писала З. Гиппиус, образовалось что-то вроде «новой среды», в которую входили участники Собраний с обеих сторон. Большинство писателей, юных и тянувшихся за новыми течениями пожилых, «завертелись около новых кружков» [28, с. 111-121]. О Собраниях «все говорили», их посещали светские лица всех возрастов и профессий, чёрное и белое духовенство, духовно-академические профессора, студенты Петербургской Духовной академии. Поистине, религиозно-философские Собрания были одним из знаменательнейших событий русской интеллектуальной и духовной истории, значимым, по выражению Н. А. Бердяева, уже одними «своими вопрошаниями» [29].

Отношение писателей-модернистов к религиозно-философским собраниям было различным. Некоторые относились к ним резко негативно [27, с. 83],¹ другие сочувствовали. В частности, В. Брюсов не проявлял глубокого интереса к тому, что говорилось на Собраниях², однако, тем не менее, был секретарём журнала «Новый путь», созданного Д. Мережковским и З. Гиппиус для высказывания по вопросам Собраний и публикации его протоколов и «Записок». Сдержанное отношение к тематике обсуждаемых вопросов РФС было у А. Белого и А. Блока. «Да, мы, соловьёвцы, – отмечал А. Белый в воспоминаниях о Блоке, – воистину чувствовали себя далёкими от повсюду слагающихся религиозных течений, стараясь нести чистоту соловьёвских путей» [32, с.29]. Для поэтов было характерно сокровенное, почти «интимное» отношение к вопросам веры, Богу («...о Боге ... можно только плакать одному, шептать вдвоём» [33, с. 210]), выразившееся в преклонении перед Весной Женственности.

Однако общим для модернистов была «пронизанность мистикой, стремлением к тайнодействию, теургии» [4, с. 492]. По словам С. К. Маковского, русский символизм «оказался не тем, каким он был на Западе: от стилистических, формальных изысканностей и от «соответствий» наши символисты сейчас же ушли в глубины, которые иначе не назовёшь, как религиозными» [34, с. 262]. Если учесть европейский культурно-философский контекст рубежа веков, то станет очевидным, что в знаменитой фразе З. Гиппиус: «Хотим ли Божьей смерти? Нет, мы Бога хотим. Мы Бога любим. Нам надо Бога. Но и жизнь мы любим. Значит, и жить нам надо. Как же нам

¹ К примеру, К. Бальмонт в письме к Брюсову от 15 февраля 1902 г. писал: «А эти петербургские мудрецы и валькирии... Представляю себе Ваши впечатления. Все эти эпилептические, печёночные, желудочные и чахоточные философы, пророки и канатные плясуны – поистине жалобы достойны. Не знаю, когда их выметет мороз, как нечисть» [30, с. 120].

² М. Волошин, увидевший в 1903 г. В. Брюсова на одном из собраний, писал: «Если там был человек, наиболее чуждый тому, что говорилось и волновало, то, конечно, это – Брюсов» [31, с. 390].

жить?» [1, с. 63]¹ – выражена не только основная задача религиозных исканий русской интеллигенции Серебряного века, но и полемика с Ф. Ницше, провозгласившим в конце XIX в. смерть Бога (или, по словам М. Хайдеггера, «конец метафизики» [35, с. 174]).

Говоря о религиозных процессах начала XX в. – подготовке и проведении религиозно-философских собраний, организации многочисленных закрытых «религиозных» кружков, публичной проповеди идей «нового религиозного собрания» и открытой полемике с духовенством на страницах журналов, сборников, художественных произведений – исследователи проводят параллель с движением европейской религиозной Реформации XVI в. Многие в культуре Серебряного века сходно с культурой и умонастроениями Европы XV-XVI вв.: ощущение необычности происходящего, экстатический подъём и апокалиптические пророчества порождали у писателей-модернистов, художников, философов и богословов убеждение в том, что они участвуют в духовном обновлении России, более того, в религиозной революции, которая по силе и глубине превосходит всякую революцию социальную [36, с. 325]. И, как и движение Реформации, религиозные искания русской интеллектуальной элиты, по мнению П. Гайденко, закончились социальной смутой – своей Тридцатилетней войной [см.: 37].

Революционные события сблизили «богоискательскую» элиту и Церковь. «Разрыв между интеллигенцией и деятелями Церкви, обнаружившийся в начале века на Религиозно-философских собраниях, стал быстро уменьшаться в последнее десятилетие перед революцией. В среде русской православной общины в изгнании он исчез почти совершенно» [38, с. 124] – писал эмигрантский учёный Н. Зернов. Тем не менее опыт, полученный и вынесенный из полемики русской модернисткой интеллигенции с духовенством, завязавшийся в первые годы XX в. оставался актуальным на протяжении всего столетия и в полной мере может быть интересен и поучителен сегодня. Многие из тех вопросов продолжают оставаться дискуссионными, в частности, проблема свободы совести, ненасилия, брака (в связи с полемикой вокруг гражданского брака) и др. Однако уже сама их постановка более ста лет назад указывает на глубокие изменения, происходившие в сознании писателей-модернистов «эпохи рубежа». Переоценка духовных ценностей являлась отражением, с одной стороны, процесса секуляризации сознания, с другой – стремлением к восстановлению связи с русской православной традицией, прерванной во второй половине XIX столетия под влиянием идей позитивизма, материализма, атеизма, пришедших из Европы (О. Конт, Л. Фейербах, Ф. Ницше, К. Маркс).

¹ Антон Крайний (Гиппиус З. Н.) Литературный дневник (1899-1907). СПб., 1908. С. 63. Впервые статья «Критика любви» была опубликована в журнале «Мир искусства». 1901. № 1.

Библиографический список

1. Крайний А. (Гиппиус З.) Литературный дневник: 1899-1907. – СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1908.
2. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. В 24-х тт. Т. 18. – СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914.
3. Гиппиус З. Живые лица. – Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2.
4. Записки петербургских религиозно-философских собраний. 1901-1903. – М.: Республика, 2005.
5. Письмо Д. Мережковского к О. А. Флоренской, апрель 1908 // Новый Журнал. 2008. №. 253.
6. Письмо Д. Мережковского к О. А. Флоренской от 27 июля 1908 // Новый Журнал. 2008. №. 253.
7. Гиппиус З. Хлеб жизни // Мир искусства. 1901. № 11, 12.
8. Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. – М.: 1980.
9. Гиппиус З. Хлеб жизни // Мир искусства. 1901. № 11, 12. С. 152.
10. Крайний А. (З. Гиппиус) Вечный жид // Литературный дневник: 1899-1907. – СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908.
11. Розанов В. В. Люди лунного света // Сочинения в 2-х тт. – М.: Дружба народов, 1990. Т.2.
12. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. – Париж: YMCA-Press, 1949.
13. Пахмусс Т. Зинаида Гиппиус: Nuptia двадцатого века. – Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2002.
14. Белый А. «Орфей». Вступительное слово редактора // Труды и дни. 1912. № 1.
15. Письмо А. Белого к Н. Петровской от июля 1904 г. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. – М. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1993.
16. Гиппиус З. Н. «Собрание стихов. 1889-1903». – М.: Скорпион, 1903.
17. Белый А. Четвёртая симфония: Кубок метелей. – М.: Скорпион, 1908.
18. Гиппиус З. Выбор? // Возрождение. 1970. № 222.

19. Белый А. Тезисы 12 лекций курса, прочитанного в 1921 г. на тему «Самосознание, как история» // РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 88.
20. Гиппиус З. Н. Contesd`amour // Возрождение. 1969. № 210.
21. Письмо З. Гиппиус к В. Брюсову от 11.01.1902 // Российский литературоведческий журнал. 1914. № 5/6.
22. Гиппиус З. Н. О Религиозно-философских собраниях // Гиппиус З. Н. Стихи, воспоминания, документальная проза. – М.: ИИЦ «Наше наследие», 1991.
23. Белый А. О религиозных переживаниях. К письму художника А. Б. и ответу Д. С. Мережковского. – «Новый путь», февраль // Литературное обозрение. 1995. № 4/5.
24. Миссионерское обозрение. 1903. Январь. № 1.
25. Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский // Серебряный век: Мемуары. – М.: Известия, 1990. Ч. 1.
26. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж: YMCA-Press, 1983.
27. Гиппиус З. Н. Живые лица: Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1991.
28. Гиппиус З. Н. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. – М.: ИИЦ «Наше наследие», 1991.
29. Бердяев Н. А. Русская идея. – Париж: YMCA-Press, 1946.
30. Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.1. – М.: Наука, 1991.
31. Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.2. – М.: Наука, 1991.
32. Белый А. Воспоминания о Блоке. – М.: Республика, 1995.
33. Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми тт. – М. – Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5.
34. Маковский С. К. Портреты современников. – М.: XXI век-Согласие, 2000.
35. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Республика, 1993.
36. Гайденко П. П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. – М.,: Прогресс-Традиция, 2001.
37. Гайденко П. Соблазны «святой плоти» (Владимир Соловьёв и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4.
38. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж,: YMCA-Press, 1991.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

В о з н и к н о в е н и е и современное состояние российского креативного класса

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Южнороссийского филиала ИС РАН

E-mail: infoippk@sfedu.ru

Возникновение и современное состояние российского креативного класса

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы формирования российского «креативного» класса. Автор доказывает, что в силу социетальных качеств и направленности социальной деятельности этот класс претендует стать ядром современного общества и основным участником процесса его социальной модернизации.

Ключевые слова: креативный класс, российское общество, социальная солидарность, социальная взаимопомощь, социальное влияние

Современная социологическая мысль испытывает трудности с психологизацией самого термина «креативность», выведением его на индивидуально ориентированный уровень. Работая над схемами креативности ещё в 1950-1960-е гг. Ж. Годфруа, А. Маслоу и Э. Торенс, подчеркивая креативность как способность видеть проблему и сопротивляться стереотипам, исходили из того, что общество в целом является совокупностью людей, мыслящих и действующих стереотипно. Сам характер проблем, стоящих перед российским обществом, долгий и болезненный период адаптации к переменам выводит понимание креативности на новый уровень – уровень социальной силы, ориентированной на созидание социально-динамичных отношений и справедливо, разумно устроенного общества.

По сравнению с творчеством, которое в российской культурной традиции определяется как индивидуальный дар, как способность творить произведения искусства, быть пророком в обществе, пользоваться общественным авторитетом и в то же время возвышаться над общественными коллизиями, креативность подразумевает оптимальную вовлечённость в общественную жизнь в контексте осознания себя не только в ближайшем окружении, но и в обществе в целом.

Исследуя проблему креативности, нельзя не замечать, что для российского общества творчество и креативность имеют различные измерения. В первом случае речь идёт о сфере культуры, духовной деятельности, и в этом смысле творчество предстаёт как культурное наследие или удел немногих избранных.

По этому поводу уже неоднократно высказывались мнения, что российское общество превратилось в общество нетворческих людей, что на смену творчеству пришла индустрия развлечений и пиар-проектов.

Исходя же из понимания креативности как социально-созидательной деятельности, которая связана с установками на самореализацию на личностном, групповом и общественном уровнях и включение в различные формы социального участия, мы имеем дело с совершенно другим массовым явлением. Креативность, иными словами, – это не массовое творчество, а новое качество общественной жизни, связанное с тем, что миллионы людей перестают быть массой, стремятся стать хозяевами своего дела и ищут индивидуальность не в социальной эксклюзии, социальном эпатаже или перформансе, но в личном влиянии на общественную жизнь, ощущении и осознании себя причастными к социальным изменениям и разделению ответственности за складывающуюся в обществе ситуацию.

Разумеется, не стоит вкладывать в понятие «креативный класс» идеологическое содержание. Как социально-аналитический конструкт данное понятие фиксирует, что изменения в социальной структуре российского общества не только привели к возникновению и разрастанию социальных неравенств, но и определили формирование ядра общественной жизни, каковым становится креативный класс. По чисто формальным признакам к креативному классу можно отнести тех людей из различных социальных слоёв и групп, которые ощущают потребность в социальной самореализации, осознают солидарность с единомышленниками и ориентированы на то, чтобы социальные ожидания воплотились в реально значимые дела.

Почему в российском обществе потерпел крах проект формирования и создания среднего класса – класса, который мог бы обладать профессиональными, социальными и гражданскими добродетелями, вкушать спелые плоды цивилизации, приобщаться к очевидным достижениям массового производства, быть гарантом социальной стабильности и взаимопонимания?

Можно согласиться с утверждением, что светлый миф об обществе среднего класса пришёл на смену тёмному мифу о поляризации [см.: 1, с. 18]. Но не только в том состоит трудность, что искомый объект так и не появился в российском обществе, даже если сослаться на то, что он маленький и сосредоточен в столичных мегаполисах. На наш взгляд, средний класс в целом исчерпал свои интенции, поскольку вызовы современности, вызовы глобализации делают общество массового потребления красивым, но несбыточным лозунгом. В российском же варианте средний класс не мог и не сможет сформироваться в силу того, что приобщение к потребительским практикам является малосовместимым с социальной самореализацией, а то и исключаящим её.

Креативность, иными словами, – это не массовое творчество, а новое качество общественной жизни, связанное с тем, что миллионы людей перестают быть массой, стремятся стать хозяевами своего дела и ищут индивидуальность в личном влиянии на общественную жизнь, ощущении и осознании себя причастными к социальным изменениям и разделению ответственности за складывающуюся в обществе ситуацию.

Средний класс в целом исчерпал свои интенции, поскольку вызовы современности и глобализации делают общество массового потребления несбыточным лозунгом. В российском же варианте средний класс не сможет сформироваться потому, что приобщение к потребительским практикам является малосовместимым с самореализацией, а то и исключаящим её.

В какие бы временные рамки ни ставилось появление среднего класса и как бы он ни связывался с экономическим ростом, очевидно, что средний класс в той модели, в которой он представлен в зарубежной мысли, не может сыграть роль центра генерирования социальных идей, поскольку для него характерны самоудовлетворённость и ориентированность на потребительские практики. В таком случае средний класс в России может состояться только как примыкающий к элите и обслуживающий её. Причина этого в том, что aspirations по поводу формирования гражданских и социальных добродетелей могут оказаться иллюзорными, так как сосредоточенность тех, кого часто называют представителями среднего класса в сфере интеллектуальных и технологических услуг, создаёт, в лучшем случае, образ высокооплачиваемого интеллектуала, не обременённого социальным альтруизмом.

Выдвигая признаки материальной обеспеченности, можно сказать, что сам подход порождает заведомый социально-дискриминационный аспект, поскольку из этого определения выпадают целые пласты населения, которые, тем не менее, проявляют социально-экономическую активность, высокообразованны, и для них критерии материального обеспечения, хотя и необходимы, но явно недостаточны для социальной самооценки.

Более глубокий анализ социальной структуры российского общества позволяет предположить, что сегодня необходимо выявление такой группы населения, которая имеет потенциал общественного развития, способна к социальной самоорганизации и социальной консолидации. Эти люди декларируют активную жизненную позицию, связанную с отклонением чрезмерной опеки со стороны государства, и, одновременно, проявляют безответственный индивидуализм, рассчитывают в основном сами на себя [2, с. 31]. Они полагают, что существует круг проблем, которые требуют активного общественного участия, и если человеку не безразлична судьба страны, социума, в котором он живёт, он обязан влиять на ситуацию как профессиональной, так и общественной деятельностью.

Тенденция рассматривать креативность как готовность жить и действовать с другими (а эти формы поведения поддерживают 40% взрослого населения, хотя и пассивно), свидетельствует о высокой концентрации креативности, о том, что, несмотря на определённое состояние разрозненности, территориальные и социальные различия, происходит соединение качеств материального и профессионального успеха и социальная консолидация.

В развитие этого положения можно сказать, что, конечно же, креативность не может стать социально-базисной ценностью только потому, что российское общество видит

в духовном самовыражении не столько особую форму удовольствия, сколько некое жизненное кредо, хотя и приносящее удовлетворение, но и сопряжённое с немалыми усилиями [см.: З, с. 642].

Однако речь не идёт только о формировании духовной сосредоточенности. Как социальное качество, как тенденция настроений россиян, креативность означает расставание и с пассивностью, и с социальной апатией, и с патернализмом, перевод из сферы мечтаний в сферу практического действия, помыслов, индивидуальных и групповых жизненных планов, определяемых чувством ответственности за строительство разумно организованного общества и реальное обеспечение, осуществление россиянами принципа равенства возможностей.

Система социального партнёрства как между государством и обществом, так и между различными общественными слоями – основополагающее условие функционирования современного общества. На практике это проявляется в том, что креативный класс стремится создавать определённые институциональные площадки для общественного диалога, формирует и предлагает обществу новую систему.

Такой набор качеств может показаться эклектичным, но креативный класс вовсе не основывается на модели консервативного поведения, исключаящего как применение современных достижений, технологических и экономических инноваций, так и опору на почвенническую традицию. Хотя сложившаяся в постсоветской России система социальной зависимости влияет на разрыв между позицией готовности и реальным осуществлением креативных практик, существует безусловная заинтересованность в формировании различных институциональных структур, которые бы приводили к повышению социальной активности.

И дело не в том, что существующие общественные структуры часто действуют по логике самопредставительства: креативный класс нуждается в реформатировании социального пространства, ликвидации перегородок между различными видами социальной активности. Действуя в режиме повышенных ожиданий и испытывая потребность в новых социальных и культурно-информационных ресурсах, представители креативного класса осваивают новые экономические информационные практики.

Являясь сторонниками честной конкуренции, они до сих пор не ощущают востребованности в результатах собственного труда. Креативный класс, по мысли американского социолога Р. Флориды, состоящий из людей, которые меняют будущее, нуждается в гибкости, но «не имеет времени на вещи, которые действительно хотелось бы делать» [4, с. 26]. Имеется в виду, что, являясь инициатором перемен, креативный класс не является монополистом креативности, то есть видно противоречие

Как социальное качество, как тенденция настроений россиян, креативность означает расставание и с пассивностью, и с социальной апатией, и с патернализмом.

между статусом «организованного» человека и осознанием его принадлежности к креативному классу. Отнюдь не все представители креативного класса в состоянии оказать влияние на процесс включения общества в режим постоянного обновления, хотя, как и в сфере квалифицированного семантического труда, основанного на знании, так и в массовых профессиях, с доминированием рутинности, создаётся критическая масса ожиданий в социальных нововведениях, что должно являться безусловным сигналом для российской элиты.

Также можно сказать, что ресурс терпения и опыт адаптивных практик, которые являются отличительным маркером основной части населения, создают «неузнаваемость» креативному классу, который хотя и выступает гарантом перемен, но не в состоянии артикулировать свои интересы через уже существующие социальные структуры. К сожалению, деятельность креативного класса часто используется в достаточно спорных политических целях – будь то системная оппозиция или бюрократизация социальной инициативы.

Двигаясь в направлении социальной консолидации, представители креативного класса обозначают свои позиции равноудалёнными от политических крайностей. В то же время для них характерна реальная обеспокоенность процессами социальной стагнации и недопустимость наихудших социальных сценариев. Имея чувство самоценности и уважения к себе и другим, они хотели бы видеть в обществе партнёров, а не врагов. Однако эта мотивация выражается достаточно слабо, абстрактно, неопределённо, потому что тяготеет стереотип круга близких и достаточно силён уровень социального недоверия.

Интересно, что готовность самостоятельно построить свою судьбу (а таковых в российском обществе не менее 40% [см.: 3, с. 621]), убеждает в том, что достичь жизненных целей можно только если остальные играют по тем же правилам и следуют логике сближения. С другой стороны, нормой жизни перестаёт быть безусловный (слепой) коллективизм. За истекший период россияне, привыкшие действовать самостоятельно и полагаться на себя, научились не только действовать в неординарных ситуациях, но и критически относиться к любым социальным и политическим инициативам. Главное для креативно настроенной личности – не быть социальным статистом, ощущать себя самостоятельным, субъектным в процессе реализации даже самых социально незначительных проектов. Любая попытка смоделировать для креативного класса ситуацию манипулирования настроениями, претворить в креативном классе схему контролируемого действия обречена на неуспех, так как социально состоявшиеся респонденты считают, что сама социальная активность является следствием их собственного выбора и соотносится со стремлением жить гармонично.

Двигаясь в направлении социальной консолидации, представители креативного класса обозначают свои позиции равноудалёнными от политических крайностей. В то же время для них характерна реальная обеспокоенность процессами социальной стагнации и недопустимость наихудших социальных сценариев.

Главное для креативно настроенной личности – не быть социальным статистом, ощущать себя самостоятельным, субъектным в процессе реализации даже самых социально незначительных проектов.

Характерно, что независимость, нежелание подчиняться навязываемым авторитетам, свойственные 67% российской молодёжи [см.: 3, с. 467], в той или иной мере разделяемые и старшими поколениями, в креативной среде переформируются в стремление быть самостоятельными, ответственными за свои поступки, не идти на поводу у обстоятельств и не создавать новых идолов и кумиров. При этом нельзя идеализировать образ креативного класса, так как он включает представителей различных социальных и возрастных категорий, имеющих собственные представления о том, какими могут быть пути социальной самореализации, как может инициативное меньшинство взаимодействовать с государством и какие перемены нужны России прежде всего.

Следует отметить, что в исследуемой группе есть одно существенное обстоятельство, которое отличает её от других слоев населения, – мы говорим о людях, меняющих будущее российского общества, в котором постепенно происходит избавление от актуалистских настроений, от страха и боязни неопределённости будущего. В целом складывается впечатление, что возрастание социального оптимизма связано с осознанием того, что только от самих людей зависит, насколько это будущее будет соответствовать ожиданиям или нести деструктивные тенденции.

Поскольку креативный класс выходит за пределы потребительских практик (что характерно для актуалистов, находящихся удовлетворение именно в потребительстве и вещизме, якобы ослабляющих чувство тревоги по поводу будущего), он определяет для себя характерный подход: интеллектуальный и профессиональный ресурс – самая высокая ценность для человека.

Не удивительно, что, понимая дезинтегрирующее влияние социальных неравенств в российском обществе и стремясь к социальному партнёрству, представители креативного класса хотели бы включиться в диалог не по поводу распределения социальных благ или доступа к ресурсам, какими бы справедливыми ни казались эти требования, а по поводу освоения возможностей, которые может реализовать человек в своих жизненных стратегиях.

Примечательно то, что креативный класс, который может считаться образцом усвоения зарубежных достигнутых стандартов поведения, является результатом социальных и культурных изменений в российском обществе. Определяя социальное доверие по степени позитивного влияния на жизнь людей, на обеспечение равных возможностей, его представители приходят к пониманию, что есть жизненный успех, который воспринимается в большей степени как результат личных усилий наперекор обстоятельствам и как отправная точка завышенных социальных претензий. Большинство представи-

Креативный класс, который может считаться образцом усвоения зарубежных достигнутых стандартов поведения, является результатом социальных и культурных изменений в российском обществе.

телей креативного класса заняты в социальной и культурно-духовной сферах (наука, образование, культура, медицина), и важно подчеркнуть, что, как свидетельствует стремление к общественным переменам, удовлетворённость жизнью складывается в контексте отхода от позиции социальной зависимости и расширения сфер самостоятельности в профессиональной деятельности.

Иная ситуация с формированием российского креативного класса по сравнению, например, с американским, состоит в том, что креативные навыки являются следствием осознания принадлежности не только к образованному, но и творческому слою; что в условиях отмирания творчества (как традиции социальной избранности) самореализация может выразиться не в принятии поведенческого кода западного интеллектуала, а в занятии позиции социальной ответственности, принятии этики участия, ориентированной на равенство возможностей и развитие личности.

Очевидна необходимость объединения людей, имеющих опыт выживания в трудных обстоятельствах в начале жизненной карьеры, фактически с «чистого листа», без помощи государства, и приступать к решению тех проблем, которые не могут быть определены в одиночку в ситуации социальной разрозненности. Можно также предположить, что в условиях, когда для подавляющего числа россиян основным источником доходов является работа (93%) [см.: 5, с. 75], социальная самостоятельность может опираться только на высокопрофессиональный и квалификационный потенциал, на дефицитные специальности, на освоение новых социальных ниш, так как в ином случае жизненные претензии имеют меньшие шансы на реализацию.

Чтобы стать влиятельной социальной силой, необходимо удовлетворять нужды общества, то есть самостоятельно обеспечивать себя и своих близких. В то же время интересы человека как самостоятельной уникальной личности определяются ценностно-нормативной предпосылкой осознания своей креативности, нестандартности, неписываемости в стереотипные поведенческие практики.

Задумавшись о том, какую лепту креативный класс может внести в развитие страны, в её социокультурную модернизацию, в совершенствование всех сторон общественной жизни и включённости в современное мировое сообщество, необходимо отметить, что в основе различий влияния креативного класса и других социальных групп на процесс модернизации лежат два существенных обстоятельства.

Во-первых, представители креативного класса, в отличие от ситуации 1990-х гг., не согласны довольствоваться ролью носителей негативной социально-инновационной деятельности.

Во-вторых, они хотели бы реально участвовать в модернизации, разумеется, при решающей роли государства. Однако важно не просто признание их мнения, но и возможность влияния на принятие решений в определении национальных приоритетов.

При этом этика справедливости и рациональные достигательные ценности не противоречат справедливости и служению. Носителей двух последних установок М. К. Горшков относит к так называемым «социальным альтруистам» (43%) [6, с. 15], но, на наш взгляд, и представители креативного класса (15-25% населения) свою жизненную позицию связывают с ценностями солидарности и равенства шансов для всех. В подтверждение этого положения можно сказать, что осознание этих различий становится различениями, когда представители креативного класса и активно участвуют в социальной экспертизе, масштабных государственных делах и бизнес-проектах, и формируют сети взаимодействия на уровне социального волонтерства.

Дефицит новых институтов в виде переговорных площадок и каналов политической коммуникации, а также осознание того, что в современных условиях необходимо формирование экспертных сообществ (например, в форме, дискуссионного клуба), подвигают к переопределению способов участия в социальном развитии страны. Соглашаясь с тем, что сегодня государство не может вернуться на позиции социального протектора, опекать и контролировать новые общественные движения и структуры, можно считать, что креативный класс движим стремлением выразить себя как коллективный субъект действия, как общность индивидов, вступающих на путь социального созидания вне жёстких социально-организационных рамок.

Если в советском андеграунде был модным социальный эпатаж, то в настоящее время – политически допустимое инакомыслие, различие заключается в том, что настроенные реализовать себя люди воспринимают демократические свободы как само собой разумеющиеся, не ставя их в приоритет своей гражданской активности, они не считают себя ущемлённым или протестующим меньшинством. Но, видимо, наша российская правящая элита так и не определилась в своих отношениях с креативным классом и ей трудно отказаться от привычки воспринимать население как опекаемое большинство, не имеющее достаточно высокого уровня социальной компетентности, чтобы влиять на принятие социально и политически значимых решений. Если даже принять во внимание, что в российском обществе креативный класс не структурирован, модель креативной идентичности размыта, для элиты, ориентированной на самовоспроизводство и желание «не допускать кардинальных перемен», он представляется группой, для которой политика примыкания или согласия с правящей элитой не обещает однозначных результатов.

Очевидно, что в поведении креативного класса не просматривается позиция примыкания к элите. Однако ему не свойственна и позиция непримиримого борца, а требуется выработка курса на социальные и политические компромиссы, сущность которых состоит в том, чтобы предоставить креативному классу возможность испытать себя на уровне масштабных общенациональных проектов, ввести систему социального контроля и продемонстрировать, хотя бы на первых порах, что элита готова к тому, чтобы вести, пусть и трудный, но необходимый диалог с обществом через представителей креативного класса.

Когда проблема касается артикулирования интересов, то креативный класс ориентирован на их выражение самостоятельно. Но так как эти интересы в целом пока носят абстрактный характер или связаны с демонстрацией человеческого капитала, вырисовываются два пути социального представительства. Один, условно называемый оппортунистическим, утверждает возможность диалога с государством и распределение бремени ответственности между гражданами и властными структурами. Отношения с другими слоями общества представляются в контексте претензии на лидерство. Характерной особенностью этого подхода является то, что в нём отвергается идея обращения к так называемым «люмпенизированным» слоям. Само отношение креативного класса к бедности выражается в установке на равенство возможностей для всех.

Другой путь, «революционный», основывается на необходимости ориентации новых макросоциальных структур и институтов на отношение к креативному классу как к самостоятельной социальной группе. Здесь можно указать на отсутствие прямой взаимозависимости между стремлением к диалогу и требованием равенства (учёные полагают, что общество само рационально должно определить, «сколько равенства ему следует купить») [7, с. 274].

Этот вывод близок сложившимся представлениям о неравенстве: креативность определяется социальной оценкой компромисса между эффективностью и справедливостью. Российский исследователь О. И. Шкаратан подчёркивает, что главной проблемой российского общества являются избыточные неравенства – неравенства, блокирующие возможности вертикальной социальной мобильности и участия в социальном управлении. Скрытый смысл существующих неравенств учёный видит в механизме соединения власти и собственности, по существу, минимизирующем возможности элиты быть той референтной группой, на ценности которой ориентируется общество [см.: 8, с. 421]. В этом смысле креативному классу приходится делать выбор относительно формирования самостоятельных каналов социальной мобильности во вновь создаваемых пространствах совместной активности.

Интегральный критерий креативного класса, способность и готовность к самореализации предопределяют настроенное отношение к диалогу с элитой и усиливают изоляционистские тенденции, стремление стать влиятельной социальной силой в условиях кризиса или паралича власти, истощения ресурсов экстенсивного социального развития. Можно сказать, что это отвечает суждениям ряда социологов о том, что власть в России становится институтом консервации целого, поскольку строится не на репрезентации многообразия социальных форм, а на дисквалификации любого другого в сравнении с собой [см.: 8, с. 424].

Исходя из этой логики, можно сказать, что сам креативный класс оказывается расколотым и по выбору форм социальной активности, и по осмыслению перспективы своего участия в социальной модернизации. Это противоречие значительно снижает внутриконсолидирующий уровень и приводит к расплывчатости, неготовности креативного класса стать выразителем интенций, запросов общества в критические периоды.

В результате креативный класс пребывает в состоянии иммобилизованности. Главная причина заключается в том, и здесь можно согласиться с М. К. Горшковым, что в обществе появились новые линии размежевания, которые касаются не столько целей общественного развития, сколько методов их достижения [3, с. 62].

Представители креативного класса в основной своей массе считают, что идея развития России как лидера научно-технического прогресса созвучна мнению большинства населения страны. Но, в дополнение к этому, на наш взгляд, лидерство России в общепланетарной цивилизации может быть в перспективе обеспечено и актуализацией культурно-исторического наследия, опытом построения гармоничных междивизиционных отношений, представлением миру концепции нового гуманизма.

Если следовать логике отказа от практик потребления, что демонстрирует проект неудачи формирования в России среднего класса, то выходит, что наиболее социально «продвинутой» части населения необходимо избавляться и от технократических иллюзий. Безусловно, не отрицая её роли лидера в научно-технических достижениях (а представители креативного класса заинтересованы в продвижении технологических инноваций), необходима последовательная установка на восприятие и развитие колоссального культурно-гуманитарного наследия (не его эксплуатация во имя культивирования травмированной национальной гордости, а обращение в будущее ради строительства общества, сочетающего достиженческий потенциал и духовную ориентированность).

Потребность общества в социальной самореализации является катализатором перемен на пути к модернизации нового креативного типа, в основе которой – движение к креа-

тивному обществу, обществу равных возможностей. Поскольку модернизационный проект не может основываться только на мощи государства, возникает необходимость выявления «модернизационного меньшинства», каковым и может выступить креативный класс, ориентированный на нестандартные решения, самореализацию, освоение новых социальных и экономических форм деятельности.

Библиографический список

1. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. – М.: Гендальф, 2003.
2. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение /под ред. М. К. Горшкова. – М.: ИС РАН, Новый хронограф, 2010.
3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М.: ИС РАН, Новый Хронограф, 2011.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика XXI, 2011.
5. Горшков М. К. и др. Готово ли российское общество к модернизации? – М.: ИС РАН, Весь Мир, 2011.
6. Горшков М. К. О чём мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2012.
7. Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. М. К. Горшкова, Ю. А. Красина. – М.: Культурная Революция, 2007.
8. Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: ИД НИУ-ВШЭ, 2012.

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей российского актора-профессионала и управленческой системы, в которую он включён. Социальные практики, а также ценности, нормы, специфика рефлексии и принятия решений действующим субъектом рассматриваются в исторической ретроспективе. Обосновывается акторский характер советской модели индустриализации.

Ключевые слова: актор, агент, система управления, централизация, децентрализация, рефлексия, ценности, стандарты, свобода, процесс принятия решений, индустриализация

В настоящей работе представлены результаты анализа особенностей российского (советского) актора-профессионала и пространства его деятельности. Проблемы исследования действующего субъекта в СССР и современной России, а также теоретико-методологические подходы к его анализу сформулированы в статье «К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия». Там же сформулированы основные исследовательские проблемы и вопросы. Главный вопрос – как разрешается противоречие между актором (действующим субъектом) и агентом (субъектом-функцией) в СССР и современной России. Ответ на него позволяет понять, какую роль играл актор, обнаруженный исследователями в советской системе управления, был ли он её необходимым элементом или сохранился в ней случайно, по причине слабой эффективности, недостаточной тотальности контроля или иных особенностей её устройства.

Анализ активизма советских профессионалов¹ занимает в данном исследовании центральное место. Объясняется это в первую очередь тем, что механизмы воспроизводства профессионального субъекта, действовавшие в СССР, до сих пор не вытеснены западными моделями профессионализма, несмотря

¹ Профессионалами в данном исследовании считаются специалисты с высшим и средним специальным образованием (техникум, колледж), а также рабочие высокой квалификации.

на их активную экспансию. Кроме того, число специалистов, получивших образование и имевших опыт работы в СССР, велико до сих пор, именно они являются носителями советской традиции.

Деятельность актора в отличие от действия субъекта-функции слабо поддается формализации. Ее ключевые характеристики, такие как личный опыт, интуиция, личностные свойства активистов, понимание цели и смысла действий и т. п., исчезают при высоких степенях абстрагирования и формализации. По этой причине в исследовании использовались качественные методы сбора и анализа данных: глубинные интервью, анализ воспоминаний, опубликованных (в том числе в интернет) и хранящихся в семейных архивах, вторичный анализ результатов исследований российских и западных социологов и иных документов.

Основную часть собранных материалов составили интервью и воспоминания инженеров, обучавшихся на гидроэнергетическом факультете (ГЭФ) Московского энергетического института в 1950-1955 гг.¹ Этот выбор обусловлен рядом причин. Во-первых, он позволяет исследовать действия специалистов, занятых в базовых отраслях советской промышленности на протяжении ключевых этапов ее модернизации. Он также даёт возможность исследовать действующего субъекта в условиях системной аварии и её несистемных последствий.

Гидроэнергетический факультет МЭИ был создан с целью подготовки специалистов для советской послевоенной индустриализации. Образование, которое давал факультет, позволило его выпускникам заниматься инженерной деятельностью широкого спектра. Они проектировали и строили электростанции всех типов, а также трубопроводы, жилые дома, промышленные предприятия, обсерватории, участвовали в создании советской атомной энергетики, ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и т. п.

Во-вторых, многие выпускники имеют опыт проектной и строительной работы за рубежом СССР и России, они проектировали и строили энергетические и промышленные объекты практически на всех континентах, за исключением, пожалуй, Австралии. Взаимодействие с западными компаниями, участвовавшими в таких стройках, позволило им сравнить и оценить различные модели организации инженерной деятельности. Наконец, некоторые из них продолжают работать до сих пор, несмотря на преклонный возраст, что даёт им возможность оценить изменения, происходящие в профессиональной сфере в современной России.

¹ Воспоминания выпускников ГЭФ МЭИ собраны и опубликованы в книге «Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ» [1], кроме того, были проведены глубинные интервью (часть из которых в сокращенном виде вошла в книгу). Интервью цитируются анонимно.

Эти данные были дополнены также интервью и мемуарами других специалистов, в первую очередь врачей и учителей, которые представляют наиболее массовые профессии, к тому же тесно связанные с жизнедеятельностью и воспроизводством местных сообществ, индивидов и социума в целом. Проанализированы воспоминания сотрудников ряда структур, максимально контролируемых государством: военных специалистов и советников в развивающихся странах, военных дипломатов и т. п. Такой подход к сбору материалов для исследования обусловлен необходимостью избежать эффекта «маленького уголка свободы»¹, когда анализ активности представителей одной профессии даёт возможность объяснить данное явление отраслевой спецификой, включая её периферийность и удалённость активистов от власти.

Система советского управления: несистемные свойства

В СССР хабермасовская колонизация всего жизненного пространства системой кажется очевидной. Огосударствление собственности и централизация управления включили в него специалистов, обслуживавших едва ли не все сферы жизнедеятельности общества. Массовость ряда профессий в Советском Союзе (учителей, врачей, инженеров в первую очередь) существенно увеличивало число вовлечённых в управленческую систему профессионалов. Однако вывод о тоталитарности данной системы, о её всепроникающем контроле и функциональности, нивелирующем личностные особенности занятых в ней специалистов, основан скорее на экстраполяции характеристик западной системы управления², в которой субъект строго функционален, а сама его функция сужается по мере углубления разделения труда.

Отметим, что основные конструкции советской системы управления, включавшие планирование, обязательность поставленных задач для исполнения, контроль и т. п., действительно не отличаются от фундаментальных оснований управления любой индустриальной системы. Специфика её устройства выявляется при смене ракурса анализа, его переориентации с абстрактных структур и функций на людей и сообщества.

¹ Имеется в виду название книги Д. Вайнера об истории охраны природы в Советском Союзе [2].

² См. статью О. Аксёновой «К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия» в данном номере.

Пространства свободы

Именно такой подход позволил А. Блюму и М. Меспуле обнаружить в работе статистического управления в 1930-е гг. феномен, обозначенный ими как «пространство свободы». Внутри этих пространств профессиональный субъект (индивидуальный или коллективный) мог действовать согласно собственным концепциям, а не указаниям центральной власти [см.: 3, с. 269]. С тем же самым явлением сталкивается и Д. Вайнер при исследовании заповедного дела в СССР, обозначая его как «архипелаг свободы», «маленький уголок свободы», «приют независимой мысли» [см.: 2 и 4].

Наш анализ выявляет «пространства свободы» практически во всех исследуемых отраслях, включая структуры «Средмаша» (Министерства среднего машиностроения) и отделы строительства АЭС: *«Наш отдел получает задание обеспечить строительство нескольких АЭС, которые производят определённое количество киловатт энергии. Как я буду его выполнять, никого не касается. У меня от этой свободы голова трещала. Мы должны были выпускать тысячи чертежей ежемесячно, выбирать площадки для строительства, набирать людей, договариваться с другими организациями. Ни о каком диктате и речи не могло идти, все от нас только отпихивались, потому что ответственность была слишком велика. Мы мечтали, чтобы нами кто-то командовал и принимал решения»* (из интервью с экспертом, занимавшим руководящие должности в атомной энергетике: с 1957 по 1982 гг. – инженера, затем начальника отдела атомной энергетике проектного института и заместителя директора, с 1982 по 1987 гг. – начальника отдела энергетике Главгосэкспертизы Госстроя СССР, с 1987 г. – начальника Управления, заместителя начальника Главного управления Министерства атомной энергетике СССР, затем Росэнергоатома).

Об автономии структур самых разных уровней говорили практически все наши респонденты, писали многие авторы мемуаров: *«В течение почти четверти века я был фактическим хозяином сектора волновых исследований ОЛ (отраслевой лаборатории), решая все организационные, финансовые, кадровые и научные вопросы»* [1, с. 268]; *«Главный детский хирург города создавал службу детской хирургии так, как он считал нужным, ему указывать никто не мог»; «Меня приняли на должность заведующего отделением рентгенологии, которое ещё нужно было построить и организовать его работу. Главный врач ни во что не вмешивался».*

Программы и планы развития создавались централизованно, однако они были результатом взаимодействия нескольких организаций, также имевших собственные задачи и определённую свободу действий по их выполнению. В каждой из

Базовые конструкции советской системы управления, включавшие планирование, обязательность поставленных задач для исполнения, контроль, не отличаются от фундаментальных оснований управления любой индустриальной системы. Специфика её устройства выявляется при смене ракурса анализа, его переориентации с абстрактных структур и функций на людей и сообщества. Такой подход позволил А. Блюму и М. Меспуле обнаружить в работе статистического управления в 1930-е гг. феномен, обозначенный ими как «пространство свободы», а Д. Вайнеру при исследовании заповедного дела в СССР обнаружить «архипелаг свободы».

них работали профессионалы, хорошо знающие друг друга, складывались неформальные сообщества, оказывающие влияние на процесс планирования, или непосредственно в нём участвующие. Эти сообщества наши респонденты иногда обозначали термином «лобби», но в то же время они представляли собой скорее профессиональные солидарности. Некоторые появлялись ещё в студенческие годы, что подтверждается анализом интервью с выпускниками ГЭФ МЭИ. На курсе сложилось студенческое братство. Сохранившиеся в последующие годы отношения не сводились к сети знакомств (связей), они включали взаимную поддержку, помощь в сложных жизненных и профессиональных ситуациях, и т. п. Кроме того, они соединяли специалистов, занятых в очень широком спектре отраслей, связанных с проектированием. Дружеские связи возникали в ходе работы профессионалов (строители Братской и других ГЭС, ограниченный круг высококвалифицированных проектировщиков АЭС и др.).

Таким образом, то, что мы привыкли называть системой централизованного советского управления, на всех стадиях складывалось, как из кубиков, из относительно независимых структур, в том числе и неформальных профессиональных сообществ, которые обладали определённой независимостью в решении профессиональных задач. Степень этой независимости, разумеется, различалась, но в целом централизация советского управления сочеталась со свободой действий в профессиональных автономиях. В некоторых источниках отмечается «своеобразная комбинация централизации и децентрализации» как свойство природы советского управления. Более того, отмечается и парадоксальное расширение самостоятельности отраслевых структур в период максимального усиления централизма в военное время [см.: 5].

***Приказ, стандарты, контроль:
пределы специализации
в советском индустриализме***

Деятельность профессионалов в системе, которую в годы Перестройки было принято называть административно-командной, действительно регламентировалась в первую очередь «командой», приказом вышестоящей организации, однако он в то же время определял рамки свободы действия субъекта. Например, первый секретарь компартии союзной республики в выступлении на съезде КПСС критиковал министра энергетики за затянувшееся строительство канала. В результате, по свидетельству нашего респондента: *«В министерстве сверху донизу по руководству прошла жёсткая команда. Она, конечно, не могла обойти и проектную организацию Гидропроект. Заместитель начальника института А. Н. Чемин сказал мне:*

...поезжайте на канал, вам предоставляются любые полномочия от института. Решайте вопросы, как считаете нужным, но чтобы не было больше телеграмм в министерство».

Пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует значение приказа и инструкций в действиях профессионала рассказ руководителя группы советских военных специалистов в Ливии в 1977-1979 гг.: *«Огарков говорил о том, что я должен обеспечить приём советской техники и её эффективное освоение ливийцами. И добавил, что мне поручается задание государственной важности: предотвратить войну. Никаких более конкретных указаний мне не дали. Приказ был: «Действовать в соответствии с обстановкой» [6, 7].*

Таким образом, приказ мог быть весьма общим. Степень ответственности варьировалась от выговора до расстрела в зависимости от исторического периода и конкретной ситуации. В последнем примере генерал, по его словам, рисковал дальнейшей карьерой в случае невыполнения задания. Однако между приказом и ответственностью за его выполнение находилось обширное пространство практически полностью самостоятельных решений.

Но как было показано в предыдущей статье, даже полная независимость ещё не означает свободы действий субъекта. Деятельность профессионала в любой версии индустриального развития нормативно ограничена. В технологической системе постмодерна она практически запрограммирована, задана пошаговой инструкцией, а потому даже полная независимость не превращает субъекта в актора.

Противоречивая потребность в агенте, чётко выполняющем правила, и в акторе, способном к самостоятельному действию, а значит к нарушению правил, имманентна любой модели индустриализма. Она в полной мере проявляется в осмыслении отечественными профессионалами возможных пределов свободы их деятельности. Всеми признаётся необходимость норм и обязательность контроля их соблюдения. Более того, большинство наших респондентов активно участвовали в разработке стандартов и норм, определяющих различные параметры материалов, оборудования, конструкций: *«Я начал там писать нормы для проектирования, в то время их не было, были какие-то традиции, но поскольку в несколько раз вырос объём проектирования, то нужно было эти традиции закреплять в нормы. В 1964 г. были сделаны первые нормы по автоматизации нефтепроводного транспорта, потом они регулярно обновлялись, но фундамент сохранился до сих пор» [1, с. 116].*

Однако есть пределы, за которыми внешнее регулирование деятельности становится, по их мнению, спорным, а часто и неприемлемым. Таким качественным барьером является превращение алгоритма действия в пошаговую инструкцию, не допускающую размышлений и отклонений.

В советские времена приказ мог быть весьма общим. Степень ответственности варьировалась от выговора до расстрела в зависимости от исторического периода и конкретной ситуации. Однако между приказом и ответственностью за его выполнение находилось обширное пространство практически полностью самостоятельных решений.

Противоречивая потребность в агенте, чётко выполняющем правила, и в акторе, способном к самостоятельному действию, а значит к нарушению правил, имманентна любой модели индустриализма.

Например, попытки Министерства здравоохранения заставить врачей лечить строго по стандартам наталкиваются на сопротивление, когда стандарт полностью предписывает действия врача. На форуме независимого профсоюза скорой помощи «Фельдшер.ру» медицинские стандарты обсуждались неоднократно. Чаще всего высказывалось мнение, что стандарт действий не может учесть все сложные и уникальные ситуации, с которыми приходится сталкиваться практикующему врачу: *«Стандарты – это как правила дорожного движения. Переходить дорогу нужно на зелёный свет. Никто не спорит. Только в том беда, что забывают они написать, что делать, если светофор вообще не работает, или ты живёшь в посёлке, разделённом на два федеральной трассой, и светофоров вообще нет. Стандарты без ума, как трамвай без машиниста. Вроде едет по маршруту, но ни людей не выпускает, ни пешеходов не пропускает»* [см.: 9]. Кроме того, он воспринимается как ограничение профессиональной рефлексии и свободы: *«Забудьте про клиническое мышление. У Высоцкого было: «Не надо думать, с нами тот, кто всё за нас решит»* [см.: 10]. Врачи признают, что стандарты, во-первых, нужны контролирующим организациям, во-вторых, они служат «защитой от дурака», минимизируя ущерб от действий человека, неспособного к профессиональной рефлексии. Они, таким образом, достаточно точно определяют основные причины использования пошаговой инструкции на Западе, но её адаптация в российских условиях им представляется несколько иной: *«Любые стандартизированные рекомендации не возбраняют использование мысли, но коль мыслить не желаешь, так хоть веди больного по стандартам»* [см.: 11].

Отношение к алгоритму действий у участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и в исследовании её причин, ещё более сложное. С одной стороны, по мнению наших респондентов, должен существовать ряд обязательных, жёстко закреплённых правил для работников атомных станций, которые не могут быть нарушены ни при каких обстоятельствах. В то же время, однозначного вывода о том, что именно такого рода инструкции помогут предотвратить катастрофу, сделать невозможно. Их выводы полностью совпадают с выводами Ч. Перроу: системная авария в сложных системах неизбежна вне зависимости от совершенства их устройства, средств защиты и качеств персонала.

Российские профессионалы пытаются найти баланс между стандартом и профессиональной свободой, а по сути – баланс между узкой специализацией и универсальностью, настаивая на максимально возможном сохранении контроля над процессом труда. Отметим, что высокое разделение труда не позволяет вносить изменения в программу выполняемых опе-

раций уже по той причине, что оператор не имеет целостного представления о процессе, в котором он выполняет слишком ограниченную функцию.

Ограничителем профессиональной свободы является также контроль – обязательная составляющая любого управленческого цикла, не зависящая от политической системы. Контроль в СССР часто обозначается сегодня терминами «тотальный», «жёсткий», «всепроникающий». Однако политический контроль партии над профессиональной деятельностью уже в тридцатые годы прошлого века столкнулся с трудностями, которые оказались практически неразрешимыми: «Профессиональная логика, основанная на научном способе мышления, ускользает из-под политического контроля» [3, с. 276]. По мнению французских исследователей, проект политический в такой ситуации неизбежно оказывается в подчинении у проекта профессионального. Попытки обойти это препятствие разными способами, включая репрессивные, приводили либо к невыполненным задачам, либо к формализации самого контроля.

Одной из наиболее успешных попыток установления политического контроля была обязательность членства в партии для руководителей высшего звена, которая закрывала возможности карьерного роста тем, кто по каким-либо причинам оставался беспартийным, о чём свидетельствует наш респондент: *«Начальник отдела контроля качества Госстроя СССР пригласил меня на должность главного специалиста после того, как я поработала в составе комиссии по качеству строительства на Дальнем Востоке. Моя анкета не прошла последней инстанции – отдела ЦК КПСС из-за моей беспартийности»*. Однако респонденты, занимавшие высокие позиции, говорили о приоритете для них профессиональных интересов: *«Меня всё это не интересовало вообще. О политических проблемах, о диктатуре, демократии и так далее, я не думал. Я думал только о работе, даже дома, даже в отпуске»*. Задачи политического контроля, таким образом, вытесняются профессиональными интересами и ценностями.

Сложилась также достаточно сложная система профессионального контроля, который осуществлялся Госстроем (Государственный комитет по строительству), отраслевыми министерствами, профильными отделами ЦК КПСС, где также работали профессионалы, просто вышестоящими организациями и т. п.

Однако и внешний профессиональный контроль сталкивался с той же самой проблемой – оценить работу специалиста сложно даже его коллегам: *«Контроль осуществлял я как начальник отдела Госстроя. Без экспертизы Госстроя ни один проект не мог быть реализован. Соответственно начальник собирает команду экспертов, которые и будут*

контролировать. Но, с другой стороны, контролировать профессионала полностью невозможно. Никто лучше него не владеет его предметом, даже его собственный начальник».

Особую роль в обеспечении баланса между свободой и ограничением, творчеством и стандартом, играл авторский надзор проектировщика над исполнением проекта. Он минимизировал риск, связанный с творческими (но необоснованными) идеями строителей, и, одновременно, риск, возникающий в связи с некоторыми стратегическими идеями центра, например, с политикой экономии материалов: *«Когда я приехала на строительство крупного завода, ко мне пришли энтузиасты с предложением убрать половину стальных балок и таким образом достичь экономии металла, а то, что после этого летела вся конструктивная схема каркаса, им не приходило в голову. Пришлось посадить их с логарифмической линейкой (в 1972 г. логарифмическая линейка была главным орудием инженера) и заставить убедиться в этом».*

Отметим, что инженер, осуществляющий авторский надзор, тоже действует в пространстве профессиональной автономии, то есть принимает решения самостоятельно, часто в условиях противодействия со стороны.

Перечисленные регуляторы и ограничители не ликвидируют профессиональной автономии. Её особенностью можно считать сохранение максимально возможного в каждой конкретной ситуации отрезка трудового процесса, сохранение универсальности действий профессионала в условиях индустриальной специализации.

Актор в пространстве свободы и за его пределами

Результативность системы управления, построенной из относительно автономных элементов, зависит от качеств работающих в гораздо большей степени, чем результативность системы с узкими и жёстко определёнными функциями. Профессионал определяет внутреннее устройство автономных пространств, характер складывающихся взаимоотношений, принципы работы и стратегию действий.

Профессиональная автономия: уникальные решения

Во многих случаях сложно разделить деятельность профессиональную и социальную. Начальник группы рабочего проектирования г. Припять рассказывает о появлении среди его обязанностей задач социальных, о достаточно неожиданных для профессионала взаимодействиях: *«Приезжает молодёжь,*

а это было пустое место, рядом небольшое село, которое тут же снесли. И бабушку найти, чтобы с ребёнком сидела, очень сложно...В институте таким вещам не учили, но их очень много было. Кладбище, например! Ну причём тут я, причём Московский энергетический институт и кладбище? Но люди-то умирают, от этого никуда не денешься, это естественный процесс. Если я город проектирую, то и кладбище должен строить. Поехал к бабушке в соседний город в церковь. Пришёл к нему и откровенно говорю: извините, как мне вас называть, не знаю – я неверующий, а ещё некрещёный. Бабушка мне по-простецки, по-мужицки объяснил, что покойник должен лежать на глубине два метра, но это я и в санитарных нормах прочитал. Чтобы воды не было, лучше чтобы песок был. Глядеть он должен на восток. В ногах должен стоять памятник... То есть санитарные нормы прочитал, к бабушке сходил, с архитектором поговорил» [1, с. 89].

Врачам, наоборот, приходилось осваивать информацию, связанную со строительством: *«Больница уже работала, но у меня кроме стен и перекрытий ничего нет. У меня была одна лаборантка, и мы на переносном аппарате уже делали снимки, остальное была стройка. Я обучилась всему. Я читала все ГОСТы, все СНИПы, на каком уровне должно заземление проходить. Контролировать строителей должна была тоже я. Я же строила для себя, значит должна его построить так, чтобы потом в нём можно было нормально работать».*

При выполнении «жёстких приказов» возникали организации уникальные, такие, как созданное доктором Оскаром Фридриховичем Краузе в 1960-х гг. Отделение детской хирургии г. Череповца, о чём рассказала одна из его сотрудниц: *«Он такое отделение создал, в Вологде такого не было, да и в Четвёртом управлении такого не было. Мы делали любые операции, онкологию, любые травмы, ни одного больного не отсылали. Была отлажена методика лечения стафилококковой пневмонии и остеомиелита. Каждую неделю, несмотря на то, что больных было много, мы два часа занимались повышением квалификации. Это было почти научной работой. Например, нужно было разобрать все случаи остеомиелита и по этой теме доложить. Сёстры детей выхаживали как мамки родные».*

Главная особенность сформированной актором реальности во всех перечисленных примерах – её неповторимость, почти неразрывная связь с активной и сильной личностью, которая является лидером не только по занимаемой должности. Отделение доктора Краузе, по мнению бывших сотрудников, «становится другим» после его выхода на пенсию. Но с другой стороны, всё же среди них сохранились те, кто усвоил идеи, установки, методы работы и продолжил «изменять реальность» в других структурах.

В чрезвычайных ситуациях способности актора-профессионала действовать самостоятельно и результативно играли решающую роль. Кроме того, результат их действий обеспечивался и личными качествами, позволявшими противостоять давлению сверху и даже приказам, которые они считали неверными. Руководитель строительства саркофага над четвёртым блоком Чернобыльской АЭС вспоминает, что в начале строительства им мешали требования руководителей, часто противоречивые: *«Никогда не приходилось работать с людьми столь высокого административного ранга. Но вскоре мы привыкли, рапортовали «будет сделано», а делали по-своему, так, как подсказывала наша совесть и, конечно, квалификация»* [12, с. 5]. Совесть в данном случае фактически включена в модель управления, так как именно она позволяет добиться нужного результата. Выполняющий только профессиональные функции субъект не смог бы решить поставленной задачи.

В экстремальных ситуациях система трансформировалась, расширяя полномочия и устраняя препятствия для самостоятельности профессионалов. Одновременное усиление централизации и децентрализации в военное время для советской модели управления закономерно. Управленческий центр, по мнению наших респондентов, должен определять общую стратегию, так как только он может видеть ситуацию в целом, распределять ресурсы и координировать действия. Именно такую роль он исполнял после чернобыльской катастрофы: *«Все вопросы решались моментально, согласование велось по телефону, заключения выдавались незамедлительно. Как мы легко вздохнули, когда исчезли бюрократические преграды. К сожалению, этот режим наибольшего благоприятствования начался и кончился в 1986 г.»* [12, с. 36].

Условием функционирования советской системы управления было наличие в ней субъекта, обладающего способностью самостоятельно принимать решения и действовать, отстаивать собственную позицию, в том числе перед вышестоящими организациями. Его действия основываются на анализе профессиональных проблем и осмыслении ситуации, в которую он включён. Рефлексия поэтому являлась ещё одним обязательным условием качественной работы. Она, в отличие от рефлексии в технологической системе, основана на фундаментальном знании, опыте и интуиции субъекта действия и может, как было показано выше, превращаться в «почти научную работу». Очевидно, что актер, обладающий перечисленными свойствами, будет стремиться к большей свободе, негативно воспринимать установленные системой ограничения, а при определённых условиях постарается выйти за пределы пространства свободы.

Условием функционирования советской системы управления было наличие в ней субъекта, обладающего способностью самостоятельно принимать решения и действовать, отстаивать собственную позицию, в том числе перед вышестоящими организациями. Его действия основываются на анализе профессиональных проблем и осмыслении конкретной ситуации. Рефлексия поэтому являлась обязательным условием качественной работы.

Действия за пределами профессиональной автономии

В ходе нашего исследования было обнаружено немало ситуаций, когда действующий в отведённой ему профессиональной автономии субъект трансформирует реальность за её пределами. В некоторых случаях это связано с нечёткостью приказа (задания), допускающего разные интерпретации, или с нежеланием «центра» брать на себя ответственность, как это произошло в следующем примере.

В конце 1966 г. группа советских инженеров выезжает в Венгрию, чтобы согласовать место строительства АЭС. В группе специалисты разного профиля, включая опытного гидролога. До этого проектный институт, в котором работают инженеры и руководитель группы (начальник отдела атомного строительства), согласовал четыре предпочтительных варианта, на основном из них два года велись подготовительные работы. Встречают и принимают группу на высшем уровне. Местная власть и руководство венгерской компартии заинтересовано в строительстве станции именно в данном районе. Район был бедным, поэтому строительство крупного энергетического объекта должно было стимулировать его экономическое развитие. Однако вскоре, по словам нашего респондента, обнаруживаются серьёзные проблемы: *«После того, как мы ознакомились с расширенными материалами по основному варианту, мы схватились за голову... Это была затапливаемая зона Дуная, на которой безопасность работы АЭС в период паводков и ледохода мы гарантировать не могли. Никаких нормативов по выбору места строительства АЭС в то время не было, поэтому принимать решение и объясняться с заказчиком предстояло самим. И перед Новым годом я объявил принимающей стороне, что мы не можем согласовать выбранную площадку для строительства АЭС и предлагаем остановиться на площадке Пакш»* [1, с. 150-151]. За этим решением последовал практически бойкот группы с венгерской стороны и продолжительный конфликт. Выбравшие именно это место специалисты венгерского проектного института категорически не соглашались с решением, восприняли его как личное оскорбление. Их поддерживали и представители венгерской власти. Москва же полностью переложила решение на группу, находившуюся в Венгрии. После долгого и достаточно драматического противостояния был принят советский вариант. Катастрофическое наводнение на Дунае произошло в 1984 г. но АЭС «Пакш» работала далеко от реки. Позже запрет на строительство АЭС на затапливаемых в паводок землях был внесён (непосредственными участниками событий – О. А.) в нормы по выбору площадок для строительства АЭС.

Таким образом, инженеры, которые должны были лишь согласовать место возведения станции, смогли повлиять на решения, выходящие далеко за рамки их полномочий, в том числе – изменить подход к стратегии строительства опасных объектов, институционализировать его в строительных нормах.

В некоторых случаях актору удавалось преодолеть жёсткость стратегических решений правительства. Одним из наиболее ярких решений успешного противостояния автономного субъекта центру было зимнее перекрытие Ангары при строительстве Братской ГЭС в 1957 г. Угроза серьёзной задержки строительства ГЭС возникла в 1956 г. по данным ряда источников, включая и воспоминания ветерана строительства и историка треста «Братскгэсстрой» Б. С. Сальникова. В конце 1950-х гг. Н. С. Хрущёв решил перейти от строительства крупных ГЭС, которое требует больших финансовых вложений, к возведению тепловых станций. Строительство Братской ГЭС могло быть законсервировано или отложено. Единственным способом предотвратить такое решение было практически незамедлительное перекрытие реки. В этом случае приостановить строительство будет невозможно – слишком велики потери. Директор станции И. И. Наймушин и главный инженер А. М. Гиндин приняли решение о перекрытии русла реки зимой и всю ответственность за него взяли на себя. Силами инженеров «Братскгэсстроя» под руководством самого Гиндина был разработан уникальный проект. Следует подчеркнуть, что решение было беспрецедентно смелым, поскольку ни одного случая зимнего перекрытия реки в мире не было: *«Фронтальное перекрытие впервые в мировой практике осуществлялось со льда, укреплённого покрытием из брусчатого настила. Все проектные и подготовительные работы производились инженерами проектной конторы под непосредственным руководством А. М. Гиндина и И. П. Денисова, начальника технического отдела»* [13, с. 33].

Ответственность и риск были высоки, но квалификация самого Гиндина и молодых инженеров треста была достаточна для сложнейших профессиональных решений, а ресурсы и отлаженные организация и дисциплина труда в созданном Наймушиным и Гиндиным «автономном пространстве» стройки дали возможность его осуществить: *«Инженерный расчет и точность исполнения с самого начала насаждались А. М. Гиндиным. Поэтому работы по сооружению продольной ряжевой перемычки были выполнены безукоризненно»* [13, с. 33].

Особенностью образования, позволившего инженерам Братска реализовать сложный и рискованный проект, является вторичность и подчинённость технологий по отношению к науке. Образование было ориентировано на фундаментальные знания были необходимы в том числе и для того, чтобы осво-

ить (или разработать) любую технологию. Культ профессионализма определял также и общий уровень работающих. По словам наших респондентов, в проектировании дилетантизма не было.

Ценности профессионалов

Актор, согласно концепции А. Турена, ценностно ориентирован, и это полностью подтверждается нашим исследованием. Описание респондентами собственных и чужих действий имеет ценностное обоснование и этическую оценку. В то же время ценности «любимого дела», ориентации на высокий профессионализм в советское время нельзя назвать чисто профессиональными. Можно утверждать, пользуясь определениями Ю. Хабермаса, что сфера инструментального и сфера идентичности в Советском Союзе совпадали. Установка именно на профессиональную самоидентификацию содержалась в главном вопросе советского взрослого к ребенку, который помнят все, чье детство прошло в СССР: «Кем ты хочешь стать?». Означает ли это, что жизненное пространство, согласно терминологии Хабермаса и Эллюля, было колонизировано системой? Напомним, процесс колонизации проявляется, в том числе, в трансформации ценностей и их приближении к нормам (внешним ограничителям).

В ходе представленного в данной работе анализа был выявлен ряд взаимосвязанных ценностей, которые являются общими для представителей различных профессий и позволяют рассматривать активизм российских профессионалов вне зависимости от их цеховой принадлежности. Актуализированными, непосредственно влияющими на принятие решений ценностями чаще всего являются: отношение к своему делу как к смыслу жизни, свобода принятия решений и свобода действий, профессиональная ответственность. Каждая из перечисленных ценностей агрегирует несколько принципов и целей, часто совмещающая профессиональные принципы с общечеловеческими.

Дело как смысл жизни

Работа неотделима от жизни, она и есть жизнь, в том случае, если удалось найти «свое дело». Это именно цель, к которой необходимо стремиться, но не у каждого получается её достичь. Как сказал один из наших респондентов: «Плохой врач – это тот, кто занимается не своим делом. Он его просто не нашёл. Возможно, он стал бы хорошим слесарем».

Сложность труда сама по себе является ценностью, она требует понимания сути процесса и постоянного, неограниченного рабочим временем осмысления своих действий: «Нам нравилось, что наша работа сложная и интересная,

что постоянно думать надо. Думали о том, что проектировали, и на работе, и дома. Я дома клеил из ватмана здание реакторного отделения и спецводоочистки, чтобы понять, как их надо рассчитывать. Засыпал и просыпался с этими мыслями» [1, с. 147].

Свобода действий

Слова «ты решаешь всё сам» звучат практически во всех интервью и воспоминаниях. Можно обозначить данную ценность как свободу принятия профессиональных решений, но респонденты говорили и о свободе творчества, о свободе мышления.

Свобода, о которой говорят советские и российские профессионалы, отличается от западной свободы и русской воли в её устоявшейся социологической интерпретации. Западный вариант свободы представляет собой скорее набор формализованных правил, или, иными словами, институциональных ограничений действий субъекта, либо определяющих их последовательность установок, то есть технологий. Воля трактуется как отсутствие каких-либо ограничений. В исследованиях Н. И. Лапина используется производная от воли – «своеволие» как инструментальная ценность, традиционная для России и «свобода» как ценность модернизационная [14, с. 32-39]. Свобода, к которой стремится профессионал, ограничена, во-первых, знаниями и опытом, во-вторых – другими ценностями (принципами и целями), главной из которых является ответственность.

Ответственность во многих случаях предстаёт основным мотивом профессионального активизма. Она охватывает достаточно широкий круг объектов, часто выходящих за рамки их непосредственно профессиональных обязанностей. В сфере ответственности может быть трудовой коллектив, пациенты и ученики, местное сообщество в целом и т. п.

Ответственность за государство можно выделить в особый принцип профессионального активизма. В первую очередь это касается сфер деятельности, которые были связаны непосредственно с реализацией государственных интересов, таких как, например, военная помощь развивающимся странам. Упомянутый выше недостаточно чёткий или слишком общий приказ «построить канал», «предотвратить войну», был причиной того, что результаты действия специалиста во многих случаях зависели от его собственной интерпретации интересов государства и своих задач. Ответственность заставляла акторов-профессионалов в иных случаях защищать интересы государства от него самого, выходя за рамки профессиональной автономии. Например, военный дипломат, заключающий контракты на поставку вооружения, готов доказывать своему

Свобода, к которой стремится профессионал, ограничена, во-первых, знаниями и опытом, во-вторых – другими ценностями (принципами и целями), главной из которых является ответственность.

руководству ошибочность его торговой стратегии, главный архитектор города противостоял застройке его исторической части ценою собственного здоровья и т. п.

Принцип, обеспечивающий реализацию ответственности и профессиональной свободы, можно обозначить как **активную позицию** (гражданскую и профессиональную), он предполагает обязательность защиты того, за что отвечаешь. Лозунг современных гражданских активистов «если не я, то кто» возник в Советском Союзе, им руководствовались не одно поколение актеров-профессионалов. Более того, данный принцип содержит признание неизбежности внешнего давления и необходимость сопротивления: *«Профессиональная свобода врача зависит от его личностных особенностей. Есть люди, которым просто не дано смелости. Нас давили во все времена, нужно уметь этому сопротивляться».*

Особенностью, объединяющей все перечисленные ценности, является их обязательное осмысление. Рефлексия становится обязательным элементом системы ценностей российского профессионала, более того, она распространяется и на нормы. Норма в русской профессиональной культуре должна быть разъяснена, понята, осмыслена или воспринята на эмоциональном уровне.

Трансформации ценности в норму в советской модели индустриализма, таким образом, не происходит, равно как не случается и обратной замены нормы ценностью, внешним ограничителям отводится обязательное, но строго определенное место.

Роль образования в воспроизводстве актора: традиции и тенденции

Очевидно, что процесс формирования актора-профессионала сложен, складывается из множества составляющих, включая исторически сложившиеся механизмы социализации, государственную идеологию, культуру местных сообществ. Очевидно также, что он имеет достаточно глубокие исторические корни. Непосредственными предшественниками советских профессионалов, инициаторами создания именно акторской версии советского управления были профессионалы 1920-х гг., получившие высшее образование в университетах Российской империи и Западной Европы, ориентированные не просто на служение обществу, но на служение народу [см.: 15]. Именно в их среде формировались ценности профессионального братства, которое не равно западной корпоративности, так как обусловлено не только и не столько цеховыми интересами, но интересами общего дела, часто – необходимостью профессионального, а в некоторых случаях и физического выживания.

Принцип, обеспечивающий реализацию ответственности и профессиональной свободы, можно обозначить как активную позицию (гражданскую и профессиональную), он предполагает обязательность защиты того, за что отвечаешь.

С началом индустриализации в элитарные группы профессионалов, пополнявшиеся ранее выходцами из обеспеченных и образованных социальных страт, хлынула молодёжь из социальных низов, что должно было существенно, если не радикально изменить систему профессиональных ценностей. Однако произошло скорее радикальное расширение круга носителей профессиональных ценностей, которые затем постоянно воспроизводились, несмотря на отдельные попытки власти создать функциональную систему управления, которая отвечала бы не только политическим интересам, но и соответствовала наиболее современным для того времени моделям управления¹.

Действующий субъект оставался необходимым элементом государственного управления, следовательно, был востребован последним. В результате сформировалась уникальная система государственного образования, игравшая одну из ключевых ролей в воспроизводстве ценностей актора-профессионала. Помимо широкого спектра знаний, она включала в себя и этическую составляющую. Русская литература, изучавшаяся в школах в больших объёмах, содержала практически все перечисленные в данной статье ценности. Высшее образование было ориентировано на предоставление фундаментальных знаний, которые позволят выпускнику обучаться самостоятельно. Один из респондентов сформулировал основной принцип обучения в медицинском институте следующим образом: *«Нам постоянно говорили: «Учите всё. Вы не можете знать, с чем вам придётся столкнуться»*. Инженер-энергетик описывает обучение в институте почти теми же словами: *«Наш декан Золотарёв говорил, что вы должны всё знать, даже как рыбу ловить... Нас научили учиться, мы могли сами, с книгами осваивать всё, что потребуется. Я понял, насколько это правильно, когда попал на строительство линий электропередач в тайге и оказался оторван от всех»* » [1, с. 138-139].

Как и все остальные сферы профессиональной деятельности, образование представляло собой сочетание централизма и децентрализации, единой программы и творчества актора-учителя. Именно по инициативе учителей была создана ангарская математическая школа №10, выпускники которой поступали и поступают в главные вузы страны, многие из них стали учёными мирового уровня.

В 1952 г. в Ангарске была открыта обычная школа, директором которой стал учитель из Усольского района Кирилл Мефодиевич Будник: *«Безмерно любящий школу, детей, увлечённый творческой педагогической работой (для*

¹ Этот процесс описан в исследовании работы статистического управления: *«Всевозможные обновления статистического аппарата ... проводились для того, чтобы создать чисто функциональную бюрократию, в рамках которой человек остаётся строго привязанным к своему месту. Но они наталкивались на сопротивление со стороны людей, которые образовывали коллектив внутри управленческого аппарата, обладающего своей собственной профессиональной спецификой»* » [3, с. 140].

него не было второстепенного в школе: всё было главным, во всём был ОН); строгий и справедливый, он сумел за первый год сплотить сотрудников в единый работоспособный творческий коллектив, сумел зажечь всех молодых и зрелых педагогов благородной целью – давать глубокие и прочные знания, воспитывать общественную активность учащихся и делать это неразрывно, т. е. обучая воспитывать, воспитывая обучать» [16].

В 1954 г. в школу пришёл учитель математики Игорь Дмитриевич Степанов, по его инициативе проводились городские и областные математические олимпиады при Иркутском госуниверситете. Его ученики стали первыми призёрами олимпиад ещё в 1956 г. В 1964 г. по предложению Игоря Дмитриевича в школе были открыты математические классы. Комсомольская организация школы обратилась с этим предложением в вышестоящие инстанции и получила согласие: «Классы открыли в 10-й школе, так как был очень сильный, творчески работающий коллектив, заложен прочный фундамент в борьбе за качество знаний, на основе чего можно было идти дальше, подниматься выше» [16].

После распада Советского Союза отношение актора-учителя к работе как к делу жизни позволило сохранить школьное образование в условиях острого дефицита ресурсов и невыплат заработной платы. Само продолжение профессиональной деятельности в этот период можно расценивать как гражданскую активность. Многолетние исследования социальной самоорганизации, проводившиеся сотрудниками нашего сектора¹ в российских регионах, позволяют утверждать, что практически в каждом районе есть школы, в которых деятельность учителей выходит далеко за рамки их непосредственных обязанностей и имеющихся в их распоряжении ресурсов. Учительница из затерянной в лесах деревни Новгородской области в 1990-е гг. создала экологический кружок, его участники занимали первые места на различных конкурсах, при этом заработную плату она не получала в течение двух лет. В некоторых школах удалённых посёлков учителя и ученики издают газеты, которые популярны среди местных жителей, создают телестудии, собирают фольклор, организуют археологические экспедиции, краеведческие и исторические музеи.

Директор поселковой школы в Томской области сохраняет в школьной программе дисциплины, вычеркнутые из неё решением федерального министерства, и организует бесплатные занятия по углублённому изучению различных предметов, которые школьники должны выбирать самостоятельно.

¹ Имеется в виду Сектор изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН.

В российских регионах начали активно действовать самые «тихие» профессионалы – работники библиотек. Чтение в СССР было также одним из механизмов воспроизводства ценностей. Читали дети из всех социальных групп: *«Домашнего воспитания никто не знал, но книжки читали, и какие-то законы благородства исповедовали, например, «не выдавать», «делиться последним», «помогать бедным» и т. п.»* [1, с. 301]. Именно библиотечные работники помогали выбирать книги в том случае, если этого не могли делать родители, структурируя чтение практически всей страны.

После распада СССР библиотеки в российских городах и посёлках стали играть роль центров местной культурной жизни. Так, в Брянской области активно работала региональная библиотечная сеть: центральная библиотека продолжала обеспечивать литературой свои отделения в городах и посёлках области даже в самые кризисные времена, в библиотеках районов организовывались встречи с местными поэтами и писателями, выставки книг и работ местных художников.

В последние годы работники библиотек обеспокоены тем, что дети и молодёжь перестают читать, меняется структура чтения, исчезает так называемая «золотая полка» – список классической литературы, любимой и читаемой всеми детьми в советские годы. Они активны в поисках путей предотвращения катастрофических, по их мнению, изменений. Они участвуют в семинарах и конференциях в поисках возможной поддержки, готовы создавать собственные неправительственные организации, обращаться к власти и к бизнесу и т. п.

Активизм профессионалов, вне зависимости от их политической и идеологической позиции, направлен на защиту российской модели профессионально-управленческой сферы. Современная модернизация представляет собой очередную попытку приведения российской традиционной системы управления в соответствие с западными образцами. Реформа образования разрушает главный механизм воспроизводства российского актора. Поэтому усилия не только учителей и преподавателей, но и других специалистов, концентрируются на его защите. Так, например, инженер, продолжающий работать в свои 80 лет, начал писать учебник о том, как строить дом, после того как понял, что молодёжь, работающая в строительной фирме, прекрасно владеет компьютерными программами, но не понимает, какие физические процессы происходят в конструкции. Он задумывает проект книги, которая должна компенсировать недостатки современного образования. По его мнению, незнание законов физики инженерами опасно. Отметим, что на Западе инженерное дело уже стало парaprofессией, основанной на стандартах и программах и не требующей фундаментальных знаний.

Заключение

Напомним, что противоречие между агентом и актором разрешается в технологическом обществе постмодерна посредством формирования сложной и гибкой технологической системы, которая сама становится субъектом действия и рефлексии. Узкоспециализированный агент теряет контроль над своей деятельностью и вместе с ним субъектные свойства, превращаясь в элемент системы, равный, согласно теории акторских сетей, всем её прочим составляющим (предметам, программам и пр.).

В советской модели индустриального развития это противоречие снималось формированием системы управления, в которой основную роль играет актор, способный самостоятельно освоить необходимую технологию, решать задачи, для которых ещё не существует алгоритма решения, действовать в неизвестных и непредсказуемых обстоятельствах и изменять окружающую его реальность. Эта система построена на сочетании централизма с децентрализацией, её главным функциональным элементом являются автономные пространства, обеспечивающие профессионалу относительную свободу принятия решений. Уровень специализации в ней ниже, чем в технологической системе. Функции, которые выполняет советский (российский) субъект, в западной системе раздроблены между несколькими исполнителями.

Следует подчеркнуть, что данное устройство профессионально-управленческой сферы по определению противоречиво и конфликтно. Тенденция централизации делает неизбежными попытки ограничить свободу профессионала, а самостоятельность действующего субъекта и способность изменять реальность приводят к невыполнению приказов (или их собственной интерпретации) и стремлению выйти за рамки своего пространства. Необходимым качеством актора является способность противостоять постоянному давлению со стороны иерархической вертикали, что нередко интерпретируется как сопротивление системе.

Результат управления поэтому зависит от качеств актора, не имеющих чёткого определения, не поддающихся учёту и прогнозированию: опыта, таланта, силы воли, совести и т. п. Сама система, в которой всё перечисленное становится факторами управления, приобретает характеристики несистемной целостности, точнее соединяет системные и несистемные свойства так же, как централизм с децентрализацией.

Технология в данной системе вторична по отношению к науке. Основанное на научном знании фундаментальное образование даёт возможность профессионалу самостоятельно анализировать проблемы и уже на этом основании действовать,

осваивать различные технологии и в случае необходимости разрабатывать новые. Он не может быть равным материалам и оборудованию, которые для него по-прежнему остаются предметами и средствами труда, которые при необходимости можно заменить и изменить. Его профессиональная рефлексия не редуцируется к менеджерской оценке или компьютерной программе, как это происходит в системе технологической.

Разумеется, массовое производство активных личностей невозможно¹. Отметим, что акционистская концепция А. Турена такого и не предполагает. Соответственно, все советские профессионалы не могли быть и не были акторами. Однако для развития, промышленного и социального, их число оказалось достаточным. Кроме того, высокопрофессиональные, независимые и смелые специалисты для многих других были ориентирами, а собственная нерешительность в определённых ситуациях нашими респондентами переживается до сих пор.

Ценность в акторской системе не может быть вытеснена нормой, так как является одним из основных мотивов действий субъекта. Баланс между стандартом и творчеством, правилом и свободой действия рассматривается как одна из наиболее сложных проблем, но сохранение свободы является необходимым условием её решения. Свобода действий связана непосредственно со свободой мысли.

Колонизация жизненного пространства системой и технологией в СССР – лишь видимость. Слияние профессионального мира с миром идентичности в России – феномен культурный, основанный на приоритете науки над технологией, ценности над нормой, свободной рефлексии над программой и инструкцией. Профессиональные и общечеловеческие ценности в нём неразделимы, а действия профессионала-актера имеют социальную и гражданскую составляющую, отчасти компенсируя отсутствие гражданского общества западного типа.

Неоднократные попытки перехода к технологической системе успехом не увенчались. Во-первых, они наталкивались на сопротивление профессионального сообщества. Нужно сказать, что большинство из них считали и считают себя сторонниками западной модернизации, но интерпретируют её в соответствии со своими ценностями и представлениями. Во-вторых, успешный переход к технологической системе требует стандартизированной среды, развитых коммуникаций и иных, отсутствующих в России условий. Причины возникновения и устойчивости в России иной версии модернизации и, соответственно, управления требуют дополнительного исследования. Не менее важным является вопрос о том, действительно ли необходим отказ от традиции профессионала-актера

¹ Актор может быть коллективным, но при условии наличия в коллективе активных индивидов.

Ценность в акторской системе не может быть вытеснена нормой, так как является одним из основных мотивов действий субъекта. Баланс между стандартом и творчеством, правилом и свободой действия рассматривается как одна из наиболее сложных проблем, но сохранение свободы является необходимым условием её решения. Свобода действий связана непосредственно со свободой мысли.

Неоднократные попытки перехода к технологической системе управления успехом не увенчались. Во-первых, они наталкивались на сопротивление профессионального сообщества (при этом большинство из них считали и считают себя сторонниками западной модернизации, но интерпретируют её в соответствии со своими ценностями и представлениями). Во-вторых, успешный переход к технологической системе требует стандартизированной среды, развитых коммуникаций и иных, отсутствующих в России условий.

в «старой» системе и переход к системе технологической. Дело не только в том, что роль и качества агента малопривлекательны для воспитанного в российской традиции профессионала. Как было показано, данная традиция формирует актора, способного действовать в условиях неопределённости и решать проблемы, связанные с непредсказуемым риском, который технологическая система увеличивает и с которым не справляется.

Библиографический список

1. Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ / отв. ред. Л. С. Лаленко. – М.: Астрель, 2011.
2. Weiner D. R. A Little Corner of Freedom Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. – Los Angeles, Oxford: University of California Press Berkeley, 1999.
3. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2006.
4. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
5. Игнатов В. Г. История государственного управления России. Учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
6. «Я точно помню: война продолжалась 52 минуты» // Коммерсантъ – Власть. 2000. №4 (355).
7. Бабаков С. Спецкомандировка генерала Тараненко // Газета «Зеркало недели». 1998. №40.
8. Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ / Отв. ред. Л. С. Лаленко. – М.: Астрель, 2011.
9. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03> (Дата посещения: 21.05.12).
10. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03/page__st__20 (Дата посещения: 21.05.12).
11. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03/page__st__40 (Дата посещения: 21.05.12).
12. Беляев И. А. Чернобыль – вахта смерти. – М.: ИздАТ, 2009.

13. Летопись дел Братскгэсстроя. – Иркутск: Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина, 2004.
14. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.
15. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: ИС РАН, 2007.
16. История школы. Как всё начиналось // Официальный сайт Школы № 10 г. Ангарска [Электронный ресурс]. URL: <http://school10.ru/history.html> (Дата посещения: 29.04.12).
17. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Политические процессы

Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: kirvik@bk.ru

Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика

Аннотация

С позиций современной политологии рассматривается развитие протестного движения в России в 2005-2011 гг. Автор обосновывает тезис о том, что при анализе протестного движения надлежит исходить не из численности участвующих в мероприятиях людей, а из частоты и распространённости акций, и показывает, что протестное движение в России было интенсивным и до массовых выступлений декабря 2011 г.

Ключевые слова: протест, массовые акции, гражданское общество, политические коммуникации, гражданское неповиновение

В последний год замечен явный интерес к российскому протестному движению. Этот интерес чётко прослеживается как в публичном дискурсе, так и в научных исследованиях. Несомненно, это вызвано бурными выступлениями граждан в декабре 2011 г. вскоре после выборов в Государственную Думу. У многих тогда возникло чувство внезапности этого протестного «взрыва», который, казалось бы, произошёл из ниоткуда. Явление неожиданного массового политического протеста уже получило название «феномена Болотной площади».

Хотя возникшее в декабре движение, принятое за «пробуждение гражданского общества», кажется совершенно внезапным и неожиданным, на самом деле это не так. Несмотря на появление ряда работ¹, в которых делались попытки политологического анализа современного российского протестного движения [см.: 1], целостную картину пока сформировать не удалось. На наш взгляд, ключевой ошибкой, допущенной политологами при исследовании российского протестного движения, является принятие за аксиому двух тезисов: о «пассивности» российского населения и о высоком протестном потенциале так называемого «креативного класса» в крупных городах. С нашей точки зрения, оба эти тезиса несостоятельны, что подтверждается эмпирическим материалом (это попыта-

¹ Например, работы С. В. Патрушева, К. М. Клемент, опубликованные в 2006-2011 гг.

емся показать ниже), и, опираясь на них как на аксиомы, невозможно дать удовлетворительный анализ протестного движения в РФ.

Один из главных принципов научного исследования заключается в том, что если в рамках наших теоретических построений не находится удовлетворительного объяснения какому-либо явлению, значит не явление «неправильно», но ошибочен теоретический концепт. Наша задача – понять, каковы же истоки «нового российского протеста», и затем уже попытаться сформулировать те общие принципы, которые позволят адекватно его интерпретировать и прогнозировать тенденции его дальнейшего развития.

Теоретические основания

Рассматривая вопрос о теоретических основаниях изучения российского протестного движения, нельзя пройти мимо проблемы политической методологии как таковой. Сегодня политическая наука, и прежде всего российская, оказалась в серьёзном кризисе, причины которого, на наш взгляд, заключаются в исчерпании исследовательских возможностей старой методологии [см.: 2]. По нашему мнению, на смену ей должна прийти новая, ставящая в центр изучения не борьбу элит за власть (т. е. возможность перераспределения ресурсов с помощью инструмента легального принуждения), а коммуникацию «политической» и «неполитической» сфер общества. Под первой предлагается понимать: государство в узком смысле (как совокупность законных институтов власти), а также политические партии, группы давления и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти, под второй – область частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы.

Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого – социума, но при этом их функционирование основано на абсолютно различных принципах. Политическая сфера, как это заметил ещё Аристотель, ориентирована на общее благо [3, с. 35], которое удивительным образом не только не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто, в корне от них отличное.

Неполитическая сфера¹ ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным обра-

¹ Термин «неполитическая сфера» представляется весьма ущербным, поскольку он апофатически отталкивается всё же от «политики» и «власти», но термин «гражданское общество» не подходит, поскольку обозначает конкретный социокультурный феномен, и исходит из понятия «гражданин», применимого далеко не ко всем типам обществ. Возможно, правильнее было бы использовать термин «жизненный мир» (der Lebenswelt), введённый Ю. Хабермасом.

зом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причём власть публичная. Для неполитической сферы ключевым понятием является интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения, ибо где нет подчинения, там нет власти, а где нет власти, там нет политики. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора.

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. А подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

А ведь речь здесь идёт об идеальной модели, в которой не учитываются ни индивидуальные пороки составляющих политическую систему личностей (которые в реальности часто пользуются властью для достижения личных благ, а не системной цели общего блага), ни возможность подмены переговоров насилием.

Из этого следует один вывод: трудности в коммуникации и взаимодействии политической и неполитической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Вместе с тем очевидно, что политическое и неполитическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой, и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Политическая сфера призвана регулировать деятельность неполитической, она даёт ей законы, суд, защиту от внешнего врага и от внутренних преступников. И ликвидировать государство не представляется возможным (все подобные попытки потерпели полный провал), более того, его значение в современном мире всё возрастает. А неполитическая сфера «кормит» политическую. Старинная метафора о голове и туловище вполне адекватно отражает суть их общения.

Коммуникация «политического» и «неполитического» на протяжении большей части истории цивилизации осуществлялась, как правило, в одностороннем порядке: «сверху вниз», от власти к обществу. Обратная связь была избирательной, в основном через посредство жалоб, обращений к властям [см.: 4, с. 69-78]. Никакая политическая система не может существовать без обратной связи с обществом. Никакой, даже самый закрытый режим не может устоять в социальном вакууме, вне всякой связи с населением. Но традиционная, «односторонняя» система предполагает, что «наверх» поступает только та информация, которая нужна в данный момент властному актору.

Трудности в коммуникации и взаимодействии политической и неполитической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Современная система сформировала ряд институтов, позволяющих осуществлять коммуникацию и «снизу вверх», причём, что важно, – не избирательно. В такой системе власть получает не только ту информацию, которая ей необходима, но и ту, которую граждане хотят до неё донести! Среди этих институтов можно назвать и традиционные обращения, и различные формы гражданского контроля и гражданской экспертизы: общественные советы, публичные слушания, специальные приёмные и многое иное. Однако наличие таких институтов, даже идеально функционирующих, создаёт другую трудность. Поскольку современное общество отнюдь не монолитно и содержит в себе множество различных социальных групп, притом различающихся по множеству признаков (социально-демографических, экономических, этнических, конфессиональных и субкультурных), поступающая от него в «политическую систему» информация оказывается подчас противоречивой, иногда взаимоисключающей. Возникает вопрос – какую информацию принимать и на какие требования отвечать? Такой вопрос встанет перед любой, самой «демократической» и «модерной» политической системой, и уйти от необходимости отвечать на него не удастся никак. В этом, на наш взгляд, и заключается основное противоречие современной политической реальности. Основным предметом политологии сегодня должно быть изучение коммуникации между политической системой и социумом, научный анализ её проблем и противоречий.

Если исходить из этой концепции, то протестное движение имеет две основных причины: либо существует противоречие между властью и обществом (или его частью), а действующие коммуникационные институты работают неэффективно; либо противоречие имеется в самом обществе, между его различными группами, а власти не в состоянии это противоречие разрешить.

Протестное движение, таким образом, можно рассматривать как форму гражданского участия, компенсирующую слабость коммуникационных институтов, и в этом смысле полезную для донесения до власти информации о проблемах граждан и для защиты поправленных прав. Как указывали американские политологи Д. Коэн и Э. Арато, «требования отдельных лиц по поводу соблюдения их основных прав останутся не услышанными, если они не будут поддержаны публичными дискуссиями, собраниями, и, во многих случаях, общественными движениями, практикующими гражданское неповиновение» [5, с. 506].

С другой стороны, протестное движение как выражение противоречий между различными группами общества может подчас быть крайне опасным, особенно если оно начинает принимать массовый характер и агрессивные формы. Недаром,

Протестное движение имеет две основных причины: либо существует противоречие между властью и обществом (или его частью), а действующие коммуникационные институты работают неэффективно; либо противоречие имеется в самом обществе, между его различными группами, а власти не в состоянии это противоречие разрешить.

несмотря на то, что равная для всех возможность участия является ключевой характеристикой демократии, Д. Сартори, Н. Луман, Р. Даль и многие другие теоретики полагали, что расширение участия превышает некоторую норму нежелательно, поскольку многие люди склонны к зависти, стремлению к отъёму чужой собственности и пр. Участие должно быть возможностью, де-юре доступной для всех, однако то, что многие ей не пользуются, есть не недостаток, но достоинство. Как отмечал Д. Гончаров, «политическая апатия значительной части избирателей, их отчуждённость от активного вовлечения в политический процесс может рассматриваться как определённая гарантия стабильной демократии» [6, с. 24]. Тем более это справедливо по отношению к протестному движению.

Таким образом, при анализе протестного движения надлежит исходить прежде всего не из численности участвующих в нём людей, но скорее из частоты и распространённости разного рода протестных акций. Частые протестные акции (вне зависимости от численности их участников) обозначают наличие в социальной системе определённых противоречий и показывают активных граждан, готовых так или иначе добиваться разрешения данных противоречий.

Наличие же большого количества участников может вызывать страх у властей, но далеко не всегда указывает на серьёзность проблемы, данной протестной акцией обозначаемой.

Ещё более важно обращать внимание на качественные характеристики протестов: социальный и партийный состав организаторов и участников, содержание требований и результаты акций.

Исходя из этих принципов, мы и попытаемся ниже на примере ряда протестных акций обозначить основные черты российского протестного движения и спрогнозировать возможные тенденции его дальнейшего развития.

Характеристика эмпирических данных

В октябре-ноябре 2011 г. (т. е. до массовых выступлений) нами было проанализировано около 200 сообщений о протестных выступлениях в регионах, размещённых на различных интернет-ресурсах или опубликованных в региональной прессе в 2005-2010 гг. Надо отметить, что репрезентативность этой выборки сомнительна, однако это единственное, что оказалось возможным использовать в качестве эмпирической базы. Специализированным мониторингом протестных движений в российских регионах, насколько мы можем судить, никто не занимался. А региональная печать или сайты общественных движений сообщают вовсе не обо всех протестных акциях, имевших место (это позволяет сделать предположение о том,

что в реальности протестных акций было больше и экстраполировать полученную нами информацию на всё протестное движение). Для того чтобы получить более полную картину, нужно проводить специальное исследование. Но, поскольку для принятого нами метода качественные характеристики имеют большее значение, чем количественные, даже собранных нами данных достаточно, чтобы сделать некоторые значимые для политологического анализа наблюдения.

Анализируя протестные выступления 2005-2007 гг. (т. е. до кризиса 2008 г.), мы опирались прежде всего на материал Д. Верхотурова [см.: 7], поскольку использованный им массив данных был собран тем же способом (мониторинг интернет-сайтов). Хотя Д. Верхотуров в своём анализе использовал обзор только за 2 месяца 2007 г. сделанные им наблюдения удивительно совпадали с нашими. Это подтверждает предположение, что, несмотря на скудость эмпирической базы и явную недостаточность сведений, публикуемых в открытых источниках, данные о протестной активности в течение приблизительно двух-трёх месяцев вполне можно экстраполировать на более длительные временные отрезки.

Протестные выступления 2008-2011 гг. анализировались на основании данных, собранных автором самостоятельно на сайтах общественных движений, политических партий, региональных СМИ и т. п. (всего около 40 сайтов).

Протестные акции россиян в 2005-2007 гг.

Первое, на что следует обратить внимание, это несоответствие реальности расхожего мифа об отсутствии протестов с 2005 г. (когда имели место массовые выступления против монетизации льгот) и до кризисного 2008 г. Полученные нами данные (хоть и на весьма ограниченном материале) его полностью опровергают. Так, Д. Верхотуров обнаружил только за сентябрь и октябрь 2007 (по мнению большинства, спокойного) года, упоминания в интернете о 160 протестных акциях, что полностью совпадает и с нашими наблюдениями. За весь 2007 г. по нашим данным, имело место не менее 1000 акций¹ (хотя для внимательного изучения мы выбрали только 30).

Вопреки расхожему мнению, именно после 2005 г. когда движение против монетизации льгот, во многом стихийное, сошло на нет, и начало оформляться относительно институционализованное протестное движение. Оформились общероссийские протестные движения: за права дольщиков в строительстве жилья, против строительства нефтепровода вдоль Байкала,

¹ Подчеркнём – это акции, только упомянутые в обнаруженных нами открытых источниках.

против запрета «праворульных» автомобилей, против разрушения исторических построек в городах и т. п. Некоторые из них приобрели и определённую институциональную организацию (например, движение автомобилистов), но большинство сохранило раздробленный характер. Это заключалось в том, что протестные движения, выдвигавшие схожие требования, как правило, не имели единого лидера и не координировались из единого центра. Пожалуй, только автомобилистам и защитникам Байкала удавалось договориться о координации проведения акций в различных регионах и их сопровождении протестными действиями другого рода (публикации в интернете и СМИ, коллективные и массовые индивидуальные обращения¹ в органы власти, судебные иски и т. п.). Но и в этом случае, судя по всему, можно говорить о возникновении постфактум неких договорённостей между региональными лидерами общественных движений: т. е. сначала были движения в регионах, а уже потом они договорились о совместных действиях на федеральном уровне.

В большинстве случаев акции были разовые и проводились в основном по выходным (хотя, по нашим наблюдениям, в летние месяцы, напротив, рабочие дни были более популярны – видимо потому, что летом по выходным граждане покидали города, и главная цель акции – привлечь внимание к проблеме – не достигалась).

Однако названные нами выше «оформленные» движения могли организовывать долгосрочные протестные кампании – с сериями уличных акций, сопровождавшихся публикациями в СМИ, потоками обращений граждан и т. п. Именно с 2006-2007 гг. вернулась такая форма долгосрочной протестной акции, как установка палаточных городков, применявшаяся в 1990-х.

Наиболее масштабными и хорошо организованными были акции в защиту окружающей среды (под которой мы имеем в виду не только природную, но и городскую среду). По подсчётам Д. Верхотурова, к ним относилось свыше 25% рассмотренных им акций. Примерно такой же оставалась их доля и в среднем в изучаемом нами периоде, что лишний раз подтверждает относительную репрезентативность базы, которой пользовался Д. Верхотуров.

¹ Коллективное обращение – письменное обращение в органы власти (как правило, на имя главы государства или одного из высших должностных лиц), подписанное одновременно несколькими гражданами (иногда очень большим числом); массовое индивидуальное обращение – поток однотипных обращений (с одинаковой направленностью, иногда и с дословным совпадением), направляемых гражданами только от своего имени. Вследствие особенностей делопроизводства в России, массовые обращения более эффективны, т. к. гораздо чаще отражаются в итоговых аналитических сводках («обобщённых обращениях»), которые докладывают высшему руководству [см.: 4, с. 105, 133 и далее].

Если рассматривать требования, выдвигавшиеся участниками акций, то можно видеть следующее. Требования закрытия экологически вредных производств были весьма редки. Почти все акции были направлены либо против строительства новых объектов, могущих повредить природной среде, либо против сноса построек, представлявших собой, по мнению протестующих, важный элемент городского ландшафта.

Так, например, помимо общенационального движения против строительства нефтепровода в опасной близости от Байкала, имел место ряд менее заметных акций в Ярославской, Костромской, Челябинской, Нижегородской, Волгоградской областях (против строительства экологически опасных объектов). В них участвовало в среднем около 500 чел.

Как отметил Д. Верхотуров, «...в этих акциях протеста наблюдается высокая доля долговременных и организованных протестных кампаний, когда граждане добиваются отмены решений. Упорство и длительность подобных протестов объясняется также и тем, что основную массу протестующих составляют люди с высоким уровнем образования, с хорошим доходом, что позволяет выделить время и силы для реализации протестных настроений в конкретные акции» [7].

Следующими по частоте были выступления в защиту обманутых дольщиков в жилищном строительстве или очередников на получение жилплощади. То есть это протест против прямых нарушений права граждан на жильё, закреплённого ст. 40 Конституции РФ. Хотя в одном случае виновниками нарушения выступали частные компании (сбравшие с граждан деньги и не предоставившие обещанного жилья), в другом – местные власти, нарушающие обязательства по предоставлению жилплощади социально незащищённым гражданам, адресатом протестов оставались власти. В первом случае выдвигались требования наказать мошенников и добиться от них выполнения обязательств по предоставлению квартир, во втором – предоставления квартир требовали уже непосредственно от властей. При этом дольщики и очередники почти никогда не выступали единым фронтом. Обманутые дольщики, как оказалось, продемонстрировали большую правовую грамотность, т. к. сначала обращались в суды, органы прокуратуры, а первые свои акции проводили именно возле прокуратур или региональных УВД, поскольку требовали от властей не предоставить жильё как таковое, а заставить девелоперов выполнить свои обязательства. Однако неспособность властей решить возникшую проблему, постоянные отписки, отговорки и систематическое неисполнение судебных решений (почти в 100% случаев суды удовлетворяли иски дольщиков к девелоперам, но результата это не принесло) всё в большей степени радикализировали движение дольщиков, толкая их на более громкие акции. Так, дольщики разбивали палаточные городки

в Москве и Санкт-Петербурге (2006 и 2007 гг.); занимали недостроенные здания в Казани, Екатеринбурге, Волгограде, Краснодаре; проводили шествия (причём даже в тех случаях, когда они не были согласованы, на их силовой разгон власти не решались). Именно дольщики первыми из всех протестных движений занялись переговорами о совместных действиях, что в конечном счёте привело к образованию общероссийского общественного движения «Комитет пострадавших дольщиков: ЖЗЛ». Судя по всему, это первый в рассматриваемый нами период опыт перерождения стихийных и каузальных протестов на местах в общероссийское гражданское движение. Однако, как мы можем заметить, само это движение не утратило характера каузальности – оно требовало только одного: решения проблемы дольщиков, чтобы девелоперы-мошенники были наказаны, а люди получили оплаченные ими квартиры. Сила и мощь этого движения растут по мере того, как увеличивается количество обманутых дольщиков, но если властям удастся разрешить проблему, движение сходит на нет само собой. Так, в тех регионах, где дольщикам предоставили жильё (хотя бы временное), протестные акции быстро затихли.

Третий комплекс проблем, вызывающих протесты граждан, – трудовые конфликты. На них приходилось до 13% протестных выступлений. Как правило, они связаны с невыплатой заработной платы или малым размером оной. Однако такого рода протесты выражаются в забастовках, которые публичными акциями не сопровождаются и не выходят за ворота предприятий. Было отмечено только несколько случаев, когда помимо забастовок рабочие устраивали публичные акции: митинги и шествия. Причём наиболее масштабными были выступления, не связанные непосредственно с трудовыми спорами, а вызванные сменой собственника предприятия. Так, Д. Верхотуров указывает на движение рабочих ОАО «Тольяттиазот» против рейдерского захвата предприятия (когда они провели несколько крупных акций протеста против незаконной смены собственника) как на пример такого рода протеста [см.: 7].

Понятие «бытовые протесты» охватывает довольно широкий спектр проблем. Д. Верхотуров включает в них протесты против повышения цен на продовольствие, против реформы городского транспорта в ряде городов России (Казань, Красноярск, Петербург), низкого качества коммунальных услуг, самоуправления административных органов и т. п. Несмотря на то, что эти проблемы часто вызываются разными факторами и затрагивают различные категории граждан, у протестов такого рода есть важная общая черта. Насколько мы можем судить по изученным данным, такие протесты были абсолютно стихийными, то есть за ними вообще не стояла какая-либо институционализованная структура. Если институ-

ционально оформленное общественное движение и возникало, то только по итогам протестной акции (митинга, пикета) как результат договоренности её участников.

Важно отметить, что почти во всех рассмотренных нами случаях политические требования в ходе протестных акций звучали крайне редко, а участники демонстрировали готовность к диалогу с властью, требуя прежде всего переговоров с должностными лицами. В тех случаях, когда кто-нибудь из руководителей (губернатор, мэр, региональный прокурор) сам выходил на улицу и вступал в общение с протестующими, акция почти всегда довольно быстро сворачивалась.

Однако чаще власти предпочитали акции либо не замечать, либо создавать препятствия в их проведении. Самый популярный приём, используемый почти в 2/3 случаев, – организация на том же месте альтернативной про-властной акции – либо митинга «Единой России», либо просто массового гуляния – концерта, ярмарки и т. п.

Что касается собственно политических протестов, то они были крайне редки. Из 160 акций, рассмотренных Д. Верхотуровым, только 7 имели узко политическую направленность, причём все они были связаны с проведением выборов в региональный парламент. В конце 2007 г. количество политических акций увеличилось, так как прошли выборы в Госдуму и начались митинги и пикеты против нарушений на выборах. В течение декабря месяца их состоялось не менее пятидесяти в различных регионах страны, и большая их часть была организована КПРФ либо прошла при её участии. Примерно в это же время оформилось сотрудничество оппозиционных партий – прежде всего КПРФ, а затем и «Справедливой России» с каузальными протестными движениями. Так, в декабре 2007 г. на митинге в Черкесске наряду с требованиями пересмотра итогов голосования звучали протесты против задержки заработной платы работникам местных предприятий, неудовлетворительного качества услуг ЖКХ. В Горно-Алтайске на аналогичном «политическом» митинге КПРФ были замечены транспаранты «Нет – разрушению памятников Алтая», «Защитим родную природу» и т. п. [см.: 8] (то есть лозунги экологических движений, активно выступавших против строительства в заповедных землях Горного Алтая). Подобное сочетание политических (электоральных) и каузальных лозунгов имело место и ещё на целом ряде митингов КПРФ в декабре 2007 г. Часто эти требования отражались и в резолюциях митингов. Как распределены протестные акции по целям (требованиям), показано ниже на рис. 1.

Рис. 1. Классификация протестных акций 2007 г. по содержанию (приблизительный расчёт, %)

Протестные акции россиян в 2008-октябре 2011 гг.

Как это ни покажется удивительным, но кризис 2008 г., по нашим наблюдениям, не оказал существенного влияния на динамику протестной активности. Все тенденции, выявленные ранее, сохранились. Движение обманутых дольщиков в ряде регионов, где с проблемой так или иначе смогли справиться, сошло на нет, но где вопрос с предоставлением жилья так и не был решён, оно набрало большую силу и стало выходить уже на федеральный уровень, предъявляя требования к Правительству РФ.

Несколько участились случаи трудовых протестов, причём значительно чаще они стали «выноситься» за пределы предприятий. Это вполне объяснимо, поскольку кризис 2008 г. сильно ударил по многим предприятиям, которые начали сокращать кадры или снижать заработную плату, что в свою очередь вызывало протесты.

Существенной новацией 2008-2011 гг. стало оформление протестного движения предпринимателей. Как и движение дольщиков, оно началось со стихийных выступлений в регионах, к которым уже позднее подключились федеральные пред-

принимательские организации (например, «Опора»). Требования предпринимателей в основном сводились к снижению налоговой нагрузки и (в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Краснодаре) уменьшению ставок аренды городских помещений. Позднее стали звучать требования упрощения подключения к электро- и водоснабжению, пресечения государством рейдерства, защиты авторских прав и т. п. Характерно, что предпринимательские выступления с самого начала были лишены политического подтекста, и, в отличие от других протестных движений, их лидеры не шли на контакт с оппозиционными политическими партиями. Впрочем, последнее можно объяснить тем, что КПРФ и СР позиционируют себя как защитники трудящихся и противники «капиталистов», а непарламентские партии предприниматели не рассматривали как серьёзного союзника. Движение предпринимателей (хотя инициатива в нём, как и в иных протестных движениях, исходила снизу) довольно быстро оказалось в значительной части под контролем «Опоры» [см.: 9]. Впрочем, этому движению удалось добиться определённых уступок от властей: были снижены некоторые налоги, введена должность уполномоченного по правам предпринимателей (которым, кстати, стал лидер «Опоры»), учреждён День предпринимателя. Последняя мера носила, конечно, декоративный характер, но привела она к тому, что у предпринимательского движения появился официальный «день гнева». Так, первый же День предпринимателя в 2011 г. ознаменовался серией митингов и шествий в нескольких десятках российских городов (при этом с властями были согласованы митинги в 11 городах, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Красноярск, Нижний Новгород). В других городах они проходили без согласования (однако данных об их пресечении нет, вероятно, разгонять предпринимателей в День предпринимателя никто не решился), а в ряде случаев проводились инновационные протестные акции вроде массового закрытия продовольственных магазинов 26 мая 2011 г. в нескольких городах (например, в Иркутской обл.) [см.: 9].

В этот период окончательно оформилось и укрепилось движение автомобилистов, которому удалось организовать ряд масштабных акций, отражавших специфику движения – автопробегов, массовых заездов и т. п. Иногда эти акции носили узко каузальный характер (например, выступления в защиту В. Щербинского – водителя, обвинённого в гибели губернатора Алтайского края М. Евдокимова), но в рассматриваемый период они стали проходить и с более общими требованиями: внесения изменений в законодательство, строительства дорог, снижения цен на топливо. Причём надо отметить, что в ряде случаев протестующим удалось добиться компромисса с властями (пожалуй, по этому показателю движение автомобилистов впереди прочих).

Вообще автомобилисты продемонстрировали высокую солидарность. Так, движение «Синие ведёрки», выступающее против чрезмерного количества используемых чиновниками автомобилей со спецсигналами, будучи актуальным только в Москве (здесь сосредоточено свыше 60% всех «мигалок» страны), было активно поддержано автомобилистами по всей стране. Несколько раз акции синхронно проходили в десяти и более городах РФ, хотя в каждой принимало участие не более ста человек.

В остальном рассматриваемый период можно охарактеризовать как период институционализации и укрепления протестного движения. При этом все тенденции, наметившиеся в предыдущий период, получили развитие.

Так, стало укрепляться взаимодействие протестных движений и политических партий. Политические партии на местах, прежде всего КПРФ, но так же и СР, а в ряде случаев – СПС и Яблоко (а иногда и все они вместе) принимали участие в протестных акциях граждан, носивших каузальный характер. Среди рассмотренных нами акций более чем в половине принимала участие КПРФ, хотя первоначальными инициаторами их были неполитические движения и просто инициативные граждане. При этом, как правило, представители партий не пытались выдвигать каких-либо политических требований, а просто выражали поддержку требованиям протестующих и демонстрировали партийную символику.

По-прежнему большинство движений носило каузальный характер, то есть они выдвигали конкретные требования и в случае их удовлетворения или достижения компромисса протесты прекращались. Например, что-то подобное произошло в 2010 г. с транспортным налогом и повышением цен на проезд в пригородных поездах. Так, «...повышение транспортного налога или цены билета на электричку мотивировалось необходимостью компенсировать затраты или заткнуть бюджетную дыру. Однако, видя протесты населения, государство моментально отказалось от повышения налогов и цен, быстро найдя другие источники доходов» [10]. По нашим наблюдениям, именно в это время имел место целый ряд митингов, пикетов и сугубо стихийных акций возле вокзалов с требованиями снижения цен на проезд. Однако в тех случаях, когда цены были снижены (пусть и не до первоначального уровня), протесты относительно быстро затухали.

Но движения более широкого проблемного охвата (экологическое, автомобильное, жилищное) продолжали набирать силу. Участие в их акциях политических партий придало им политическую окраску и вместе с тем вынудило власти относиться к ним с большим вниманием. Особенно большой резонанс получили массовые выступления граждан в Калининградской обл., приведшие в конечном счёте

2008-2011 гг. можно охарактеризовать как период институционализации и укрепления протестного движения. При этом все тенденции, наметившиеся в предыдущий период, получили развитие.

к отставке губернатора. Хотя первоначальным импульсом для них был опять-таки каузальный протест против отмены режима особой экономической зоны и закрытия рынков в Мамоново, Советске и Гвардейске, на которых жители области могли покупать качественную и недорогую продукцию.

Но, как мы можем судить по имеющимся данным, в большинстве случаев власти всё-таки уклонялись от диалога с протестующими. Как и в предшествующий период, силовой разгон применялся крайне редко (и в основном к «Маршам несогласных» в Москве и Санкт-Петербурге, имевших ярко выраженный политический характер). Региональные власти применяли опробованные ранее методы воспрепятствования проведению акций: место проведения под благовидным предлогом блокировалось, а полиция задерживала основных лидеров движений ещё на подходе. На основании изложенного можно сделать вывод, что готовность властей к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Сами протесты продолжали вплоть до осени 2011 г. оставаться немногочисленными по количеству участников, но регулярными и весьма частыми. Это показывает, что ядро социально активных недовольных граждан вполне оформилось, но оно готово к диалогу с властями. Политизация и маргинализация каузальных протестных движений возможна прежде всего там, где власти уклоняются от диалога с недовольными, стремясь «замолчать» протесты или предотвратить их с помощью разного рода организационных ухищрений.

Основные выводы

Проведённое нами обзорное рассмотрение протестных акций 2006-2011 гг. основывалось, конечно, на достаточно скудной эмпирической базе, так как в открытых источниках содержатся упоминания далеко не обо всех протестных акциях, а имеющиеся упоминания в большинстве случаев крайне неполны (есть сообщение только о факте, но никаких данных ни о численности участников, ни об организаторах, ни об итогах акций). Однако соотнесение сделанных нами наблюдений с наблюдениями других исследователей (прежде всего Д. Верхотурова) позволило предположить, что экстраполяция полученных сведений по одним регионам и временным периодам на другие вполне допустима. И, таким образом, можно предложить некоторые выводы.

Можно утверждать, что тезис о «внезапном» возникновении протестного движения ошибочен. Не только до 2011 г. но и до кризисного 2008 г. протестные выступления имели место. Более того, частота их на протяжении изученного периода существенно не менялась.

Готовность властей к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Сообщения о протестных акциях гораздо чаще поступали из регионов, чем из Москвы или Санкт-Петербурга (что опровергает гипотезу о повышенном протестном потенциале крупных городов).

Число участников протестных акций, как правило, было невелико – от 50 до 1000 чел. Но это никак не влияло на их частоту. Отсюда напрашивается вывод: протестовали немногие, но наиболее активные граждане.

Требования, выдвигаемые участниками акций, носили в основном не политический характер, а имели форму **конкретных претензий** к властям. Сами претензии можно разделить на два вида: либо это протест против каких-либо действий (например, приносящих вред окружающей среде – тогда главными организаторами протестных акций выступали структуры экологического движения), либо требования к органам власти о надлежащем исполнении их же собственных функций (например, социального обеспечения, строительства дорог, благоустройства городской среды и т. п.).

Протестные движения в большинстве случаев носили каузальный характер, то есть были привязаны к конкретной проблеме. Если проблему властям удавалось решить (как, например, в случае со строительством Северобайкальского участка транссибирского нефтепровода), то движение само собой сходило на нет. Однако там, где проблема не решалась, движение почти всегда сохранялось, невзирая на противодействие властей. С течением времени могла сокращаться численность участников, но отнюдь не активность. Наиболее социально активное ядро сохранялось и продолжало проводить протестные акции достаточно регулярно.

Что касается социального состава этого активного ядра, то это прежде всего образованные граждане с достаточно высоким доходом и при этом обладающие некоторым запасом свободного времени. Причём, в отличие от столичного «креативного класса», они заняты в сферах гораздо более близких к реальному сектору и потребителю (малый бизнес: торговля, бытовые услуги; образование; инженерная деятельность).

Выявлена специфическая роль «системных» политических партий: в большинстве случаев, не будучи инициаторами протестных акций (такowymi были общественные организации или просто инициативные граждане), они позднее присоединялись к ним, поддерживали их, придавая им, таким образом, политический характер. Так, почти половина (96) проанализированных нами выступлений была поддержана КПРФ, некоторые – Справедливой Россией, а иногда – даже несколькими оппозиционными партиями сразу, несмотря на все идеологические разногласия: в ряде акций одновременно участвовали представители КПРФ, СР и Яблока, при этом активно демонстрируя партийную символику. Вывод из этого напрашивается

Требования, выдвигаемые участниками акций, носили в основном не политический характер, а имели форму конкретных претензий к властям. Эти претензии можно разделить на два вида: протест против каких-либо действий (например, приносящих вред окружающей среде), либо требования к органам власти о надлежащем исполнении их же собственных функций (например, социального обеспечения, строительства дорог, благоустройства городской среды и т. п.).

следующий – политические партии в регионах вовсе не являются «карманной» оппозицией. Вероятно, используя протестный потенциал в целях привлечения к себе внимания, они всё более втягивались в протестное движение и становились одним из коммуникационных каналов, позволяющих недовольным гражданам легальным путём доносить свои требования до властей. Это особенно заметно в тех местах, где оппозиционные партии имели фракцию в региональном парламенте. В таких регионах имели место случаи, когда депутаты местных законодательных собраний, принимая участие в протестных акциях, даже предотвращали их силовой разгон. А позднее добивались официального рассмотрения депутатами требований протестующих, оформленных в виде резолюции митинга.

Отношение властей к протестным акциям также различно. Были выявлены случаи жёсткого противодействия (прямой разгон митинга, пикета – крайне редкое явление). В основном оно выражалось в создании препятствий в проведении акции (отказ в согласовании, спешная организация в том же месте митинга Единой России, ярмарки или дорожно-ремонтных работ). В некоторых случаях власти в лице мэра (губернатора) шли на диалог с протестующими, но это имело место скорее там, где существовал конфликт региональной власти с мэром столицы региона. Вероятно, одна из конфликтующих сторон стремилась использовать потенциал протеста против другой. Были и случаи игнорирования протестов, то есть их как бы не замечали. Однако чаще всего власти относились к протестным акциям довольно серьёзно, несмотря на их малочисленность. Систематическое замалчивание их скорее вызвано не равнодушием, а опасением нарушить картину социального благополучия в регионах. Региональные власти лучше политологов поняли: *200 активно недовольных куда опаснее для социальной стабильности, чем 200 тысяч пассивно довольных.*

Всё вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что «пробуждение гражданского общества», о котором столько говорят в последние месяцы, началось значительно раньше декабря 2011 г. Участвовали в этом «пробуждении» не многие, но зато весьма активные граждане. К тому же, в отличие от столичных «недовольных», ограничивающихся общими лозунгами, участники протестных акций в регионах почти всегда выдвигали конкретные требования и демонстрировали готовность к диалогу с властью.

Представляется, что главной причиной нарастания протестного потенциала стали вовсе не «нечестные выборы» (которые с формальной точки зрения были, по словам Д. Медведева, «самыми честными за всю историю»). На наш взгляд, главная проблема была в том, что легальные институты коммуникации государства и общества (политические партии, обще-

Выявлена специфическая роль «системных» политических партий: в большинстве случаев, не будучи инициаторами протестных акций (такими были общественные организации или просто инициативные граждане), они позднее присоединялись к ним, поддерживали их, придавая им, таким образом, политический характер.

Региональные власти лучше политологов поняли: 200 активно недовольных куда опаснее для социальной стабильности, чем 200 тысяч пассивно довольных.

ственные экспертизы, обращения граждан и т. п.) на протяжении 2000-х гг. работали неудовлетворительно. Наиболее активные граждане стремились донести свои требования до властей, вынудить их к диалогу (а вовсе не к капитуляции) с помощью протестных акций. Однако власти, игнорируя их или создавая препятствия в их проведении, сами уклонялись от диалога, вынуждая активистов включаться в более активную борьбу, носящую уже политический характер. Кстати, пример такого перерождения «конкретного» протеста в чисто политический мы видим на примере «Движения в защиту Химкинского леса».

Рискнём даже сделать предположение, что в тех регионах, где общественные палаты являются не фикцией, а реально действующими коммуникационными институтами (переговорными площадками), протестные акции происходят реже и не маргинализируются.

Говоря о дальнейших тенденциях развития протестного движения, можно предположить следующее: столичный «протест ради протеста» скорее всего пойдёт на убыль, что мы уже видим на примере осенних «Маршей миллионов». А зародившийся гораздо раньше «протест требований», напротив, будет становиться активнее. К чему это приведёт – зависит и от властей, и от оппозиции. Если власть будет по-прежнему игнорировать или пытаться подавить это движение, препятствовать протестным акциям, в том числе с использованием новейших поправок в административный кодекс, это приведёт к тому, что граждане чаще станут прибегать к помощи оппозиционных политических сил. Следовательно, протест в регионах политизируется в большей степени. Однако, если оппозиция не покажет способности служить коммуникационным каналом, с помощью которого можно решить конкретные проблемы, она также лишится опоры. Тогда протестное движение активных граждан маргинализируется. К каким последствиям это может привести, остаётся только догадываться, но это явно не пойдёт на пользу стране, так как разрушение и без того слабо работающих коммуникационных каналов окончательно уничтожит остатки доверия к государству.

Библиографический список

1. Клемент К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата, 2010.
2. Подъячев К. В. Политическая методология в контексте формирования «умной политики»: к вопросу о теоретических основах изучения взаимодействия общества и власти

Представляется, что главной причиной нарастания протестного потенциала стали вовсе не «нечестные выборы». Главная проблема была в том, что легальные институты коммуникации государства и общества (политические партии, общественные экспертизы, обращения граждан и т. п.) в 2000-е гг. работали неудовлетворительно.

- в РФ [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии (электрон. научн. журн.). 2010. № 1. URL: <http://www.vestnik.isras.ru>.
3. Аристотель. Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997.
 4. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога. – Saarbrucken, L. A. P. 2011. С. 69-78.
 5. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. С. 506.
 6. Гончаров Д. В. Теория политического участия. – М.: Юристъ, 1997. С. 24-25.
 7. Верхотуров Д. Социальный протест в современной России [Электронный ресурс] // Золотой лев. 2007. № 131-132. Электронная версия. URL: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm.
 8. Официальный сайт ЦК КПРФ. Архив. URL: http://www.kprf-org.ru/archiv/vestnik77/vestnik77_2.html.
 9. Бизнес против [Электронный ресурс] // Equipnet.ru – портал об оборудовании. URL: http://www.equipnet.ru/articles/other/other_810.html?template=82.
 10. Радько О. Протесты граждан России провоцируют чиновники [Электронный ресурс] // Сити-ньюс. Электронное издание. 12.02.10. URL: <http://www.city-n.ru/view/140567.html>.

Бизнес: культурные и политические аспекты

Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в контексте региональной социокультурной специфики

Васьков Максим Александрович – доктор политических наук, старший научный сотрудник Южнороссийского филиала ИС РАН

E-mail: avitold@nail.ru

Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в контексте региональной социокультурной специфики

Аннотация

Автор, опираясь на новейшие исследования управленческой культуры в корпорациях, анализирует специфику компаний, работающих на территории южнороссийского региона; делает вывод о том, что в России ещё не сложилась устойчивая модель управленческой культуры.

Ключевые слова: управление, корпорация, культура, менеджмент, работники, южнороссийский регион, региональная специфика

Трансформация управленческой культуры происходит в результате действия сложной системы социальных и исторических детерминаций, к которым относятся: макросоциальные факторы, культурные ценности, доминирующие в регионе, и их изменение под влиянием процесса. Трансформация управленческой культуры осуществляется в определённом социальном пространстве, являющемся надындивидуальной реальностью, имеет многомерную структурированную конструкцию, элементы которой взаимно влияют и связаны между собой. Его структуру составляет «ансамбль» четырёх «полей» практик, связанных «габитусом» – системой социальной практики: экономическое, социальное, культурное и политическое, определяющих его многомерность [см.: 1, с. 119]. Исходя из этой методологической предпосылки можно сказать, что на современную управленческую культуру в крупных коммерческих организациях Юга России непосредственное влияние оказывают социокультурные факторы, сформировавшиеся в рамках трёх моделей управленческой культуры, сменяющих друг друга в качестве доминирующего типа, но продолжающих существовать в отдельных аспектах. Научный анализ данных трансформаций необходим для понимания генезиса современной российской управленческой культуры как социального фактора выявления её ценностного содержания и функций.

Рассматривая трансформации управленческой культуры, мы можем с полным основанием говорить о существовании нескольких её этапов и связанных с ними тенденций:

1. Радикальные изменения, связанные с институциональными трансформациями общества, которые и привели к появлению управленческой культуры в её современном понимании.

2. Стабилизация сферы управленческой культуры и трудовых отношений в коммерческом секторе.

3. Усложнение управленческой культуры, внедрение и адаптация различных моделей и подходов к управленческой деятельности и попытки привести управленческую культуру в соответствие с социальными процессами.

Первым направлением данных трансформаций управленческой культуры является изменение её роли в организации и переход от чисто служебного элемента организационной культуры к самостоятельному, от которого зависит функционирование организации и которому руководство и специалисты уделяют всё больше внимания. Мы можем констатировать, что в настоящее время интерес специалистов по управленческому консультированию и самих руководителей, стремящихся институционально создавать или корректировать систему управления своих организаций, смещается от организационной культуры к управленческой.

Причины трансформации управленческой культуры относительно её значения и места в корпоративной среде, по нашему мнению, заключаются в повышении динамизма общества в целом и социальных факторов, оказывающих на неё влияние. В частности, меняются сами личностные характеристики сотрудников организации, которые необходимо учитывать руководителю и которые, в свою очередь, заставляют пересматривать, казалось бы, устоявшиеся взгляды, ценности и принципы организации управленческой деятельности. Например, сотрудники становятся более мобильными; они готовы, если на работе складываются неблагоприятные условия или осложняются отношения с руководством, перейти на другое место. Социальные последствия экономического кризиса делают эту тенденцию не столь актуальной, но это временное явление, так как вызвавшие его причины носят непостоянный характер и не смогут изменить глубинных социальных тенденций.

Здесь заметна тенденция к диссонансу между пониманием своей управленческой неэффективности по сравнению с приходящим в регионы зарубежным бизнесом и стремлением оттянуть внедрение инноваций, чтобы данное положение изменить.

В настоящее время интерес специалистов по управленческому консультированию и самих руководителей, стремящихся институционально создавать или корректировать систему управления своих организаций, смещается от организационной культуры к управленческой.

Трансформация современного российского общества – это прежде всего системные преобразования его социальных структур, институтов, поведенческих стандартов, социально-политических установок, ценностных ориентаций. Она носит системный характер, так как изменения происходят в базовых, системообразующих элементах и институтах общества, но в условиях Юга России этот процесс затруднён наличием способной сопротивляться инновациям консервативной (а в национальных регионах – и традиционной региональной) культурной традицией. Трансформации нелинейны, так как в них присутствуют и прогрессивные, и регрессивные явления, они происходят в относительно быстром темпе, что сказывается на степени и уровне усвоения результатов социокультурной трансформации обществом. Трансформации общества в целом задают определённую канву для изменений отдельных его ячеек, на мезо- и микроуровнях, направление которых в значительной степени определяется субъективными факторами [2, с. 535-536].

В современных условиях трансформации заключаются в появлении социальных практик, в которых руководители от функций администрирования переходят к выполнению функций организации работы и должны учитывать социальные особенности сотрудников и социальные факторы внешней и внутренней среды организации как суммы социальных взаимодействий и взаимосвязей. Управленческая культура при сохранении значения личности руководителя становится более дифференцированным и расширенным социальным явлением. Участниками управленческих отношений становятся в разной мере практически все сотрудники организации, ситуативно выполняя определённые управленческие функции и реализуя соответствующие полномочия, т. е. одна из важнейших трансформационных тенденций, связанных с управленческой культурой, заключается в том, что прежняя схема «руководитель-субъект управления – сотрудники организации-объект» уже не отражает в полной мере существующие реалии. В производных от действия социальных факторов обстоятельствах сотрудники организации могут становиться субъектами управленческой деятельности и культуры. При этом в организации могут возникать ситуативные субъект-субъектные социальные отношения и социальные связи, но в условиях Юга России они накладываются на более сложные социальные детерминанты, обусловленные особенностями региональной культурной традиции. Определённым итогом трансформации стали эмпирически фиксируемые типы управленческой культуры (советский, переходный и инновационный или современный), и дальнейшие трансформации пойдут по пути изменения отдельных аспектов в данных типах управленческой культуры и их соотношений между собой.

Процесс трансформации современного российского общества в условиях Юга России затруднён наличием способной сопротивляться инновациям консервативной (а в национальных регионах – и традиционной региональной) культурной традицией.

Нельзя оставить без внимания важный вопрос, касающийся механизмов реализации трансформаций управленческой культуры. В широком смысле – это принцип, способ, порядок построения социальных связей и отношений, в которых индивиды, группы или другие социальные общности находятся в конкретных условиях места и времени [3, с. 192]. Механизм социального действия рассматривается здесь и как логически связанная система конкретных методов, используемая в практической деятельности для достижения какой-либо конкретной цели или результата [4, с. 10]. В данном контексте механизмы являются структурирующими элементами управленческой культуры. Они в достаточно стабильных формах воспроизводятся в управленческой деятельности, и через них существующие элементы управленческой культуры – ценности, подходы к осуществлению деятельности, функции – реализуются на практике. К основополагающим механизмам мы можем отнести нормативно-правовой и коммуникативный. Разумеется, количество механизмов социального действия значительно больше, но специфика управления такова, что его можно свести именно к двум указанным базовым механизмам.

Трансформация данных механизмов заключается в том, что изменяется их значение для организаций и их управленческой культуры. Рассматривая этот процесс ретроспективно, можно увидеть определённую динамику трансформаций. В ранний переходный период начала и середины 1990-х гг. произошёл быстрый и бессистемный переход от жёстких нормативно-правовых механизмов к различного рода коммуникативным механизмам управления. Это явление соответствовало происходившим в российском обществе макросоциальным и институциональным трансформациям (в противоположность советскому гипертрофированному коллективизму, регулированию и регламентированию практически всех сторон жизни в отношении к также гипертрофированному индивидуализму, личному и групповому эгоизму).

Постепенно, по мере стабилизации российского общества, происходили изменения и в управленческой культуре. Стало осознаваться значение социальной организации, и в числе важнейших параметров, по которым оценивались сотрудники организации и сама организация, появилось умение работать в трудовом коллективе (команде), т. е. воспринимать и реализовывать определённые коллективистские ценности. Наметился баланс между индивидуалистскими и коллективистскими ценностями; понимание того, что личный успех связан с успехом первичной трудовой группы (коллектива, команды), а её успех, в свою очередь, связан с успехом всей организации. Важной особенностью трансформации управленческой культуры, которую необходимо отметить, является её диалектичная цикличность: от советского типа коллективизма – к индивидуализму

Важной особенностью трансформации управленческой культуры является её диалектичная цикличность: от советского типа коллективизма – к индивидуализму и от индивидуализма – к коллективизму нового социального уровня и нового ценностного содержания.

и от индивидуализма – к коллективизму нового социального уровня и нового ценностного содержания. В дальнейшем возможно развитие коллективизма и его трансформации. Но нельзя исключить и поворот в сторону индивидуализма, однако он будет основан на иных принципах и уже на иной, отличной от современной, социальной природе.

Нельзя не отметить, что изучение указанных вопросов имеет определённое ограничение, связанное с недостатком эмпирических данных относительно роли и содержания функций управленческой культуры в предшествующие периоды. Отчасти этот пробел восполнен данными, полученными в результате фокусированного интервью, и информацией из вторичных источников, но они всё же в большей степени отражают современный взгляд на процессы, происходившие ранее в управлении. На начальном этапе исследования были выявлены факторы, которые оказывают непосредственное влияние на трансформацию функций управленческой культуры крупной коммерческой организации Юга России, исходя из структурно-функциональных и деятельностных критериев. К ним относятся:

1. Изменения, происходящие в институциональной системе региональной, национальной и мировой экономик. Влияние указанных уровней зависит от того, в какой степени в них интегрирована конкретная региональная коммерческая организация в национальную экономику или даже в мировую, учитывая появление в российских регионах сетевых структур зарубежных и транснациональных корпораций.

2. Смена поколений управленцев, через механизм которой происходит интеграция в управленческую культуру коммерческих организаций новых ценностей и подходов; тем самым в значительной степени изменяется управленческая культура, если понимать её в контексте общей профессиональной культуры руководителя.

3. Изменения в характере производства и связанная с этим трансформация задач управления.

4. Изменения в психологических и социальных характеристиках персонала коммерческих организаций.

Внедрение инновационных принципов организационного дизайна и управленческих подходов, в частности – тенденция к переходу от операционного (функционального) управления к проектному. Это приводит к значительным изменениям в практике управления и, в соответствии с ними, к трансформациям в управленческой культуре и системе её функций.

Традиционно управленческая культура считалась элементом корпоративной и организационной культуры, но важнейшее значение трансформации управленческой культуры как раз и состоит в том, что под влиянием трансформацион-

ных процессов происходят изменения в отношении её роли: от служебного элемента корпоративной и организационной культуры – к признанию её доминирующей роли в организации [5, с. 161-163]. Такое направление трансформации управленческой культуры связано с возрастающей динамикой функционирования коммерческой организации, определёнными социальными последствиями ужесточения конкуренции, что требует от организации большей степени мобильности, поставки большего объёма оперативных управленческих задач. Это смещает акценты со статичных и достаточно абстрактных категорий «корпоративная и организационная культура» в сторону категории «управленческая культура», которая объединяет ценности организации и принятые в ней подходы к непосредственной реализации управленческой деятельности и управленческой коммуникации через определённые коммуникативные социальные роли [см.: 6, с. 133].

Ряд зарубежных авторов, например, С. Долан и С. Гарсия, подходят к определению управленческой культуры с позиций дихотомии «контроль – развитие». Данная концепция и предложенная ими матрица (см. таблицу 1) [см.: 7, с. 177] достаточно широко используются в среде зарубежных специалистов по организационному дизайну и управленческому консультированию.

Таблица 1

Ориентированность управленческой культуры

Контроль	Развитие
Задачи	
Выживание	Самореализация
Концентрация	Расширение / разнообразие
Компания важнее всего	Люди важнее всего

Если рассмотреть направления трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России, можно констатировать, что практически все российские организации, независимо от существующего в них типа управленческой культуры, ориентированы на контроль, и, похоже, что переход к ориентированности на развитие, ставший реальностью за рубежом, нашим коммерческим организациям только предстоит [см.: 8, с. 19]. Переходный и современный типы управленческой культуры ориентированы на выживание с принципом «компания важнее всего». Единственное воспринимаемое ими качество из ориентированных на развитие – это стремление к расширению/разнообразию, но в отрыве от принципов самореализации и ориентированности на человека. В таком контексте оно не свидетельствует о качественном переходе к рассматриваемому типу управленческой культуры.

Практически все российские организации, независимо от существующего в них типа управленческой культуры, ориентированы на контроль, и, похоже, что переход к ориентированности на развитие, ставший реальностью за рубежом, нашим коммерческим организациям только предстоит.

Необходимо отметить, что в процессе управления функции различных подсистем такого сложного и многоаспектного явления, как управленческая культура, реализуются посредством соответствующих институциональных форм и процессов. Рассматривать управленческую культуру крупных коммерческих организаций Юга России в свете системных функций управления как такового возможно с позиций институциональной структуры, в трактовке позиций неинституционального подхода.

Управление, в силу его специфики и значения, рассматривается как одна из подсистем общества как такового, находящаяся под воздействием комплекса различных психологических и социальных факторов, и в качестве социально-экономической системы в отдельности.

Исследование происходящих в управленческой культуре коммерческих организаций трансформаций, обусловленных изменениями социальных факторов российского общества, предусматривает проведение анализа трёх уровней:

1. Самой социальной системы более высокого порядка, национальной и региональной, частью которых является любая коммерческая организация.

2. Принятых взаимоотношений в коммерческой организации, методов управленческой деятельности в соответствии с влиянием и необходимостью адаптироваться к происходящим социальным макропроцессам, чтобы сохранить конкурентоспособность.

3. Целей и индивидуальных жизненных стратегий сотрудников организации, изменения которых необходимо учитывать в управлении, и они, в свою очередь, в значительной степени определяют характеристики управленческой культуры.

Влияние региональной, общенациональной и мировой социально-экономической среды на системную трансформацию управленческой культуры и её функций, по нашему мнению, заключается в следующем. В настоящее время актуализируется социальное значение перехода от операционного (функционального) управления к проектному. Применение этого принципа приводит к формированию лидерских качеств у сотрудников, делает саму организацию более адаптивной к трансформациям внешней среды, мобильной, способной к введению инноваций и соответствующей происходящим в обществе макропроцессам, связанным с влиянием глобализации. В частности, если говорить о собственно социальных последствиях введения данного подхода к управлению и вызванных им трансформациях управленческой культуры, то руководителю проекта надлежит управлять сотрудниками, которые вне рамок данного проекта ему не подчиняются. Следовательно, актуализируется задача проявления лидерских качеств, для поддержания энтузиазма и формирования высокой мотивации.

Возрастает значение управленческих коммуникаций, и требуется значительная бóльшая, чем при операционном управлении, гибкость организационной и управленческой структуры [см.: 9, с. 30-32]. В России пока не было опыта социологического исследования процесса внедрения командного принципа организации работы и тех трансформаций, которые он вызывает в управленческой культуре. Это отчасти связано с тем, что пока данная форма организации работы коммерческих организаций недостаточно широко распространена, но чтобы восполнить этот пробел и попытаться определить возможные тенденции в трансформациях управленческой культуры, автор включил ряд вопросов, освещающих данную проблему, в социологическое исследование. Респондентам, руководителям крупных коммерческих организаций Юга России, было предложено в ходе анкетирования ответить на комплекс связанных между собой вопросов, распределение ответов на которые в процентном отношении выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какую форму организации управления вы используете в настоящее время?», %

Организация управленческой системы	%
Операционную (функциональную) – выполнение стандартных процедур, закреплённых за определёнными структурными подразделениями организации и конкретными сотрудниками	79
Проектную – осуществление работы командами из привлечённых специалистов	11
Комбинированную – данные различные подходы в зависимости от конкретной ситуации	8
Другое	2

Согласно данным таблицы 2, в настоящий момент господствует операционный (функциональный) принцип осуществления управления, который был единственно возможным для советской экономики и проецировался на современные российские предприятия и организации. Вместе с тем, уже 11% респондентов считают, что перешли от этого принципа к проектному, а 8% говорят о применении различного рода комбинаций с использованием обоих подходов. Этот вопрос зафиксировал текущее положение дел, но ответы на другие, развивающие эту тему вопросы, позволили говорить о существовании определённых представлений, касающихся векторов трансформаций управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в среднесрочной, но уже стратегической перспективе и ожидаемых управленцами социальных последствий данного процесса (см. ниже таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие, по вашему мнению, тенденции в управленческой культуре будут проявляться в перспективе ближайших 10-15 лет в управлении?», %

Тенденции реализации управленческой культуры	%
Сохранение ориентированности управления на операционную (функциональную) форму	14
Будет внедрён как массовое явление проектный подход и работа команд	67
Будет внедряться смешанный принцип организации управления коммерческими структурами: сохранение структуры, ориентированной на операционную систему, но и использование проектного принципа	19
Другое	0

Из таблицы 3 видно, что 67% респондентов считают, что переход от операционного управления достаточно жёстко структурированных управленческих структур и генерируемой ими управленческой культуры произойдёт уже в течение ближайших 10-15 лет. 27% от общего числа респондентов считают данный временной отрезок недостаточным для подобной трансформации. По их мнению, необходим более длительный период – от 35 до 50 лет. Само по себе направление данной трансформации никто не оспорил.

Наибольшую готовность к реализации проектной схемы управления продемонстрировали руководители, которых мы относим к представителям переходного (79%) и современного (89%) типов управленческой культуры. По мнению респондентов, причины данной трансформации заключаются в следующем (см. таблицу 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, причины трансформации управленческой культуры вашей организации?», %

Причины трансформации	%
Необходимость следовать мировым стандартам управления	35
Изменения в российском обществе, в его социальной и экономической системах	17
Изменения качеств работника и руководителя	48
Другое	0

Приведённые в таблице 4 данные были конкретизированы во время фокусированного интервью. Респонденты отметили, что при переходе от операционного (функционального) принципа работы коммерческой организации к проектному актуализируются прежде всего интегративная, мобилизационная, сигнификативная и коммуникативная функции управленческой культуры. В целом же управленческая культура

будет трансформироваться в направлении смягчения жёстких структурных форм, но с повышением значения руководителей среднего и низшего звеньев, которые от имени организации будут возглавлять работающие над конкретными проектами команды. Вместе с тем, это неизбежно приведёт к росту значения личности сотрудника организации, его творческого потенциала [см.: 10, с. 31]. Данные трансформации, по мнению респондентов, негативно скажутся на таких аспектах, как стабильность и управляемость организации, однако это неизбежные издержки необратимого социального процесса [см.: 11].

Изменяется отношение общества к бизнесу, изменяются люди, работающие в организации, причём здесь можно говорить об определённой смене поколений, у каждого из которых есть собственное мировоззрение, сложившиеся ценностные установки. Сейчас очень важно, что в организациях одновременно трудятся люди, воспитанные в советской социальной системе, в условиях переходного периода и современное поколение.

Руководители принимают организационные и управленческие решения на микроуровне социальных отношений, тогда как на мезоуровне (регион) и макроуровне (общество в целом) принимаются решения, формирующие внешнюю среду, в которой функционирует организация, создаётся, трансформируется и реализуется её управленческая культура.

Причины трансформаций управленческой культуры заключаются и в том, что в отечественном бизнесе постепенно происходят качественные изменения в понимании роли управленческой культуры, её взаимосвязи с процессами, происходящими в корпоративной среде и в обществе в целом. Управленческая культура всё больше приобретает значение важнейшего средства достижения успеха организации и одновременно – надёжного качественного показателя её эффективности и конкурентоспособности [см.: 12, с. 15].

Следующим уровнем трансформаций, значимых для управленческой культуры в целом, является организационная культура руководителя. Здесь определяются степень владения теорией управления, методами управления, уровень квалификации организатора, профессиональный опыт, навыки. Управленческая культура руководителя, непосредственно формирующая управленческую культуру организации, должна включать следующие аспекты: работу с кадрами (их отбор, расстановку, условия перемещений, карьерного роста либо регресса); ценности и мотивы, принятые за основу при разработке организационных норм и нормативов, постановке задач, планов личной работы; методы и механизмы доведения их до исполнителей; методы осуществления контроля за их исполнением; присутствие либо отсутствие обратной связи. В данных аспектах тоже заметны определённые изменения, влияющие

Респонденты отметили, что при переходе от операционного (функционального) принципа работы коммерческой организации к проектному актуализируются прежде всего интегративная, мобилизационная, сигнификативная и коммуникативная функции управленческой культуры.

на направление трансформации управленческой культуры вообще. Они связаны с постепенным отказом от патерналистских тенденций и подбором сотрудников в зависимости от их профессиональных качеств и достижений. При этом роль личных качеств пока остаётся на втором плане, главное – это профессиональная эффективность [13].

Данную трансформацию можно отнести к социальным последствиям ужесточения конкуренции в российской региональной экономике, которая потребовала от организаций максимально возможной мобильности и эффективности. Сотрудники, назначенные на руководящие или ответственные должности исходя из родственных связей или протекции, не обладающие необходимым уровнем образования, профессиональными и личными качествами, могут представлять угрозу для самого существования организации. В то же время невостребованные, но обладающие данными качествами сотрудники, могут перейти к конкурентам и усилить их преимущество.

Подводя некоторый промежуточный итог и резюмируя полученную в результате исследования информацию, можно выделить следующие аспекты трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России.

Во-первых, трансформация роли руководителя в организации. Существует стремление руководителей сохранить своё безусловное значение и рычаги управления, т. е. быть источником формирования и регулятором функционирования управленческой культуры своих организаций, однако имеет место объективная невозможность использования для этого административно-командных методов (ограниченный ресурс манипулятивных технологий и неосвоенность приёмов убеждения и лидерства). Здесь намечается следующая проблема: в условиях кризиса происходит частичный возврат к командно-административному или манипулятивному управлению или, наоборот, к анархии, что в итоге приводит к распаду организации.

Во-вторых, трансформация методов управленческой деятельности и соответствующие изменения при переходе от функционального подхода организации к командному (формирование рабочих групп команд из штатных или привлекаемых со стороны сотрудников для реализации определённого проекта), что предполагает внесение изменений в традиционные методы управления.

По нашему мнению, необходимо указать на важный аспект. Если в достаточно стабильных условиях организационная культура практически полностью определяла характер управленческой культуры, поскольку определённому типу культуры организации соответствует оптимальная управленческая культура, то современные тенденции таковы, что управленческая культура начинает определять направления трансформации сложившейся организационной культуры и динамично её изменять.

Социальный контекст, в котором осуществляются генезис и трансформации управленческой культуры, существующий в западных и азиатских странах, кардинальным образом отличается от российского. По нашему мнению, данное отличие нельзя отождествлять с цивилизационными, мировоззренческими и ценностными характеристиками. Оно связано с тем, что за рубежом трансформации управленческой культуры происходят постепенно и эволюционно по мере развития общества, опираясь на сложившиеся системы ценностей и отношений в социуме. Исходя из данного положения разрабатывались различные аналитические подходы к изучению национальной специфики управленческих и организационных культур. В российском обществе можно говорить о существовании условий для формирования специфики предпринимательской деятельности и управленческой культуры. Например, следуя модели С. В. Кирдиной, развитой С. В. Кирпичниковым, можно согласиться с влиянием природно-климатических условий, формирующих такой параметр управленческой культуры, как коммуникативность/некоммуникативность [14, с. 39-40], значением национально-культурных стереотипов, одобрением культурой определенных стилей поведения, этноконфессиональным фактором [см.: 15, с. 24-25]. Соглашаясь с утверждением о влиянии данных факторов, мы не можем принять выводы авторов о наличии ярко выраженной российской специфики управленческой культуры, путей её реализации и трансформации.

По нашему мнению, отличие состоит в том, что в России как раз и не было устоявшихся моделей управленческих отношений в коммерческом секторе. Поэтому, несмотря на присутствие определённых стереотипов отношения к труду вообще, властной иерархии и т. п., стало возможным восприятие стратегий, привнесённых из стран с европейской (англосаксонской) моделью управления, но не из азиатских стран, где управление строится на устойчивых национальных традициях. Национальные стереотипы не смогли противостоять влиянию новых жизненных стратегий, что сделало возможным внедрение новых принципов управления. В данном случае механизмы социальной адаптации оказались сильнее консервативных тенденций сохранения существовавших стереотипов и поведенческих образцов. Данный процесс был усилен тенденциями восприятия через СМИ и массовую культуру ценностей западного общества, ориентированного на индивидуализм, личный успех, личную эффективность, но вместе с тем требующего определённой трудовой дисциплины и порядка. Определённое противодействие данных тенденций представляет интерес, так как, с одной стороны, заметна потребность в расширении личной инициативы, а с другой, по мнению ряда авторитетных экспертов, это входит в противоречие с основной доминантой национального поведения россиян, склонного к жёстким и авторитарным моделям управления [см.: 16, с. 139-159].

Таким образом, мы можем говорить о наличии многоуровневых трансформаций управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России. Управленческая культура как социальное явление, включающее в себя определенную систему ценностей, способ организации и осуществления управленческой деятельности, зависит от различных по своей природе, уровню и механизмам воздействия правовых, экономических и социальных факторов и отражает их нестабильность и противоречивость.

Библиографический список

1. Агарвала-Роджерс Р., Роджерс Э. Коммуникации в организации / пер. с англ. – М.: Экономика, 1980.
2. Алексеев М. Ю., Крылов К. А. Особенности национального поведения. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.
3. Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / пер. с англ. – М.: Претекст, 2008.
4. Зинченко Г. П. Социология управления. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
5. Кирдина С. В. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000.
6. Кирпичников С. В. Российский предприниматель: опыт самоопределения на рынке. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
7. Кови С. Восьмой навык: от эффективности к величию / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2007.
8. Корнев Н. Р., Мищенко А. С., Тихонов А. В., Травин И. И. Социокультурные трансформации в контексте социальных изменений // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М. К. Горшков. – М.: ИС РАН, 2008.
9. Локосов В. В. Трансформация социальная // Социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичёва. – М.: ИСПИ РАН, 2008.
10. Лучко М. Л. Этика бизнеса – фактор успеха. – М.: ЭКСМО, 2006.
11. Митин А. Н. Культура управления. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000.
12. Ромашов О. В. Социология труда и экономическая социология. – М.: Гардарики, 2007.

13. Тенденции трансформации региональной системы властных отношений // Россия: на пути к возрождению. – М.: ИСПИ РАН, 2004.
14. Deeprose D. Smart Things to Know about Managing Projects. – Oxford: Capstone Publishing Ltd, 2001.
15. Fink G., Feichtinger C. A Model of the Collective Culture Shock. Occasional Paper no. 77, Department of Intercultural Communication and Management. – Copenhagen Business School, 1999.
16. Kerzner H. Project Management: A System Approach to Planning, Scheduling and Controlling. – N.Y.: WILEY, 2000.

Бизнес: культурные и политические аспекты

Государственно-частное партнёрство при формировании государственной политики в области туризма: российский и зарубежный опыт

Кудрявцева Юлия Владимировна – магистр экономики, аспирантка кафедры гостиничного и туристического бизнеса РЭУ им. Г. В. Плеханова

E-mail: gavrilova-yulia@yandex.ru

Государственно-частное партнёрство при формировании государственной политики в области туризма: российский и зарубежный опыт

Аннотация

В статье рассматриваются различные формы партнёрства государства, частных компаний и некоммерческих организаций в разработке политики, способной сделать туризм в стране более привлекательным, конкурентоспособным и хорошо управляемым. На основе анализа зарубежного опыта автор даёт рекомендации по формированию партнёрства в области туризма в России.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, ГЧП, туристская отрасль, государственное регулирование туризма, развитие туризма

В начале нового тысячелетия туризм прочно утвердился во многих странах как основная отрасль экономики и наиболее быстро развивающийся экономический сектор, обеспечивающий приток иностранной валюты и создание рабочих мест. Уступая (по состоянию на 2010 г.) по объёмам экспорта нефтедобывающей и химической промышленности, офисному и телекоммуникационному оборудованию, автомобилестроению [см.: 1], международный туризм входит в число крупнейших экспортных отраслей.

«В 2011 г. международный туризм установил новый рекорд, несмотря на трудные условия. Для сектора, на долю которого приходится 5% мирового ВВП, 6% от общего объёма экспорта и обеспечивающего работой каждого двенадцатого человека в развитых и растущих экономиках, эти результаты являются обнадеживающими, тем более что они достигнуты в то время, когда мы остро нуждаемся в рычагах для стимулирования роста и создания рабочих мест», – заявил Генеральный секретарь Всемирной Туристской Организации (UNWTO) Талеб Рифаи [см.: 2].

В условиях мирового финансового кризиса и особенно с началом процесса восстановления мировой экономики роль туризма существенно возросла. В нынешней экономической неопределённости его продолжающееся укрепление подчёрки-

вадет необходимость усиления политической приверженности поддержки сектора. Лидеры стран «Большой двадцатки» (G20) признали, что туризм и путешествия могут внести существенный вклад в восстановление экономики и быть важной составляющей глобальных усилий по развитию инфраструктуры, искоренению нищеты и созданию рабочих мест. Совокупность этих факторов привела к проведению в феврале 2010 г. первой встречи министров туризма стран «Большой двадцатки».

Международная торговля туристскими услугами стала важнейшей сферой торгово-политических интересов большинства стран. Национальные правительства, международные и региональные организации уделяют ему всё больше внимания, включают в свои стратегии долгосрочного развития. При этом стало очевидно, что определение национальной стратегии развития туризма больше не может быть прерогативой государства. Она должна стать результатом партнёрства государственного и частного секторов. Государственно-частным организациям следует стать совладельцами проектов во всех областях, начиная от развития туристского продукта, инфраструктуры, управления человеческими ресурсами, планирования маркетинга и рекламных кампаний туристских направлений, заканчивая повышением качества сервиса и услуг.

Проанализируем саму суть туризма как культурно-экономического явления и посмотрим, как функционирует туристическая отрасль. Ниже на рис. 1 виден вклад каждого из секторов в развитие отрасли. Государство отвечает за создание среды, благоприятной для развития туризма: сохранение культурного наследия и окружающей среды, разработку отраслевого законодательства, создание туристской инфраструктуры (дороги, общественный транспорт, парковки для туристских автобусов, информационные центры, система указателей и т. п.) и формирование образа страны как безопасной и комфортной для туризма на международной арене.

Реализация государством своих функций качественно и в полном объёме порождает предпосылки для развития бизнеса – строительства отелей и ресторанов, объектов индустрии развлечений, создания и продвижения турпродуктов, роста числа занятых в отрасли. Как следствие, бизнес получает прибыль, а государство – налоговые поступления, рост ВВП, дополнительные рабочие места, диверсификацию и увеличение объёмов экспорта.

В условиях мирового финансового кризиса и особенно с началом процесса восстановления мировой экономики роль туризма существенно возросла. В нынешней экономической неопределённости для его укрепления необходимо усиление политической поддержки сектора.

Несмотря на очевидные социально-экономические выгоды от развития туристической отрасли, для государства она является достаточно обременительной. Большая часть прибыли (около 90%) достаётся частному сектору, при этом расходы государства на поддержание туристической инфраструктуры значительны и не покрываются его доходами.

Рис. 1. Вклад государственного и частного секторов в развитие туризма

Несмотря на очевидные социально-экономические выгоды от развития туристической отрасли, для государства она является достаточно обременительной. Большая часть прибыли (около 90%) достаётся частному сектору, при этом расходы государства на поддержание туристической инфраструктуры значительны и не покрываются его доходами. Частный сектор также вынужден вкладывать заработанные деньги в сохранение и развитие бизнеса, однако в целом у него образуется некоторый излишек, который он готов инвестировать. Недостаток денежных средств у государства, с одной стороны, и их избыток у бизнес-сообщества, с другой стороны, подводит к необходимости государственно-частного партнёрства (см. ниже рис. 2).

Доходы от туризма - возврат инвестиций

Рис. 2. Доходы и возврат инвестиций от туризма

Таким образом, партнёрство становится одним из факторов, влияющих на развитие туризма и конкурентоспособность отрасли (см. ниже рис. 3 и 4).

Как известно, уровень конкуренции в туризме чрезвычайно высок, причём соперничество идёт не столько между туристическими компаниями, сколько между туристскими зонами¹. Это связано с тем, что турист сначала определяется со страной, куда хочет поехать, а уже потом выбирает фирму. На его решение о поездке влияет как стоимость турпакета, так и целый комплекс прочих факторов, таких как уровень безопасности и политическая ситуация в стране, доброжелательность местного населения, развитость туристской инфраструктуры, уровень сервиса и т. п. Многие из перечисленных позиций входят в зону ответственности государства, и это снова возвращает нас к идее партнёрских отношений между государством и бизнесом.

¹ Туристская зона или дестинация (от англ. destination) – термин, применяемый в туристической индустрии, означающий регион, страну, группу стран, обладающих схожими характеристиками и рекреационными возможностями (например Лазурный берег, Турецкая Ривьера и т. п.). Определение дестинаций зависит от целей и предпочтений потребителя туристического продукта. Так, если цель поездки – катание на горных лыжах, не имеет смысла предлагать клиенту регион, где нет гор, а только морские пляжи и т. п.

Факторы, влияющие на развитие туризма

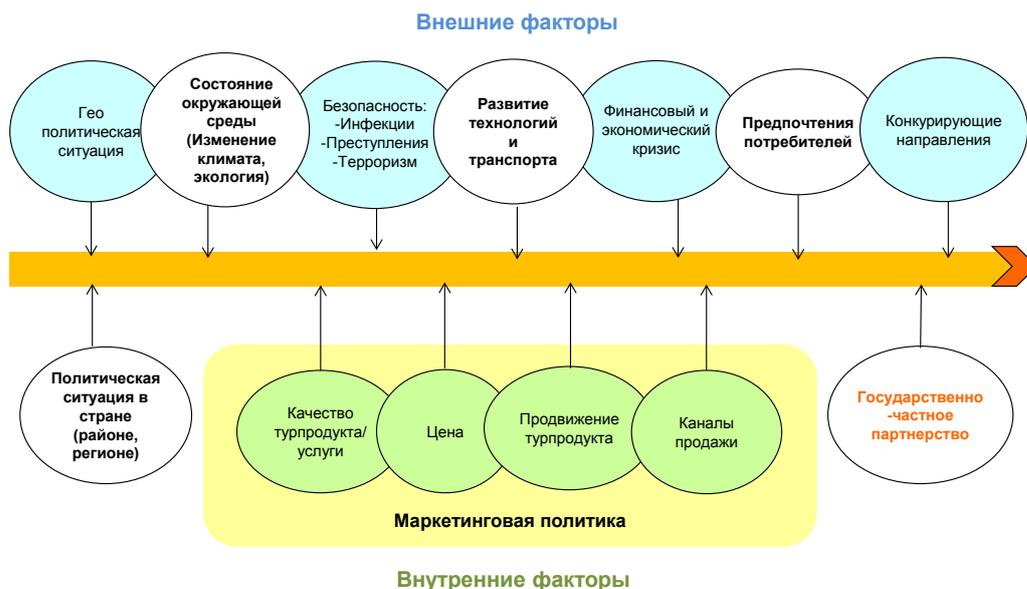

Рис. 3. Факторы, влияющие на развитие туризма

Показатель конкурентоспособности направления

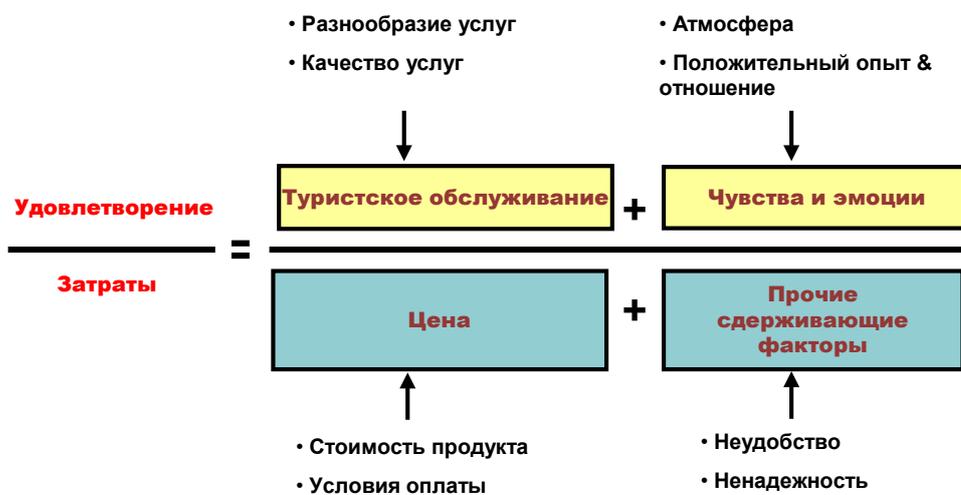

Рис. 4. Показатель конкурентоспособности направления

Тем не менее, при всей логичности такого сотрудничества туристическая отрасль не спешила воспользоваться его преимуществами. Во всём мире бурное развитие государственно-частного партнёрства шло с 1990-х гг., но туриндустрия подключалась к данному процессу медленно и с неохотой. В целом колебания частного сектора по поводу участия в государственных проектах вполне понятны. Компании опасались снижения своей конкурентоспособности из-за увеличения затрат, усиления бюрократии и определённого ограничения свободы предпринимательства плановыми заданиями. При этом суть такого партнёрства как раз в обратном – позволяя объединить знания, капитал и другие ресурсы, оно служит основой для развития. Облегчая выявление дополнительных возможно-

Во всём мире бурное развитие государственно-частного партнёрства шло с 1990-х гг., но туриндустрия подключалась к данному процессу медленно и с неохотой. Компании опасались снижения своей конкурентоспособности из-за увеличения затрат, усиления бюрократии и определённого ограничения свободы предпринимательства плановыми заданиями.

стей и препятствий развития турпродукта, помогая в решении проблем отрасли, партнёрство должно увеличить, а не уменьшить конкурентное преимущество компаний и их продуктов.

Государственно-частное партнёрство: определение понятия

Так что же такое государственно-частное партнёрство (англ. PPP – Public-Private Partnership)? Существует множество развёрнутых определений, но суть понятия может быть сформулирована просто – объединение (сотрудничество) для реализации совместных проектов между государственным и частным секторами.

Термин «государственно-частное партнёрство» (ГЧП) появился в начале 90-х гг. XX в. и связан главным образом с «британской моделью» ГЧП. В 1992 г. правительство Д. Мейджора объявило о «частной финансовой инициативе» (Private Finance Initiative – PFI), которая представляла собой модернизированную концепцию управления госсобственностью. Суть PFI состояла в том, чтобы в рамках договоров и соглашений о государственно-частном партнёрстве передать частному сектору функции финансирования (строительства, реконструкции, эксплуатации, управления и т. п.) объектов социально-культурной и производственной инфраструктуры, находящихся в государственной собственности [см.: 3, с. 16-24].

Заметим, что в западной практике термин государственно-частное партнёрство используется в узком смысле – как инструмент привлечения бизнеса к выполнению государственных и муниципальных задач, связанных с предоставлением публичных услуг, развития общественной инфраструктуры, осуществления крупных и сложных проектов развития технологий.

При этом ГЧП – очень широкая концепция, в рамках которой могут рассматриваться все возможные формы взаимодействия государства и бизнеса: благотворительность, коллективные договоры между государством, профсоюзами и работодателями, понуждение к социальной ответственности и далее весь ряд любых форм контрактных и иных отношений частного бизнеса и государства [см.: 4].

Безусловно, возможность привлечь финансовые ресурсы частного сектора в сферы, развитие которых находится в ведении государства, но требует колоссальных расходов, намного превосходящих возможности бюджета, является одним из главных достоинств ГЧП. Это почти все инфраструктурные, а также стратегические объекты, которые не могут быть переданы в частную собственность. Проекты ГЧП реализуются и в таких сферах, как ЖКХ, медицинские услуги, образо-

вание, спорт, т. е. в социально ориентированных отраслях, интересных бизнесу при определённых условиях: например, когда государство строит необходимую инфраструктуру за счёт бюджетных средств [см.: 5].

Соответственно, возможно использование такого определения: государственно-частное партнёрство есть специфическая форма взаимодействия государства и частного сектора в сфере экономики, в основе которого лежит сбалансированность интересов, прав и обязательств сторон в процессе его реализации [см.: 3].

Наиболее общее определение дано этому явлению В. Г. Варнавским: «Государственно-частное партнёрство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР, вплоть до сферы услуг» [6, с. 5].

Таким образом, можно сформулировать базовые признаки ГЧП:

- сторонами ГЧП являются две влиятельные силы – государственный сектор и частный сектор;
- взаимодействие сторон в ГЧП закрепляется на официальной, юридической основе (соглашения, договоры, контракты и т. п.);
- взаимодействие указанных сторон имеет действительно партнёрский, равноправный характер (т. е. в обязательном порядке должен соблюдаться паритет, баланс обоюдных интересов);
- ГЧП имеет чётко выраженную публичную, общественную направленность (его главная цель – удовлетворение государственного интереса);
- в процессе реализации проектов на основе ГЧП консолидируются, объединяются активы (ресурсы и вклады) сторон;
- финансовые риски и затраты, а также достигнутые в ГЧП результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно взаимным договорённостям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т. п. [см.: 3].

Государственно-частное партнёрство в сфере туризма: основные характеристики

Рассмотрим, что стоит за понятиями частного и государственного секторов в туристической отрасли (см. рис. 5 и 6). Необходимо обратить внимание на то, что бизнес-сообщество представлено как отдельными предприятиями, так и различными отраслевыми объединениями, и во взаимоотношения с государством может вступать любой из этих компонентов.

Структура туристической отрасли

Рис. 5. Структура туристической отрасли
(частный сектор)

Разнообразие видов деятельности, прямо или косвенно относящихся к туризму, предполагает и разветвлённую систему его регулирования на государственном уровне. В итоге национальная туристская политика становится продуктом взаимодействия целой группы министерств и ведомств на разных уровнях власти.

Государственный сектор

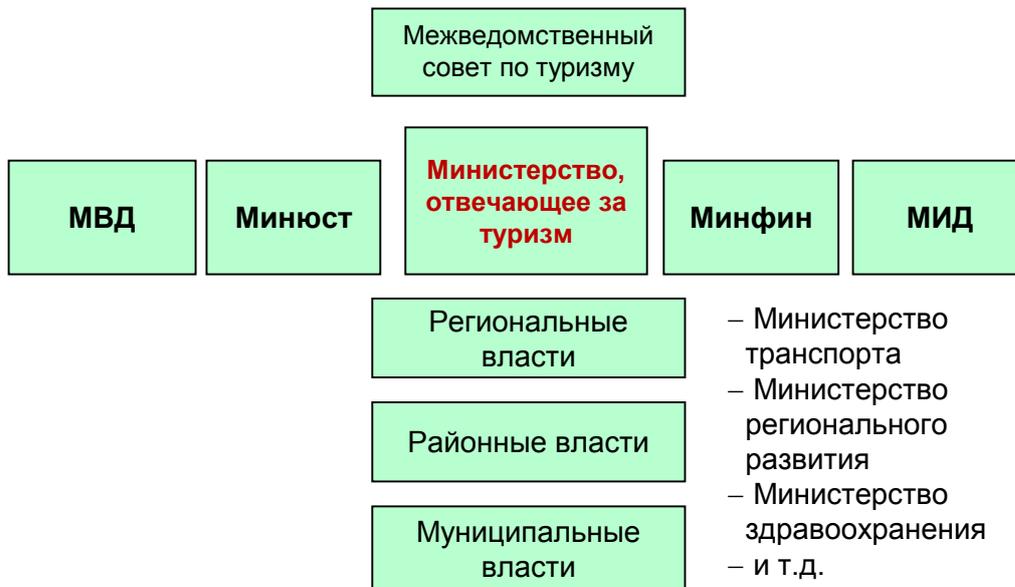

Рис. 6. Структура туристической отрасли (государственный сектор)

Для нормального развития отрасли необходимо грамотное распределение полномочий и зон ответственности между сторонами. Возможности для партнёрства следует искать в точках пресечения.

В качестве примера возьмём классификацию отелей. В этом вопросе очень важно определить обязанности государственных и частных секторов. Государственные органы должны гарантировать минимальные стандарты безопасности и гигиены в соответствующих предприятиях индустрии гостеприимства (гостиницах, пансионатах, санаториях и т. п.). Частный сектор, ориентированный на коммерческую эффективность, заинтересован в том, чтобы созданная классификация обеспечивала потребителя качественной и прозрачной информацией о гостиничных объектах и уровне обслуживания в них. Это формирует потребность в последовательном использовании признанной и согласованной терминологии. ГЧП обеспечивают эффективное достижение данной цели.

Или рассмотрим вопрос защиты прав потребителей. Кажется очевидным, что и государство, и частный сектор несут ответственность за то, чтобы предоставить потребителям наиболее полную информацию о месте отдыха, позволяя им спланировать и осуществить приятную поездку. Кроме того, они оба отвечают за безопасность туристов. Без стратегического и согласованного подхода к достижению этих целей отдельные усилия могут быть дублированы, другие вопросы, напротив, упущены, информация может быть противоречивой. При этом каждая из сторон будет выглядеть непрофессиональной, а итоговый продукт, и это самое главное, не будет соответствовать требуемым стандартам. Здесь, как и в предыдущем примере, могло бы помочь грамотно организованное ГЧП.

Для нормального развития отрасли необходимо грамотное распределение полномочий и зон ответственности между сторонами. Возможности для партнёрства следует искать в точках пресечения.

Кроме того, ГЧП может играть важную роль в создании условий для устойчивого развития туризма. Организованное саморегулирование будет способствовать кооперации бизнеса и государства в решении таких экологических и социальных вопросов, как, например, сокращение выбросов в атмосферу, организация сбора и удаления отходов, искоренение сексуальной эксплуатации, увеличение роли женщин и т. д. Рассмотрение подобных вопросов предполагает активное участие торговых ассоциаций и отраслевых организаций в распределении информации среди их участников.

В целом, если рассмотреть в общем виде цепочку создания стоимости национального турпродукта, то мы увидим, что и государственный, и частный сектор очень активно вовлечены в этот процесс и вносят равноценный вклад в развитие отрасли (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Распределение ответственности
между государственным и частным секторами
в развитии туристической отрасли**

Зона ответственности	Государственный сектор	Частный сектор	
		Объединения	Предприятия
Продуктовая политика			
Продуктовая стратегия	x	x	x
Правовые рамки	x	x	x
Лицензирование / контроль	x	x	x
Окружающая среда и инфраструктура	x	x	x
Доступность турпродукта и услуги	x	x	x
Человеческие ресурсы	x	x	x
Информация	x	x	x
Ценовая политика			
Финансово-бюджетная политика / налогообложение / сборы	x		
Себестоимость турпродукта			x
Конъюнктура рынка			x
Маркетинговые коммуникации			
Внешний маркетинг			
PR и продвижение направления	x	x	x
Вебсайт направления	x	x	x

Продолжение таблицы 1

Зона ответственности	Государственный сектор	Частный сектор	
		Объединения	Предприятия
Участие в выставках	х	х	х
Продвижение турпродукта			х
PR турпродукта			х
Внутренний маркетинг			
Эффективные маркетинговые коммуникации	х	х	х
Каналы распространения			
Ярмарки	х	х	х
Интернет	х	х	х
Туроператоры и агенты			х

Как видим, и государственный, и частный сектора участвуют в:

- разработке политики и определении правовых рамок;
- разработке маркетинговой стратегии и продуктовой концепции;
- формировании требований к уровню знаний и качеству информации;
- разработке концепций развития и внедрении инноваций;
- ресурсном обеспечении (территория, инфраструктура, человеческий капитал, технологический капитал, финансирование).

Таким образом, можно выделить следующие основные области сотрудничества: менеджмент дестинации¹, разработка продукта, маркетинг, исследования, планирование развития региона, человеческие ресурсы, поддержка местных производителей, совместное управление охраняемыми зонами.

Туристическая индустрия пришла к пониманию, что какова бы ни была цель (гарантия качества, защита потребителей, экономическое развитие, сокращение бедности, сохранение культурного наследия, социальная справедливость и т. п.), в рамках ГЧП можно эффективно решать все возникающие вопросы, а разнообразие форм сотрудничества позволяет подобрать оптимальный для данных конкретных условий вариант.

Уже сейчас можно привести огромное число положительных примеров такого сотрудничества на разных этапах цепочки создания турпродукта.

¹ Специфический термин туристической индустрии, о его значении см. примечание выше.

Так, например, широко признано, что учреждение ГЧП повышает эффективность Национальных туристских администраций и офисов (НТО).

Всемирная Туристская Организация (UNWTO) также полагает, что партнёрство становится важным инструментом осуществления эффективной туристической политики. Партнёрства между странами, между частными компаниями и международными организациями помогают продвинуться в решении таких ключевых проблем туризма, как налоги, визовые формальности, сезонные колебания и охрана окружающей среды. На обучающем семинаре UNWTO, проходившем 19 марта 2012 г. в Москве в рамках VII Международной туристской выставки «Интурмаркет-2012», Генеральный секретарь UNWTO Т. Рифаи подчеркнул, что государственно-частное партнёрство всё более увеличивает своё значение.

«Мы все помним о том, как весной прошлого года в результате извержения вулкана в такой маленькой стране, как Исландия, парализовало не только Европу, но и весь мир. В силу сложившейся форс-мажорной ситуации мы обнаружили свои слабые места. Нам необходима международная конвенция по защите прав туристов, так как глобальные вызовы и задачи могут решаться только на глобальном уровне. Этот документ позволит защитить туристов при несчастных случаях, естественных катастрофах, во время международных конфликтов, войн, при банкротстве туроператоров. Конвенция чётко обозначит ответственность каждой из сторон, будь то государство или частная компания. И мне приятно отметить, что Россия – активный участник Рабочей группы по подготовке проекта данного документа», – сказал в заключение г-н Рифаи¹.

Правительства всё чаще привлекают частный сектор к управлению объектами, находящимися в ведении государства: аэропорты, объекты культурного наследия или предприятия коммунального обслуживания. Можно сказать, что ГЧП выступает в роли эксперта, участвуя в решении ключевых для данной сферы вопросов, таких как определение цели, структура, доступ на рынок, лицензирование, научные разработки, финансирование, человеческие ресурсы.

При этом интенсивность сотрудничества в каждом конкретном случае может быть различной. Оно может осуществляться разово (сбор информации, планирование, поиск источников финансирования), систематически (модернизация продукта, обучение, исследования), постоянно (управление проектом).

¹ Данная цитата из выступления была записана на слух автором этих строк, присутствовавшим на упомянутом семинаре.

Основная мотивация к сотрудничеству заключается в том, что все партнёры извлекут выгоду из выравнивания соотношения выгод и затрат. При этом цели у партнёрства могут быть самые разные. Условно их можно разбить на шесть блоков: продукт, исследование и технология, человеческие ресурсы, маркетинг и продажи, инфраструктура, финансирование.

Продукт: улучшение продукции, создание новых продуктов, внедрение стандартов качества, защита потребителей, устойчивое развитие, совершенствование предложений по осмотру достопримечательностей, вклад в экономическое благосостояние местного сообщества, преумножение и сохранение ресурсов.

Исследования и технологии: обеспечение новыми методами и инструментами исследований, совершенствование статистического учёта, внедрение технологических новшеств и инноваций.

Человеческие ресурсы: внедрение стандартов качества и обслуживания, повышение квалификации и уровня производительности труда, введение новых образовательных программ.

Маркетинг: присутствие фирмы на рынке услуг, повышение эффективности маркетинговых мероприятий, объединение маркетинговых кампаний, большой охват рынка, коллективно участие в выставках, доступ на новые рынки.

Инфраструктура: улучшение качества дорог, развитие транспортной инфраструктуры и базовых услуг, создание стимула для использования различных видов транспорта, улучшение системы здравоохранения и санитарии, повышение уровня безопасности.

Финансирование: возможность привлечения инвестиций и дополнительного финансирования, получение стартового капитала.

В одних странах основной акцент делается на создание новых объектов инфраструктуры, в других – на повышение эффективности работы уже существующих. Есть страны, где от частного сектора требуются крупные капиталовложения, а есть – где его роль ограничена эксплуатацией объектов инфраструктуры. Безусловно, из многообразия форм государственно-частного партнёрства можно вычленить основные, среди которых: консорциум, совместное предприятие, стратегический альянс, совместный маркетинг, аутсорсинг, различные контракты, предоставляемые государством частному сектору.

Europarc Consulting сформулировал контрольный лист успешного сотрудничества [см.: 7]:

- Выравнивание целей: понимает ли каждая из сторон цели другой? не противоречат ли эти цели друг другу?

- **Эффективная коммуникация:** насколько эффективно проходят плановые встречи и совещания? рассматриваются ли на них основные проблемные вопросы? можно ли доверять предоставляемой информации?
- **Прозрачный процесс принятия решения:** всем ли ясен процесс принятия решения в партнёрстве? вовремя ли подключаются нужные люди?
- **Прозрачное распределение ответственностей:** понимают ли партнёры, кто за что ответственен? нет ли дублирования функций в рамках партнёрства?
- **Компетентность:** насколько высока компетентность сотрудников, особенно в управлении?
- **Готовность к компромиссу:** способны ли стороны адаптировать свои методы работы к нуждам друг друга?

В результате такого партнёрства каждая из сторон получит именно то, что ей необходимо. Государственный сектор: доступ к новым источникам капитала, ускоренное развитие активов инфраструктуры, возможность разделения рисков, обслуживание или улучшение сервисного обслуживания, доступ к планированию, управлению и предоставлению услуг, дополнительные выгоды от развития экономики.

Частный сектор: доступ к новым рынкам, которые трудно освоить самостоятельно; возможность повышения профессионального уровня, расширение спектра предоставляемых продуктов и услуг, улучшение условий кредитования, возможность получения высокого уровня прибыли.

Как видим, применение механизмов ГЧП может стать мощным стимулом для развития туристической отрасли страны. Варианты использования этого инструмента будут рассмотрены далее на конкретных примерах.

Примеры реализации государственно-частного партнёрства в мире и России

В Европе ГЧП в сфере туризма применяется достаточно широко и разнообразно – в сфере образования, на охраняемых территориях и объектах культурного наследия, при продвижении территорий и т. д.

Особенности применения механизмов ГЧП в природоохранной зоне можно рассмотреть на примере Эксмурского национального парка, Великобритания. Предоставление информации посетителям, когда они прибывают в охраняемые зоны, такие как биосферные заповедники и национальные парки,

очень важно. Эффективным методом является так называемая «Газета посетителя», которую можно бесплатно распространять в информационных центрах и объектах размещения. Информация о том, где остановиться и что посмотреть, может быть объединена с образовательным материалом, направленным на воспитание у туристов ответственного отношения к природе. Эксмурский национальный парк заключил соглашение о партнёрстве с местным издательством о безвозмездном выпуске 120 тысяч экземпляров «Газеты посетителя» в год. Это взаимовыгодное сотрудничество продолжается уже 25 лет. Газета состоит из 40 страниц, на половине из которых размещены материалы национального парка, а на второй – платные объявления. Таким образом, от ГЧП парк получает возможность бесплатно информировать своих посетителей, а газетная компания получает прибыль.

Успешным примером ГЧП в сфере туристского образования может служить проект «Educatefortourism» («Обучайся туризму»), запущенный в Португалии в 2011 г. Проект был разработан Институтом планирования и развития туризма (IPDT) совместно с Международным университетом непрерывного обучения (Global University for Lifelong Learning), Португальской туристской ассоциацией и UNWTO. Цель проекта – сформировать культуру отличного сервиса среди профессионалов, работающих над цепочкой создания стоимости национального турпродукта. «Обучайся туризму» как программа интерактивного обучения приводит стажёров к размышлению о личном и профессиональном опыте и поиску ответов на вопросы: где я сейчас? где я хочу быть? как я могу способствовать развитию туризма в моей компании / области / стране? Путём параллельного самоанализа и выявления проблем отечественной туристической индустрии проект помогает работникам туристической индустрии определить своё место в ней и возможности для дальнейшего личного и профессионального роста. В итоге отрасль получает высококлассных мотивированных сотрудников, а государство – мотивированное на поддержку туризма общество. Подрастающее поколение и гражданское общество в целом осознают значение туризма для экономического и социального развития страны, работники туристической индустрии признают необходимость постепенного улучшения туристического сервиса, туристы отмечают гостеприимство Португалии, рекомендуют её для поездок друзьям и знакомым и с удовольствием возвращаются сами [см.: 8].

Показательным примером объединения усилий государственного и частного секторов для успешного представления территории на международном туристском рынке может служить Франция. С мая 2009 г. развитием туризма во Франции и продвижением Франции как туристического объекта в мире занимается только группа Atout France (Агентство туристичес-

ческого развития Франции). Эта государственная организация была создана в результате слияния Maison de la France (Национального дома Франции) и агентства ODIT France. Ранее Maison de la France занимался продвижением французского продукта на зарубежные рынки, а агентство ODIT France специализировалось на развитии туристической инфраструктуры (в том числе горнолыжной) внутри страны и за рубежом. Созданное агентство одновременно занимается развитием туристической инфраструктуры и продвижением Франции на зарубежные рынки. После вступления в силу декрета о порядке применения закона о туризме, в сферу деятельности Агентства по туристическому развитию Франции входит подготовка новой классификации отелей. С 1 января 2010 г. Atout France ведёт государственный реестр туроператоров и арендодателей автомобилей в соответствии с установленными суммами комиссии по регистрации. Наконец, в сферу деятельности Atout France входит подготовка туристических кадров в соответствии с современными требованиями этого сектора экономики страны. Объединение двух экспертов в области туризма стало залогом успешного государственно-частного партнёрства. Государство участвует в финансировании на уровне 50% и около тысячи партнёров (из которых 800 частных компаний) финансируют примерно столько же посредством членских взносов, а также софинансирования, промо-акций или инжиниринговых акций [см.: 9].

Как уже упоминалось выше, в партнёрские отношения с государством вступают не только частные компании, но и отраслевые ассоциации. Примером такого сотрудничества может служить туристическая отрасль Венгрии. Роль неправительственных организаций в сфере туризма возросла в 1990-е гг., тогда же началось и их активное сотрудничество с государственными органами, регулирующими туристскую деятельность в стране. Отраслевые объединения стали подключать к процессу принятия решений, разработке правовых рамок ведения бизнеса. Это способствовало повышению доверия и укреплению отношений между государственным и частным секторами и, как следствие, повышению качества обслуживания и развития индустрии туризма и развлечений. В настоящий момент в числе совместно решаемых вопросов фигурируют такие, как курение в общественных местах, гигиена, система управления безопасностью пищевых продуктов, продвижение туризма, разработка стратегии развития туризма [см.: 10].

В практике российского туризма примеров успешно функционирующих ГЧП пока не так много. Однако осознание необходимости идти по этому пути есть и у бизнеса, и у государственных органов. Так, на заседании дискуссионной площадки по развитию туристского кластера Ульяновской области

Глава региона Сергей Морозов обратил внимание присутствующих на необходимость активного внедрения механизмов ГЧП. «В 2011 г. впервые был внедрён механизм государственно-частного партнёрства. Выделяемые бюджетные средства на данные мероприятия в обязательном порядке должны обеспечиваться средствами инвестора в пропорции не меньше 1:3. В результате такого партнёрства за счёт областного бюджета с инвестора снимается значительная часть затрат по созданию туристского объекта с длительным сроком окупаемости. В то же время муниципалитет гарантированно получает качественный турпродукт на своей территории. Применение механизма ГЧП ведёт к оживлению инвестиционной активности на территории нашего региона», – констатировал губернатор Ульяновской области [см.: 11].

В качестве примера реализованного проекта приведем «Воздушные ворота Северной столицы» – международный консорциум, в который входят банк ВТБ, немецкий оператор аэропортов Fraport AG и греческая инвестиционная группа Correlouzos. С 29 апреля 2010 г. по соглашению о государственно-частном партнёрстве он осуществляет управление операционной деятельностью аэропорта «Пулково». В рамках соглашения о ГЧП один из участников консорциума – немецкий аэропортовый оператор Fraport – передаёт аэропорту «Пулково» международный опыт и свои ноу-хау в области организации аэропортовых операций [см.: 12].

О государственно-частном партнёрстве говорят и представители Архангельской области. Принятая там программа развития туризма предусматривает строительство различных объектов за счёт федерального, регионального и муниципальных бюджетов. Разрабатывается областной закон о зонах экономического благоприятствования, где также предусмотрен механизм господдержки турорганизаций на территории таких зон в виде субсидий и налоговых льгот [см.: 13].

Новый международный проект начал работу в Мончегорске в рамках Соглашения о партнёрстве «Государственно-частное партнёрство в сфере туризма в Баренцев Евро-Арктическом регионе (БАРТ)». Его цель – развитие туристической отрасли в Баренцевом регионе. Проект рассчитан до 2013 г. и включает в себя две части. Первая предусматривает социологические исследования, анализ ситуации на Кольском Севере с точки зрения развития туризма, разработку рекомендаций для развития туристической индустрии. Вторая, практическая часть предполагает разработку конкретного турпродукта для Баренцева региона и создание информационно-туристического центра в городе Мончегорске. Центр будет расположен в гостинице «Север», средства на его ремонт и оборудование выделяются из бюджета проекта. В международном проекте принимают участие страны Евро-Арктического

региона – Финляндия, Норвегия, Швеция, Россия. Бюджет его оставляет около одного миллиона евро. 42,8% этих денег выделяет Евросоюз, остальные средства вкладывают страны-участницы проекта [см.: 14].

Российский Север в целом очень заинтересован в реализации партнёрских проектов в сфере туризма. Роль государства здесь видится в создании благоприятных условий и развитии инфраструктуры. Например, в Карелии разрабатывается проект кругового водного маршрута на круизных лайнерах. Его планируется начать из Петербурга – по Балтике, затем вдоль побережья Норвегии до самой северной оконечности Европы – мыса Нордкап. Далее – Мурманск, затем Карелия с известными достопримечательностями на островах Онежского и Ладожского озёр – и возвращение в Питер по Беломорско-Балтийскому каналу. Проект невозможен без реконструкции канала – большие суда просто не могут пройти по нему. А на это из бюджета РФ теперь ежегодно выделяется более двух миллиардов рублей. Кроме того, только государство способно помочь турбизнесу в привлечении иностранных гостей на Русский Север – расширив практику безвизового режима, сократив количество закрытых приграничных зон. Упрощённое оформление поездок из соседних стран, например, на срок до трёх суток, существенно увеличило бы поток туристов, в том числе по маршрутам выходного дня. Соответственно выросли бы и доходы местных жителей, занятых в турбизнесе [см.: 13].

Водный туризм вообще остро нуждается в широком внедрении ГЧП. Так, например, кризис круизной отрасли связан с тем, что в России круизные суда уже давно не строятся, а покупка их за рубежом при существующем налогообложении не имеет смысла. Новое судно при средней стоимости порядка 20 млн. евро окупится через 20-25 лет. Понятно, что ни один инвестор на такие вложения не пойдёт. По мнению игроков рынка, на данном этапе поддержка государства в первую очередь должна заключаться в налоговых послаблениях на покупку и ввод в эксплуатацию новых речных круизных судов [см.: 15]. Есть и другие проблемы, с которыми бизнес не справится без поддержки государства – отсутствие точных карт, давно нерасчищавшийся фарватер, неразвитая инфраструктура (недостаток заправочных станций, причалов и дебаркадеров). Эти мероприятия могут быть осуществлены только на бюджетные деньги. Таким образом, для развития круизного и яхтенного туризма необходимы целевые программы – федеральная и региональные, которые предполагают государственно-частное партнёрство.

Эффективно механизмы государственно-частного партнёрства могут применяться и при решении такой наиболее острой проблемы, как недостаток современных гостиниц эконом-класса в Москве и других городах России. По мнению генерального директора ООО «Балчуг», для возведения отелей

2-3 звезды необходимо государственно-частное партнёрство: экономически создание объектов размещения такого уровня не выгодно из-за длительного срока окупаемости, а потому с точки зрения бизнеса строить их бессмысленно [см.: 16].

Отраслевые ассоциации, и в первую очередь Российский Союз Туриндустрии (РСТ), также активно вовлечены во взаимоотношения с органами власти. Так, среди основных направлений деятельности РСТ: подготовка и содействие принятию законов и иных нормативных актов, направленных на развитие индустрии туризма; участие в разработке Федеральной целевой программы и региональных программ развития туризма; совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации туристских кадров; взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти, работа в составе их советов, рабочих групп и комиссий; совершенствование законодательства по поддержке и развитию авиа-, ж/д, автоперевозок, морского и речного судоходства (транспортное обеспечение туриндустрии) [см.: 17].

Заключение

Рассмотренные примеры позволяют увидеть, что российская туриндустрия, хоть и с некоторым отставанием от международных лидеров отрасли, получила возможность применения механизмов ГЧП для повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке туруслуг. Для России крайне важен мировой опыт в реализации туристического потенциала, который заключается в том, что государственно-частное партнёрство является, возможно, самой эффективной и быстрой формой развития сферы туризма. Именно по этому пути идут страны, находящиеся сегодня в авангарде мирового туризма. К сожалению, Россия, занимающая сегодня 4 и 13-е места по обеспеченности природными и культурными ресурсами (соответственно), находится лишь на 59-м месте по конкурентоспособности туристической отрасли в рейтинге ВЭФ [см.: 18].

По оценкам Минспорттуризма, отечественная туристическая отрасль обладает всеми необходимыми ресурсами для активного развития практически всех видов отдыха и имеет в своём активе более 11 400 тыс. средств размещения, 477 исторических городов, более 140 тыс. памятников истории и культуры, 103 музея-заповедника и 142 национальных парка. На сегодняшний день в туризме и смежных отраслях занято более 1 млн человек, отрасль генерирует совокупный доход в размере около 160 млрд рублей, включая теневой оборот.

19 июля 2010 г. распоряжением правительства РФ утверждена концепция Федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской

Федерации (2011-2016 гг.)». Планируется, что по выполнении программы в 2016 г. оборот отечественной туристической индустрии достигнет 900 млрд рублей. Доходы от туристического сектора экономики вырастут до 9-10% ВВП [см.: 19]. Согласно концепции ФЦП, государственно-частное партнёрство предусматривает «эффективное взаимодействие всех органов власти, туристического бизнеса, научных и общественных организаций в реализации масштабных туристских проектов и программ, направленных на развитие туристской привлекательности регионов, увеличение внутреннего и въездного туристских потоков, повышение качества тур продуктов» [см.: 20].

Возможно, именно туризм (культурно-познавательный, экотуризм и др.), развиваемый в рамках ГЧП, станет важнейшим средством активизации туристического потенциала России, а также обеспечения сохранности памятников исторического наследия и природных ресурсов.

Библиографический список

1. International Trade Statistics 2011 (Table II. 1. World merchandise exports by major product group, 2010, Table III. 1. World trade in commercial services by category. 2010) // Официальный сайт Всемирной Торговой Организации. URL: <http://www.wto.org>.
2. UNWTO World Tourism Barometer, PR12002, Madrid. 16 Jan 12 // Официальный сайт Всемирной Туристской Организации. URL: <http://www.unwto.org>.
3. Амунц Д. М. Государственно-частное партнёрство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансовоёмких проектов // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. №12.
4. Баженов А. В. ГЧП для инфраструктуры [Электронный ресурс] // Экспертный канал Высшей школы экономики «Открытая экономика». URL: <http://opes.ru/1240402.html>.
5. Сиротин А. ГЧП для ЖКХ, и не только [Электронный ресурс] // Экспертный канал высшей школы экономики «Открытая экономика» URL: <http://opes.ru/1243784.html>.
6. Варнавский В. Альянс на неопределенный срок // Фельд Почта. 2004. № 29.
7. Public-Private Sector Partnerships mutual benefits for business and protected areas // Report prepared by EUROPARC Consulting on behalf of the EUROPARC

- Federation for the PARKS & BENEFITS project. January 2012. URL: <http://www.europarc.org/uploaded/documents/871.pdf>.
8. Costa A. J. Tourism. Public-Private Partnerships. The case of the “Educate for tourism” project [Электронный ресурс] // Материалы семинара Федерального агентства по туризму Минкультуры РФ и UNWTO. Партнёрство государства и общественных организаций (объединений) в туризме: российский и зарубежный опыт. 19 марта 2012 г. Москва. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140900/>.
 9. Короткова И. Агентство по развитию туризма во Франции [Электронный ресурс] // Материалы семинара Федерального агентства по туризму Минкультуры РФ и UNWTO. Партнёрство государства и общественных организаций (объединений) в туризме: российский и зарубежный опыт. 19 марта 2012 г. Москва. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140900>.
 10. Akos N. Partnership of government and non-governmental organisations in the field of tourism: The Hungarian experience [Электронный ресурс] // Материалы семинара Федерального агентства по туризму Минкультуры РФ и UNWTO. Партнёрство государства и общественных организаций (объединений) в туризме: российский и зарубежный опыт. 19 марта 2012 г. Москва. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140900>.
 11. Сергей Морозов, губернатор Ульяновской области: Отрасль туризма должна восприниматься как важнейший двигатель экономики [Электронный ресурс] // Информационный портал Государственно-частное партнёрство в России. 1 июня 2012 г. URL: <http://www.ppp-russia.ru/mnenia/item-62.html>.
 12. Компания, управляющая аэропортом «Пулково», стала членом РСТ [Электронный ресурс] // RATANews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2011. № 2809. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_17062011_4.stm.
 13. Сможет ли российский север составить конкуренцию южным курортам? [Электронный ресурс] // RATANews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2010. № 2640. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_8102010_5.stm.
 14. В Мончегорске будет создан информационно-туристический центр [Электронный ресурс] // RATANews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2011. № 2729. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_22022011_8.stm.

15. Круизы по-прежнему остаются безопасным видом отдыха [Электронный ресурс] // RATAnews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2011. № 2828. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_14072011_2.stm.
16. Правительство Москвы разбирается в масштабах бедствия туриндустрии [Электронный ресурс] // RATAnews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2011. № 2731. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_25022011_1.stm.
17. Барзыкин Ю. А. Общественные объединения в туриндустрии. Меры поддержки турбизнеса [Электронный ресурс] // Материалы семинара Федерального агентства по туризму Минкультуры РФ и UNWTO. Партнёрство государства и общественных организаций (объединений) в туризме: российский и зарубежный опыт. 19 марта 2012 г. Москва. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140900>.
18. Global Competitiveness Report 2011 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Экономического Форума. URL: <http://www.weforum.org>.
19. Виталий Мутко прогнозирует туристической отрасли прорыв [Электронный ресурс] // RATAnews. Ежедневная электронная газета Российского Союза туриндустрии. 2010. № 2632. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_28092010_1.stm.
20. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2016 гг.)» / Утверждена Постановлением Правительства РФ от 19 июля 2010 г. № 1230 р.

Социология образования: теоретические концепты

«Новые концепты» социологии образования: возникновение и проблемы операционализации

Попова Екатерина Сергеевна – младший
научный сотрудник ИС РАН

«Новые концепты» социологии образования: возникновение и проблемы операционализации

Аннотация

В фокусе статьи находятся аспекты возникновения и операционализации «новых концептов» науки, в частности, в языке описания социологии образования.

Ключевые слова: социология образования, «новые концепты», социологическое исследование, концептуализация, операционализация, образование

Общество знания (knowledge society) становится предметом особого интереса исследователей. Интенсивно изучаются причины и последствия его становления [1, с. 3]. В условиях усиления тенденций глобализации и интеграции [2, с. 23] динамика развития научного знания возрастает и времени на глубокую научную рефлексию зачастую остаётся не так много. В фокусе данного исследования находятся аспекты возникновения и операционализации «новых концептов» науки, в частности в языке описания социологии образования. Это обусловлено несколькими причинами.

Первая из них заключается в том, что одной из основных черт наращивания современного научного знания является поиск новых путей исследования социальной реальности, обнаружение концептов и метафор, которые наилучшим образом отображают действительность. Повторяющееся применение в практике проведения эмпирических исследований «новых концептов», с одной стороны, позволяет наилучшим образом объяснить происходящие явления, но, с другой – меняет и само понимание изучаемой реальности.

Вторая причина состоит в том, что социология образования (как и её язык описания, и категориальный аппарат) является сравнительно молодой дисциплиной. Мы попробуем проследить возникновение и проблемы операционализации «новых концептов» в языке социологии образования, проанализировав теоретические основания и эмпирические исследования в данной области.

Третья причина кроется в постоянном увеличении интереса к изучению института образования. Исследователей привлекают различные аспекты образовательной реальности. Одним из основных трендов является признание изменения роли образования в современном обществе. Как отмечал Н. Штер, образование становится в современных условиях «инструментальным в отношении потребностей инновационной экономики и общества знаний» (Цит. по: [3, с. 171-172]).

Различные демографические и социальные группы имеют неравные возможности в реализации образовательных потребностей в современном образовательном процессе. Молодёжь как особая социально-демографическая группа населения наиболее остро реагирует на происходящие изменения, воспринимает развивающиеся технологии и изменяющиеся стратегии образования и адаптируется к ним. Большую часть своей самостоятельной деятельности и активности молодёжь проводит именно в рамках института образования, где проходит профессиональное самоопределение и становление личности посредством усвоения транслируемых институтом образования ценностей и моделей поведения. Процесс социализации и профессиональной подготовки молодёжи приобретает особое значение, так как, находясь в рамках института образования сегодня, она пополнит трудовые и интеллектуальные ресурсы страны в будущем.

Таким образом, применяя некоторую метафорическую структуру, можно обозначить, что система образования является своеобразной «лакмусовой бумагой», которая отражает степень воздействия мировых и страновых процессов не только на отдельные группы населения, задействованные в образовательном процессе, но и на состояние современной действительности в целом, что даёт исследователям возможность прогнозирования интеллектуального, образовательного и трудового потенциала страны.

Зачем языку описания объекта исследования в социологии образования на сегодняшний день нужны «новые концепты»? В чём их суть и механизм возникновения? Почему актуализируется идея поиска новых социологических концептов и их операционализации? Эти, казалось бы, простые вопросы приобретают новое значение в стремительно развивающемся мире информационного общества, в котором знание и образование получают приоритетное значение.

Для учёных в области философии науки, эпистемологии, социологии науки и социологии знания интерес к возникновению «новых концептов» в рамках социологии образования может представиться не вполне обоснованным, так как социология образования имеет объектом своего изучения различные аспекты образовательной реальности, а не механизмы возникновения «новых концептов». Тем не менее проблема

заимствования и обоснованности применения концептов важна не только для внутренней логики и согласованности социологического исследования, но и приобретает особую роль для последующих его интерпретаций.

Исследователи находятся в поисках ответа на вопрос, что происходит со смыслом концепта, когда он импортируется из одного контекста в другой [см.: 1, с. 8], каковы последствия такого заимствования. В социологии решение подобной задачи требует серьёзной концептуальной и методологической проработки. Мы предлагаем рассмотреть возникновение «новых концептов» и проблемы их операционализации при помощи детального анализа нескольких исследовательских кейсов, а именно исследований, рассматривающих «рынок образовательных услуг» и «образовательные потребности» в рамках образовательного процесса.

Социология образования ещё находится в поиске области проблематизации. Изучение аспектов образовательного процесса в различных научных традициях было обусловлено стремительным развитием системы массового образования, его роли в формировании более рационального и «лучшего» типа общества [см.: 4, с. 2927]. Исследование образовательной реальности во многом было сопряжено с изучением ценностей и норм, различных социальных проблем учащейся молодёжи, образованием и межпоколенческими взаимоотношениями.

Всё увеличивающееся количество исследований в данной области сформировало следующие характерные для социологии образования эмпирические вопросы:

1. Каким образом система образования влияет на распределение жизненных шансов и возможностей молодёжи?

2. Как взаимосвязаны социальный и экономический статус семьи и нацеленность учащегося на достижение высоких результатов в образовательном процессе? [см.: 4, с. 2929].

Проведённый нами контент-анализ статей социологического журнала *Annual Review of Sociology* [5] за период с 1975 по 2005 гг. по данной тематике показал, что интерес к исследованиям образования на страницах данного журнала появляется с 1980-х гг., а его повышение – в период 2000-х гг. Исследования в большей степени направлены на изучение различных аспектов образовательного процесса, таких как неравенство в доступе к образованию, стратификация в системе образования, мобильность студентов, этнические различия в системе высшего образования.

В отечественной социологии изучение образовательного процесса и аспектов социализации молодого поколения также является предметом исследования учёных, которые рассматривают образование на всех его уровнях: дошкольное, школьное, вузовское, постдипломное. Интерес вызывает дистанционное

Исследование образовательной реальности во многом было сопряжено с изучением ценностей и норм, различных социальных проблем учащейся молодёжи, образованием и межпоколенческими взаимоотношениями.

образование и образование на протяжении всей жизни, а также непрерывное образование. Этнические и гендерные особенности, специфика регионального образования, формирование образовательного пути и профессиональных траекторий также находятся в фокусе внимания исследователей.

Один из тезисов социологии образования – понять современное общество во многом возможно благодаря детальному изучению сферы образования. Возникают новые явления в обществе. Развитие социологии образования продолжается, операционализируются «новые концепты», участвующие в описании современной образовательной реальности. В профессиональный словарь социологии образования привносятся новые метафоры, актуальные сравнения, которые позволяют социологу поставить в центр внимания какие-то особые аспекты социальных явлений.

Концепт выступает глобальной мыслительной единицей, «сгустком смысла», который включает в себя как личностные, индивидуальные смыслы, так и социально-культурные [см.: 6]. Для того чтобы «освободить» концепт от личностных смыслов, необходим процесс операционализации, при помощи которого исследователь отвечает на вопросы:

1. Как я это узнаю, когда я это увижу?
2. Как я буду это измерять? [7, с. 221]

Основываясь на проведенном анализе научной литературы по вопросам концептуализации и операционализации, мы предлагаем следующую модель изучения «новых концептов» социологии:

- Социологическое объяснение будет считаться обоснованным, «если удастся показать, что оно соответствует значениям, используемым индивидами в практике конструирования общественных реальностей» [3, с. 165].
- Операционализация концепта должна быть логичной, не подразумевающей «затемнения» значения концепта или подмену его сути.
- Операциональные определения должны отвечать общеметодологическим требованиям релевантности, валидности, устойчивости, точности, сбалансированности и компактности [8, с. 157].

Процесс операционализации можно обозначить как процесс соединения когнитивных структур исследователя с исследовательской реальностью.

В общем виде исследования в сфере социологии образования можно разделить на две большие группы. Для одной характерны исследования системы образования как института, который обладает специфическими ролью и функциями в обществе, взаимодействует с другими социальными институ-

Один из тезисов социологии образования – понять современное общество во многом возможно благодаря детальному изучению сферы образования.

Концепт выступает глобальной мыслительной единицей, «сгустком смысла», который включает в себя как личностные, индивидуальные смыслы, так и социально-культурные. Для того чтобы «освободить» концепт от личностных смыслов, необходим процесс операционализации. Процесс операционализации можно обозначить как процесс соединения когнитивных структур исследователя с исследовательской реальностью.

тами, оказывает влияние на становление молодого поколения. Для другой группы в центре внимания находится личность, индивид, который выстраивает жизненные траектории, проходит путь профессионального становления, удовлетворяет образовательные потребности, реализуя интеллектуальный потенциал. Таким образом, исследования социологии образования отображают всё многообразие социальных проблем образовательной реальности, которая, в свою очередь, выступает «проекцией» самого общества.

С одной стороны, исследуемые нами концепты «рынок образовательных услуг» и «образовательные потребности», являются устоявшимися в профессиональном словаре категориями. С другой стороны, их широкий диапазон применения оказал влияние на понимание сути сферы образования.

Социологические исследования образования как рынка образовательных услуг

Исследования «рынка образовательных услуг» распространены среди исследователей, идентифицирующих себя со сферой социологии образования. В них рассматриваются региональная специфика системы образования [9], «спрос-предложение» на образовательные услуги, аспекты «вхождения» и особенности функционирования рынка [10]. Взаимосвязь «рынка образовательных услуг» с другими рынками, в частности с рынком труда, исследования развития глобального «рынка образовательных услуг», включение российских «рынков образовательных услуг» в мировые рынки образования и изучение конкурентной борьбы в данной сфере [11] также являются предметом интереса исследователей. Учитывая современную демографическую ситуацию в России, когда количество выпускников школ уменьшается, актуальными становятся исследования молодёжных рынков труда и падения спроса на образовательные услуги [12].

Начиная с 1990-х гг. в российской действительности наблюдались процессы массовизации системы высшего профессионального образования, вузы получали большую автономию, образовывались коммерческие образовательные учреждения, конкуренция за абитуриентов возрастала и продолжает возрастать на сегодняшний день. Новые условия потребовали новых способов изучения образовательной реальности, когда основной интерес исследователей сосредоточен на изучении механизмов и особенностей взаимодействия системы образования с её реальными «потребителями». В таких исследованиях изучаются выпускники школ, гимназий, лицеев, то есть потенциальные абитуриенты и их родители, которые находятся на пороге «входа» на «рынок образовательных услуг».

Так как сфера образования предусматривает взаимодействие всех её участников, регламентированное законодательством и предполагающее предоставление определённых образовательных услуг, финансируемое либо государством, либо родителями учащегося, то применение концепта рынка в отношении системы образования является обоснованным.

Применение концепта рынка в исследованиях социологии образования влечёт за собой изучение таких аспектов современной образовательной реальности, как качество предоставляемой образовательной услуги, установление соответствующей цены, формирование спроса, воспроизводство статусных позиций в ходе получения образования, анализ ситуации «входа и выхода» и многие другие аспекты.

Методология и методика изучения данных аспектов весьма многообразна и включает все основные социологические и маркетинговые способы изучения – опросы, фокус группы, глубинные интервью, экспертное мнение и прочие. Логика проведения исследований является общесоциологической, предполагающей соблюдение и исполнение всех требований и правил к социологическому исследованию. Специфичным становится объект изучения, который на сегодняшний день является характерным для исследований в области социологии образования.

Концепт «рынка образовательных услуг» можно условно обозначить глобальным концептом, который в ходе социологических исследований разворачивается в систему более частных концептов. Когда концепт глобален и требует дальнейшей конкретизации, возникает проблема «двойного кодирования», то есть последующего уточнения смыслов. Так, при изучении «рынка образовательных услуг» роль самостоятельных концептов приобретают понятия конкуренции: характеристики «входа» на рынок образовательных услуг и качество предоставляемого образования, удовлетворение потребностей на рынке образовательных услуг и социальное воспроизводство в рамках института образования. Данные концепты приобретают операционализацию в рамках теоретических моделей конкретных исследований. На наш взгляд, концепт «рынка образовательных услуг» отображает, «схватывает» изменившуюся ценность образования, его инструментальный характер.

На примере проанализированных нами исследований не представилось возможным проследить логику операционализации частных концептов и выявить, каким образом разворачивалась система их оперантов. Хотя, используя предложенную в нашем исследовании схему анализа концепта, было установлено, что концепт рынка образовательных услуг работает, так как открывает новые перспективы развития изучения современной российской образовательной реальности. Его применение повлекло за собой проведение целого ряда эмпирических

Так как сфера образования предусматривает взаимодействие всех её участников, регламентированное законодательством и предполагающее предоставление определённых образовательных услуг, финансируемое либо государством, либо родителями учащегося, то применение концепта рынка в отношении системы образования является обоснованным.

исследований, анализирующих систему образования в качестве рынка образовательных услуг. Тем не менее, его использование и новое социологическое прочтение в исследованиях привело к маркетизации сферы образования, то есть к «привнесению рыночных принципов и практик в сферы, свободные от воздействия рынка, что делает социально-экономическую систему более ориентированной на изучение потребностей клиентов» [13, с. 594].

Для дополнительной конкретизации и понимания тенденций, присутствующих как в сегменте образования, так и в научном языке описания объектов исследования социологии образования, нами был проведён опрос экспертного мнения, в котором приняли участие исследователи в области социологии образования, учителя школ и преподаватели вузов, а также родители учащихся. Дальнейший анализ и интерпретация полученных результатов позволили выделить следующее.

Во-первых, суть и содержание общественных изменений, произошедших в России в 1990-е гг., получили своё отражение, как в изменении ценности самого образования, так и в языке описания объекта исследования социологии образования.

Во-вторых, социальная ценность образования по-прежнему высока, но изменился её характер. Образование становится инструментом для достижения различных целей. Получение образования по определённой специальности ассоциировалось с дальнейшей профессиональной самореализацией в рамках осуществления той или иной трудовой деятельности. Как справедливо заметила одна из наших респонденток, «сейчас я учу детей тех, кого учила в 1990-е гг. Большинству их родителей специальность не была важна, им нужно было получить какое-нибудь образование и куда-нибудь устроиться, чтобы начать зарабатывать», поэтому вопросы профессионального самоопределения перестают быть главенствующими в образовании. Рыночное взаимодействие выстраивается на основе понятий доступности, престижа и востребованности образовательных услуг.

В-третьих, изменение парадигм образования обусловлено изменениями в самом обществе. По мнению другого респондента, участвовавшего в нашем экспертном опросе, «современное образование должно научить ребенка не чему-то, а показать ему, как научиться самому». Образование современного специалиста должно обеспечивать не столько его профессиональные умения и навыки, сколько способность к адаптации, росту конкурентоспособности индивида.

Использование глобального концепта рынка предполагает дихотомическое изучение образовательной реальности. С одной стороны, это исследование образования как «продавца» образовательных услуг, как системы, которая играет

Образование современного специалиста должно обеспечивать не столько его профессиональные умения и навыки, сколько способность к адаптации, росту конкурентоспособности индивида.

определённую роль в обществе и имеет собственные функции, в частности, функцию социального воспроизводства. С другой стороны, это изучение «покупателей», то есть индивидов, которые реализуют свои «образовательные потребности» в ходе образовательного процесса.

Реализация образовательных потребностей в образовательном процессе

Рассмотрение потребностей индивида изначально ближе к психологической науке, но на сегодняшний день концепт «потребности» используется многими направлениями, такими как философия, социология, культурология и прочие.

В рамках психологической науки потребность рассматривается как источник активности [см.: 14, с.18]. В психологии потребность определяется как внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо. Потребности по-разному проявляются в зависимости от ситуационных факторов.

Предметом социологического исследования являются потребности, обусловленные общественной природой человека, которые называют социальными потребностями (social needs). Согласно социологическому определению, потребность это «объективное стремление к потреблению каких-либо материальных или духовных благ для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом. Формой реализации потребности является интерес» [13, с. 237]. В одном из социологических исследований потребность рассматривается как важное связующее звено между обществом, социальной средой и личностью, её внутренним миром [см.: 14, с. 17]. В свою очередь, потребность в образовании – это разновидность социальной, духовной потребности, которая формируется под воздействием различных по своей природе социальных факторов [см.: 14, с. 30].

Образовательные потребности включены во все виды потребностей, они не просто «включены в каждый уровень иерархии потребностей, но являются системообразующей потребностью человека и общества. И в этом смысле относятся к разряду высших, сущностных потребностей общества как социальной системы» [14, с. 32]. Становление общества знания, смена образовательных парадигм оказали своё влияние на понимание образовательной потребности в современных условиях. «Для постиндустриального общества образовательная потребность это средство индивидуализации личности, фактор становления её свободы. В информационном обществе это условие саморазвития и самореализации человека» [14, с. 32].

Потребность является «востребованным» отношением, которое формируется под воздействием различных социальных факторов и общественных институтов.

Потребность является «востребованным» отношением [см.: 14, с. 19], которое формируется под воздействием различных социальных факторов и общественных институтов.

В рассматриваемом исследовании выделяется шесть разновидностей образовательных потребностей, а именно потребности материального роста, статусного продвижения, профессионального совершенствования, морального самоутверждения, социальной адаптации и духовной самореализации [см.: 14, с. 42]. При анализе потребностей необходимо учитывать ряд их сущностных черт [см.: 14, с. 43], таких как социальная обусловленность, системность, в которой отображается комплекс содержательных, процессуальных и результативных характеристик, полисубъектность, полифункциональность, индивидуализация, активность, свобода выбора способов реализации, преемственность.

В результате теоретических рассуждений происходит конкретизация концепта образовательных потребностей – «это обусловленное социальными и культурными детерминантами активно-деятельностное отношение субъекта к сфере знания, являющееся сущностной характеристикой его развития, самоопределения и самореализации» [14, с. 44].

Измерение отношения к учёбе позволяет проанализировать динамику образовательных потребностей и степень заинтересованности учащегося в их реализации. Представления студентов о роли образования в их жизни отображают ценности и нормы учащейся молодёжи, а также социальную и культурную ценность образования в обществе. Изучение планов на продолжение образования и анализ реализации индивидуальных ожиданий выявляют уровень удовлетворённости индивидуальных образовательных потребностей. Самоидентификация студента с профессиональным сообществом и его включённость раскрывают степень соответствия выбранной образовательной и профессиональной траектории учащегося его интересам и предпочтениям, демонстрируют его желание и личную заинтересованность в удовлетворении своих образовательных потребностей. Уровень оправданности ожиданий, в свою очередь, выступает дополнительным контрольным инструментом.

Разработанная в проанализированном исследовании система оперантов, на наш взгляд, удовлетворяет всем общеметодологическим требованиям, предъявляемым к операциональным определениям. Данная система оперантов соответствует концептам, выделенным в целях и задачах рассмотренных исследований, то есть удовлетворяет требованию релевантности. Требование валидности также удовлетворено, так как присутствует корреляция между результатами нескольких исследовательских проектов. Тот факт, что было проведено несколько исследований с использованием данной системы оперантов, свидетельствует об их соответствии требованию

устойчивости и позволяет воспроизводить данную методику в изучении реализации образовательных потребностей в ходе образовательного процесса. Степень детализации изучаемых переменных представляется нам вполне адекватной целям и задачам исследования, что говорит об удовлетворении требования точности. Требование компактности также удовлетворено, так как наличие нескольких исследовательских проектов позволяет косвенно судить об удобности применения данной системы оперантов.

Концепт реализации образовательной потребности оказался весьма значимым в научном дискурсе и практике проведения социологических исследований в сфере социологии образования. Его повторяющееся применение в эмпирических исследованиях соотносится с возникающей необходимостью ориентации на личность, индивида в современной социологии образования. Более того, концепт потребности органично сочетается с концептом рынка образовательных услуг, так как в его рамках происходит удовлетворение образовательных потребностей.

Зачастую в эмпирических исследованиях можно столкнуться со следующим противоречием: авторы указывают, что им удалось измерить потребности, мотивы и установки личности, но в действительности оказывается, что они проанализировали только факторы, оказывающие на них воздействие.

Помимо чисто количественных стратегий исследования требуется применение и качественных методов измерения, таких как, например, глубинное интервью. Ситуация взаимодействия «лицом к лицу» позволяет не только фиксировать предоставляемые респондентом данные, но и наблюдать его реакции, паузы между словами, принимаемые положения и позы тела, таким образом получать более детальную картину исследуемой реальности. Назревание необходимости ориентации на индивида находит своё отображение в языке и профессиональном словаре социологии образования, что фиксируется привнесением психологических концептов в собственно категориальный аппарат данной дисциплины.

Заключение

В социологическом исследовании неизбежно поднимается целый ряд важных вопросов, один из основных – переопределяем ли мы социальную реальность, изучая её [см.: 15, с. 214]? Нет уверенности в том, что конкретное знание, получаемое посредством изучения социальной реальности, может быть генерализовано. Многообразие причинно-следственных связей, которые мы можем установить между социальными явлениями, приводит или, если можно так выразиться, возвращает нас на

Концепт потребности органично сочетается с концептом рынка образовательных услуг, так как в его рамках происходит удовлетворение образовательных потребностей.

Назревание необходимости ориентации на индивида находит своё отображение в языке и профессиональном словаре социологии образования, что фиксируется привнесением психологических концептов в собственно категориальный аппарат данной дисциплины.

очередной виток познания и проведения эмпирических исследований с целью выработки и уточнения социологических теорий. Ведь не только обеспечение качества и достоверности данных является зоной ответственности исследователей, но объяснение описываемого социального явления и прогнозирование его развития также требует отдельного, пристального внимания.

Изучение механизмов возникновения «новых концептов», на наш взгляд, позволяет актуализировать ещё один важный вопрос: что меняется в понимании реальности с их привнесением в профессиональный словарь дисциплины? В нашей работе мы попробовали проследить взаимосвязь общественных изменений и тенденций развития общества с языком описания объекта исследования через призму возникновения и операционализации «новых концептов». Так, концепт «рынка образовательных услуг» повернул исследования социологии образования в сторону маркетинговой направленности. Тем не менее, возникновение и развитие рыночных отношений актуализировало необходимость решения не только маркетинговых проблем, но и проблем на уровне социальной системы и индивидуальных акторов. Так, социальная система ощутила острую потребность в самосохранении и воспроизводстве своих ресурсов, в частности воспроизводстве образовательного потенциала через канал системы образования, что позволяет ей сохранять собственную устойчивость и целостность, с одной стороны, но и приводит к усиливающейся дифференциации и стратификации общества, с другой стороны.

Подобное противоречивое состояние системы требует рассмотрения поведения отдельных индивидов, вовлечённых в рыночные отношения в области образования и социального воспроизводства. В качестве примера были проанализированы исследования, которые оперируют концептом реализации «образовательных потребностей». Это одна из возможных иллюстраций того, как на основе анализа индивидуальных траекторий и предпочтений возможно выявить и спрогнозировать развитие общественных тенденций.

Вопрос о том, что происходит со смыслом концепта, когда он импортируется из одного контекста в другой, так и остался нерешённым. Анализ концептов показывает, что не важно, заимствуется ли концепт из языка повседневной жизни в научный язык или из языка одной научной дисциплины в другую. Если «новый концепт» получает высокий уровень операционализации с соблюдением всех выработанных общеметодологических требований, то он станет использоваться в практике проведения социологических исследований.

Однако зачастую процесс операционализации остаётся «в пределах личной кухни исследователя», за рамками описания исследований. Учёные не всегда уделяют существенное внимание описанию процедуры разработки операциональных

определений. Картина большинства исследований выглядит следующим образом: детальное и подробное описание актуальности темы и прояснение категориального аппарата, рассмотрение процесса концептуализации и затем результаты исследования с их последующей интерпретацией. На наш взгляд, необходимым условием обеспечения точности и высокого качества социологических исследований будет «открытие учёными всех карт». Процесс выработки операциональных определений должен стать открытым не только в специализированных пособиях по методике и методологии социологического исследования для студентов и аспирантов, но и быть необходимым пунктом в практике описания социологических исследований.

Осознание такой потребности обмена опытом операционализации социологических концептов может оказать благоприятное воздействие на формирование универсальности применения социологического метода в описании социальной реальности. Поэтому по-прежнему актуальными остаются рассуждения Д. Дьюи и Р. Рорти [16] о том, что возможно говорить об универсальности метода, если только данный метод имеет универсальную сферу применения. Является ли общество таким, каким оно предстаёт в исследованиях (в нашем случае – сферы образования), а сам социологический метод универсальным – это вопрос, требующий дальнейших рассуждений и дискуссий.

Библиографический список

1. Maasen S. Metaphors and the dynamics of knowledge / Maasen Sabina, Weingart Peter. – L.: Routledge, 2000.
2. Altbach P. G., Reisberg L., Rumbley L. E. Trends in global higher education // Global perspectives on higher education. Vol. 22. Теория, методология и концептуализация. Цит. по: Новые направления в социологической теории. – М.: Прогресс, 1978.
3. Encyclopedia of sociology. 2nd ed. – N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000.
4. Annual Review of Sociology. 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=annurevisoci>.
5. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н. И. Избранные труды. – М.: Лабиринт, 1998.
6. Vogt, W. Paul. Dictionary of statistics and methodology: A nontechnical guide for the social sciences / Vogt, W. Paul; W. Paul Vogt. – Newbury Park, CA, USA: SAGE Publications, 1993.

Процесс выработки операциональных определений должен стать открытым не только в специализированных пособиях по методике и методологии социологического исследования для студентов и аспирантов, но и быть необходимым пунктом в практике описания социологических исследований.

7. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Реальность образования и исследовательские реальности. – М.: ГУ ВШЭ, 2010.
8. Найдёнова Л. И. Современные тенденции в развитии отечественной социологии образования // Социосфера. 2011. №1.
9. Поправко Н. В., Рыкун А. Ю. Социологический анализ локального рынка образовательных услуг: проблемы методологии и концептуализации в рамках оформления экспертной позиции // Экспертиза инновационных процессов в образовании: Подходы к проблеме экспертизы в образовании. Кн. I. Материалы III Всероссийской конференции «Традиционные и инновационные процессы в образовании: экспертиза как способ развития образовательных практик». – Томск, 15-16 октября 1998 г. Томск, 1999.
10. Русанов Д. В. Региональный университет в условиях глобализации: особенности социологического исследования [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209559296.pdf.
11. Логунова О. С. Социально-профессиональная стратегия вуза и образовательное поведение молодёжи: методология социологического анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://tinyurl.com/3b3h3ox>.
12. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. – М., Мысль, 2003.
13. Тейтельман Н. Б. Потребности в образовании студентов негосударственных вузов. Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург, 2004.
14. Kong-Ming P. The personal identification of the interviewer // The American Journal of Sociology. 1956. Vol. 62.
15. Дьюи Дж. Реконструкция в философии // Сочинения. – М.: Логос, 2001.

Язык и социальные трансформации

Предметное поле социологии языка

Макушева Мария Олеговна – аспирантка
кафедры истории и теории социологии
РГПУ им. А. И. Герцена

E-mail: makushevam@gmail.com

Предметное поле социологии языка

Аннотация

В статье намечены перспективы кроссдисциплинарных исследований на стыке социологии и социолингвистики и дана схема анализа языковой проблематики в социологии. Цель статьи состоит в обосновании методологической значимости использования языковых данных в социологическом исследовании.

Ключевые слова: язык, речь, социолект, социальная группа, социальный статус, социальная структура, социальная практика, социализация

«Язык захватывает мир», как выразился по поводу лингвистического поворота в социогуманитарных дисциплинах философ Ричард Рорти. В первую очередь он имел в виду мир академический. И действительно, иначе как масштабным захватом (или, скажем, наводнением) этот поворот назвать было сложно. Многие дисциплины, особенно философия, культурная антропология и когнитивная психология, нашли в пространстве языковых исследований свой интерес, и наоборот: в родной предметной области отыскивали ключ к особому пониманию языковых процессов и явлений. В статье предполагается осветить специфику поворота к языку в социологии – уже отчасти состоявшегося и ещё только намечающегося в большинстве тем.

Среди ключевых идей, в контексте которых невозможно игнорировать активную роль языка в обществе, можно назвать следующие:

1. Идею о влиянии грамматической структуры и концептов естественного языка на мышление и поведение индивидов (Э. Сепир, Б. Уорф, Р. Браун, Б. Берлин, П. Кей, Э. Рош, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

2. Идею о социальной дифференциации языка, в соответствии с которой между языковыми и социальными переменными наблюдается не случайная, но закономерная связь (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Дж. Л. Фишер, Б. Бернштайн, Дж. Гамперц, У. Лабов, Д. Хаймс и др.).

3. Идею о языковом знаке как идеологическом феномене, отражающем исторический опыт членов группы и её социальные интересы, а также являющемся полем борьбы между социальными агентами (Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, М. Фуко, Р. Барт и др.).

4. Идею о дискурсе как совокупности высказываний на определенную тему, производимых социальной группой или институтом, которая организована вокруг определённого концептуального ядра; а также о дискурсивных практиках, опосредующих другие виды социальных практик (М. Пешо, Н. Фэркло, М. Лакло, Ш. Муфф и др.).

Далее будет рассмотрен ряд ключевых проблем на стыке язык – общество и сделана попытка выявить специфику поворота к языку в социологии. Будет показано, что изучение языковых фактов – не чуждая для социологии область, что она имеет свои предпосылки в теории, пусть и фигурируя в ней под разными именами. Задача – интерпретировать главные достижения социально-языкового анализа в социологическом ключе и наметить границы дисциплины «социология языка».

Определение понятий

В первую очередь дадим языку релевантное для социологии определение. Комплексное определение языка должно отражать как его главную функцию – средства общения, так и его более широкую роль в жизни общества. Итак, язык в социологии может пониматься как часть культуры общества, обеспечивающая индивидов и группы концептуальным аппаратом для передачи и интерпретации информации, а также в символическом виде репрезентирующая типичный и значимый опыт социальных субъектов.

Первое, на что нужно обратить внимание, – это вопрос о связи языка и группы его носителей. Связь социальной структуры группы, её деятельности и языка закономерно вытекает из функционального понимания языка как инструмента, подстраивающегося под общественные потребности. Эта достаточно очевидная связь подтверждается, например, так называемым феноменом неравномерности концептуализации [1]. Концептуальный аппарат группы отражает её типичный опыт и складывающиеся в процессе жизнедеятельности структурные и социально-психологические особенности социальной организации.

Очевидно также, что сложной иерархической системе социальных отношений будет сопутствовать соответствующая лингвистическая система обращений, норм вежливости и так далее.

Язык в социологии может пониматься как часть культуры общества, обеспечивающая индивидов и группы концептуальным аппаратом для передачи и интерпретации информации, а также в символическом виде репрезентирующая типичный и значимый опыт социальных субъектов.

От типичных ситуаций общения и от деятельности людей в целом, от всей суммы их опыта зависит также то, какое место в её жизни отдается языку и речевым практикам, какие типы коммуникации наиболее распространены, какой тип речевого поведения и в каких ситуациях является предпочтительным [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Не секрет, что в разных ситуациях и в разных группах общение выполняет отличные функции – от сухой передачи сведений в докладах военных до несущих исключительно эмоциональную информацию дружеских «подбадриваний» или выкриков фанатов на стадионе. Интересен с этой точки зрения феномен языка дореволюционного аристократического салона как пример кода, обеспечивающего изящную беседу как нечто самоцельное. Интересен и подростковый жаргон, который, главным образом, демонстрирует принадлежность к группе и противопоставляет его носителя «миру взрослых». То есть складывается система установок относительно языка, которая определяет, каким будет (структурно, стилистически и лексически) языковой код группы. Здесь мы видим опосредованное влияние социальной структуры на язык через уровень социальной психологии – систему установок. Так, каждая группа может быть проанализирована в связи с используемым ею языком: его функциями, стилем и концептуальным аппаратом, что может открыть для социолога много нового в её жизненном мире.

Стоит отметить, что социолингвисты и антропологи, изучающие зависимость языка от социальной структуры, используют ту же систему понятий и дихотомий, что и социологи, что упрощает теоретический синтез. В теории Дж. Фишера [5], например, речь идет о просто- и сложноорганизованных обществах, понимаемых совершенно в духе Э. Дюркгейма. Дифференцированная система статусов и ролей требует, по мнению Фишера, более сложного языка. Это связано с тем, что, в отличие от простого общества, индивиды уже не похожи друг на друга, имеют отличный социальный опыт и не могут апеллировать к общим ситуациям и значениям. Соответственно, им нужно много абстрактных понятий, которые можно комбинировать между собой, достигая конкретности. Параллели можно провести и с теориями Г. Спенсера, Ф. Тённиса и др.

Ещё одна значимая тема для анализа – это репрезентация групп в языке нормативно-ценностных систем. Тема языка как идеологического феномена изучалась множеством исследователей. Если вкратце описать их центральные положения, то можно сказать, что языковой знак и язык в целом, поскольку они опосредуют видение социальной реальности, есть арена борьбы между различными группами интересов. Каждая группа продуцирует идеологии, которые являются по сути рационализацией и натурализацией их социальных интересов.

Социолингвисты и антропологи, изучающие зависимость языка от социальной структуры, используют ту же систему понятий и дихотомий, что и социологи, что упрощает теоретический синтез.

Языковой знак и язык в целом, поскольку они опосредуют видение социальной реальности, есть арена борьбы между различными группами интересов.

Те, кому удалось зафиксировать свою идеологию в знаке, получают преимущества перед другими, так как реализуемые ими практики выглядят через призму знака легитимными.

Эти идеи мы находим, во-первых, у М. М. Бахтина, которому принадлежит определение знака как «арены идеологической борьбы» [2]; во-вторых, у Р. Барта [8, 9, 10]; в-третьих, у П. Бурдьё [11], который раскрывает механизм установления власти посредством насаждения единого языка; а также у теоретиков дискурс-анализа [12].

Многие работы, осуществлённые в русле этой проблематики, являются социологическими. Главное отличие от семиотики, также исследующей символически опосредованные практики, заключается в фокусе исследования. Семиотика рассматривает отношения между знаками, социологию же интересуют социальные отношения в связи со знаками, их фиксирующими. Причём как в статическом, так и в динамическом срезе. То есть, глядя на практику или институт, стоит задаться вопросом о том, кто, в какой ситуации и в каком значении употребляет ключевые для этой практики или института концепты? Идеология чьей группы и по каким причинам была отражена в этих концептах? Какая сфера повлияла на «словарь» интересующей нас области и почему?

Показательно одно исследование, проведённое Н. Фэркло [13]. Он рассматривает процесс развития рыночных отношений в связи с распространением маркетингового дискурса. То есть рынок подчиняет себе через ряд экономических механизмов все прочие сферы. А специфический маркетинговый дискурс, в свою очередь, подчиняет себе дискурсивные практики разнообразных общественных институтов (образование, здравоохранение, культура). Данный процесс Фэркло обозначает термином «маркетизация дискурса».

Самая обширная на данный момент область исследований связи языка и общества – это исследование вариативности языка в связи с социальной стратификацией. Дифференцированное социальное пространство порождает иные языковые отличия, нежели диалектные. В социолингвистической теории они получили название социолекта. Данное понятие относится уже не к языковой системе, но к её реализации на практике – к речи.

В исследованиях этой тематики, проводимых в рамках социолингвистики, выделяют три волны [14]. Количественные исследования первой волны были инициированы У. Лабовым в его работе о социальной стратификации английского в Нью-Йорке [15]. В фокусе интереса учёных здесь были отношения между лингвистическими вариациями и социальными категориями (класс, пол, возраст, этническая принадлежность). Вторая волна задействовала этнографические методы чтобы найти отношения между вариациями и локальной культурой.

К ней можно отнести работы Л. Милрой [16], Дж. Чешир [17]. Третья волна отталкивается от первых двух и фокусируется на социальном значении вариативности. Наибольшую известность имеет школа социолингвистики Стенфордского университета и её представители – П. Эккерт, Р. Рикфорд, Дж. Холмс. Ими предложено понимание языка как социальной практики, реализуемой разными группами в сообществе в связи с их социальной идентичностью и лояльностью нормам более широких общественных категорий [18, 19].

В рамках социологической теории речь можно определить как социальную практику, то есть, с одной стороны, как совокупность норм, регулирующих и структурирующих использование языка для различных по социальному положению субъектов; с другой стороны, как процесс такого использования, реализации уже существующей практики.

Язык в фокусе социологического исследования

В целом, изучение речи в её социальной вариативности – главная тема социолингвистики, поэтому именно здесь накоплен основной массив данных и сделан ряд интересных для социологии выводов. Отличие социологии от социолингвистики здесь опять-таки заключается в фокусе интереса исследователя. Если мы задаёмся целью проанализировать экстралингвистические факторы, влияющие на язык, то уходим в область лингвистики. Если же наша задача – глубже понять социальный феномен, обратившись к его языковой репрезентации, то это социологическое исследование с использованием данных естественного языка.

Центральный тезис направления, изучающего социальную дифференциацию языка, можно сформулировать так: языковые переменные связаны с социальными переменными и связь эта носит не случайный, но регулярный и закономерный характер. Исследования в этой сфере сосредоточивались, по большому счёту, на двух главных социальных переменных, которые, накладываясь друг на друга, образуют совокупность речевых стилей общества: социальная ситуация (контекст общения) и социальное положение говорящих. Позднее к ним добавилось особое гендерное измерение, накладывающееся на социальное положение. Если социолингвистов по большей части интересовало то, какие последствия для языка имеет социальное расслоение и различие говорящих по половому признаку, то социолог из исследования подобного материала сможет извлечь полезные данные о самой социальной структуре и жизни соответствующих групп. Для того чтобы подобный анализ стал возможен, в рамки социологии необходимо

В рамках социологической теории речь можно определить как социальную практику, то есть, с одной стороны, как совокупность норм, регулирующих и структурирующих использование языка для различных по социальному положению субъектов; с другой стороны, как процесс такого использования, реализации уже существующей практики.

Центральный тезис направления, изучающего социальную дифференциацию языка, можно сформулировать так: языковые переменные связаны с социальными переменными и связь эта носит не случайный, но регулярный и закономерный характер.

включить данные, собранные социологами, и интерпретировать в релевантном для социологии ключе сформулированные ими закономерности.

Ранее мы определили речь как совокупность норм, с одной стороны, и их реализацию на практике, с другой. Упомянутые нормы можно представить в рамках социологической теории как аспекты ролевого поведения, типичные ожидания, предъявляемые к носителю определённого статуса в определённой ситуации. Такое понимание речи через призму понятия социальной роли поможет рассмотреть её не только статично, но и как процесс, и включить в анализ не только структурные, но и ситуативные характеристики. Анализ речевых практик не может протекать иначе, чем с обращением к обоим факторам – статусу и ситуации, в которой активизируется тот или иной статус. Между языком и социальным статусом можно провести несколько параллелей. Во-первых, это система интериоризованных индивидом установок и паттернов речевого поведения, характерных для определённого участка социальной структуры. Во-вторых, это предпочтительные языковые средства для носителя данного статуса. В-третьих, это предписанное речевое поведение других в отношении носителя данного статуса.

В языковой социальной практике необходимо различать два аспекта: рутинный или привычный и стратегический. Под рутинной мы понимаем обычное, часто повторяющееся действие члена группы. Относительно нашей темы это типичные для членов группы стилистические особенности речи, концептуальный набор, грамматические конструкции, связанные с функциями общения в группе; особенности семантического наполнения ключевых концептов, связанные с типичным опытом членов группы и их социальными интересами.

Стратегические аспекты связаны с выбором между имеющими социальный смысл языковыми вариантами. Языковые нормы, выработанные различными группами, маркируются в соответствии со своей социальной принадлежностью. На основании этого они служат средством социальной типизации и селекции, критерием оценки агентов. Таким образом, мы можем понимать индивидуальный выбор между существующими практиками как часть более общей стратегии поведения агента. Сознательное следование престижным либо стигматизированным вариантам может пониматься как попытка присоединиться, как манифестация социальной идентичности. Стратегические аспекты в речи выводят нас на уровень социальной структуры в её субъективном измерении, то есть установок и оценок.

Для понимания функционирования языковой системы в обществе важно обратить внимание на механизм обратной связи, оказываемый языком на социальную организацию.

Опосредующим звеном между обществом и языком является поведение отдельных носителей и социальных групп. При этом обратная связь может быть прослежена на нескольких уровнях.

Синтезирував идеи об определяющей роли языка в мышлении и поведении с классическими и современными социологическими теориями, мы можем выявить следующий механизм:

- во-первых, категории и грамматические структуры естественного языка, отражающие структурную организацию и культурные особенности социальной среды, усваиваются индивидом в процессе социализации;
- во-вторых, их применение для осмысления окружающей реальности и выстраивание собственной картины мира; то есть на практике категории работают как модели восприятия, оценивания и действия;
- в-третьих, воспроизводство структурных условий социализации через поведение, структурированное языковыми категориями.

Чтобы обосновать связь языка с мышлением и поведением, нужно обратиться к огромному багажу когнитивной лингвистики и психологии [20, 21, 22, 23, 24, 25], накопленному на базе так называемой гипотезы Сепира-Уорфа [26]. Нет ничего такого в нашем сознании, чего не было в языке, – вот, пожалуй, главная мысль данного направления. Язык – это концептуальная сетка, на которую накладывается наш опыт повседневной жизни. Получаемая от внешнего мира информация интерпретируется исходя из тех понятий, которыми владеет индивид. Социологические параллели легко найти в рамках теории определения ситуации, развитой в интеракционистской школе или концепции фреймов И. Гофмана.

Индивид сталкивается с языком как с внешней по отношению к нему реальностью, как с социальным фактом (в терминологии Э. Дюркгейма). «Социальный факт» в теории учёного – это коллективное представление, которое имеет принудительный характер [27]. Оно обеспечивает преемственность и стабильность, потому что новое поколение вынуждено усваивать созданную предками систему диспозиций. А она связана с существующей системой норм и ценностей, со сложившейся социальной структурой и институтами.

От того, какими концептами пользуется человек для описания того или иного предмета, определяется его отношение и поведение относительно этого предмета, что обеспечивает сравнительную гомогенность поведения индивидов из одной социальной среды и его предсказуемость.

От того, какими концептами пользуется человек для описания того или иного предмета, определяется его отношение и поведение относительно этого предмета, что обеспечивает сравнительную гомогенность поведения индивидов из одной социальной среды и его предсказуемость.

В утверждение о том, что язык участвует в формировании опыта, включается в том числе и опыт осознания себя как социального субъекта и формирования идентичности. Применяя к себе, своим представлениям, эмоциональной сфере языковой концепт, мы вписываем себя в существующую в нашей культуре систему диспозиций и даём себе определение. Так формируется идентичность.

Здесь можно сослаться на идеи Дж. Г. Мида. В рамках интеракционистской школы была разработана концепция значимого символа [28], связанного в мидовской социально-антропологической теории со становлением человека как существа социального. Языковой знак обезличен и фиксирует общее в частном опыте. Поэтому он помогает, с одной стороны, общению и взаимопониманию разных субъектов. С другой, делает их опыт, прошедший сквозь общую сеть концептов, действительно похожим. Можно сделать вывод об определяющей роли языка в формировании и поддержании коллективной системы представлений (в том числе нормативно-ценностной системы общества), в её трансляции новым поколениям, о чём говорят, например, представители феноменологической школы П. Бергер и Т. Лукман [29], или Т. Парсонс [30], у которого культура выполняет функцию сохранения образца.

Если обратиться к веберовской социологии, то близкой к данной проблематике кажется его теория мотивации. Субъективный смысл социального действия черпается, по Веберу, из культуры. А её, в свою очередь, можно представить как совокупность концептов-конвенций, сформированных данным обществом. Например, «капитализм» – это крайне расплывчатое понятие, имеющее различные коннотации в разных социальных общностях. И поведение участников рыночного взаимодействия будет исходить из их понимания «капиталистических отношений». Соответственно, чтобы понять поведение, нужно проанализировать понятие, руководящее им.

Следует дополнить эти рассуждения синтетическими теориями Э. Гидденса [31] или П. Бурдьё [32], которые позволяют увидеть как влияние структуры, так и роль социального действия, то у нас получится замкнутый круг, переход от габитуса к практике или процесс структуризации: язык отражает существующую систему отношений в символической форме и затем, через поведение носителей, участвует в её воспроизводстве.

Можно взглянуть на проблему языка шире – попытаться рассмотреть роль языкового знака в лингвистических сферах жизни общества.

При тщательном изучении структуры любого социального института или социальной практики, становится очевидна огромная роль в них коммуникации значений, осуществляемой вербально, и ключевых понятий. О роли языка в процессе фор-

мирования социальных институтов рассуждает Дж. Р. Сёрль [33]. Социальный институт, помимо отражения в своей нормативной системе грамматических правил и семантических связей языка, требует для своего существования лингвистических компонентов. Вся культура института, его нормы, его история, его опыт фиксированы в языке. Те же идеи относительно существования социальной организации высказывали представители организационного анализа, например С. Титц, Л. Коэн, Дж. Массон [34].

Можно сказать, что большинство современных социальных институтов без соответствующих понятий просто не существуют. Поведение людей в них определяется такими понятиями, как «демократия», «капитализм», «социальная справедливость», «гибкость», «инновации», то есть является лингвистически опосредованным.

Влияние языковых феноменов на социальную жизнь станет ещё очевиднее, если задаться вопросом о том, как образуются эти ключевые для существования института понятия. Взглянув на современные социальные институты с генетической точки зрения, можно проследить, какие группы стояли у истоков их формирования. Соответственно, можно установить связь между специфическим этосом данной группы и ключевыми понятиями, лежащими в основе института, его нормативно-ценностным комплексом, зафиксированном в языке. Особенно важен этот аспект в контексте изучения социальных институтов, являющихся агентами социальной селекции.

Представляется возможным также проанализировать механизм, с помощью которого речь влияет на социальную организацию. Ранее мы сказали, что социальные отличия в речи таковы, что по ним можно идентифицировать место группы в социальной структуре. То есть социально-дифференцированные речевые практики относятся к сфере социальных различий [35]. Каждая позиция в обществе не существует сама по себе, но определена лишь по отношению к другим позициям. Это отношение выражается в знаках отличия. Целостным выражением таковых является образ жизни, который включает в себя все поведенческие проявления агентов, находящихся в сходном участке социальной структуры: практики потребления и развлечения, отношение к телу, речь и т. д.

На практике они работают не только как средства социального типизирования (отнесения агента к какой-то позиции), но и как средство селекции, в чём проявляется обратное влияние речевых практик на общество. Например, исследования Б. Бернстайна по социологии образования и сформулированная им теория образовательных неудач [36, 37] демонстрируют, как представители рабочего класса систематически отбраковываются системой образования. Будучи носителями ограни-

Большинство современных социальных институтов без соответствующих понятий просто не существуют.

ченного кода, они считаются непригодными не только и не столько потому, что их концептуальный аппарат недостаточен для овладения знаниями, но и потому, что их языковой код стигматизирован в рамках института образования, являющегося легитимным агентом социальной селекции.

Резюме

На пересечении обозначенных тем, занимающих весь комплекс социогуманитарных наук, находится проблематика социологии языка. Мы бы сформулировали её как зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах. На первый взгляд значение этой темы чисто методологическое. Эта мысль не нова и занимала ещё основоположников антропологии. Некоторые из них рассматривали языковые исследования как основу науки о человеке, поскольку язык представляет собой звено между биологическим и социокультурным уровнями. Другие видели в лингвистике, как наиболее разработанной из всего социогуманитарного комплекса науке, образец общей методологии для исследования структуры человеческого поведения. Действительно, язык как явление, родственное любым культурным феноменам, но, в отличие от них, более доступное для анализа, может служить своего рода ключом. Он может, например, облегчить доступ к уровню практического, невербализуемого сознания, так как в языке фиксировано то же знание, что лежит в основе всей деятельности социальных субъектов.

Адаптация для социологии данных о социальном варьировании в речи помогает создать картину социальной дифференциации в её субъективном аспекте, который сложно поддаётся изучению традиционными методами.

Проблематика социологии языка – это зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах, потому, если нас интересует состояние и перспективы развития национального языка как базовой составляющих культуры и идентичности, следует наблюдать за различными тенденциями в речи, обусловленными социальными факторами. Таким образом, речь и язык не могут игнорироваться ни общей социологической теорией, ни дисциплинами среднего уровня.

Библиографический список

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 2000.

Проблематика социологии языка – это зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах.

2. Алпатов В. Н. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательство, 2005.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. – М.: Издательство, 1996. С. 159-206.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
6. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Отечественные записки». № 2, 2005. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040>.
7. Бурдьё П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001.
8. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3, Т. 6. С. 25-48.
9. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. VII. – Социолингвистика. М., 1975.
10. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянских культур, 2004.
14. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
15. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.
16. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Издательство МГУ, 1979.
17. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. – М.: ИНИОН РАН, 2009.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000.
19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательство, 1993.

20. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006.
21. Фишер Дж. Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
22. Хаймс Д. Два типа лингвистической относительности // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
23. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
24. Титц С., Коэн Л., Массон Д. Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
25. Bernstein B. Class, codes and control. Volume I. Theoretical studies toward a sociology of language. – L.: Routledge., 2003.
26. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – L.: Rutledge, 2003.
27. Searle J. The Construction of Social Reality // Романова А. Реферативный пер. с англ. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>.

Язык и социальные трансформации

Роль языкового аспекта в государствообразующем процессе: опыт Италии

Егорова Майя Александровна –
кандидат политических наук,
старший преподаватель РУДН

E-mail: mey1@list.ru

Роль языкового аспекта в государствообразующем процессе: опыт Италии

Аннотация

В последнее время в политической науке большое значение отводится изучению языковых (этноязыковых) процессов, т. к. языковое разнообразие, являясь богатством государства, несёт в себе потенциальную конфликтогенную составляющую. Данная статья рассматривает язык и как базу для формирования государства, и как возможную причину сепаратизма этноязыковых территорий.

Ключевые слова: язык, диалект, нация, этнические меньшинства, сецессия, государство, регион, идентичность, литература, Италия, Падания, Лига Севера

Научный дискурс о том, является ли языковой аспект доминирующим в построении единого государства, возник одновременно с появлением самих государств. В настоящее время он приобрёл актуальность в связи с тем, что для многих государств мира он стал не цементирующей составляющей, а напротив, превратился в *casus belli*.

В истории существовали примеры, когда язык одного из городов или региона становился языком складывающегося государства и одновременно базой для формирования его общенационального единства, общей культуры и идентичности.

Рассмотрим один из таких примеров.

Флорентийский диалект и его роль в истории итальянской государственности

Итальянское государство достаточно молодое по сравнению со многими странами Европы. Однако история Апеннинского полуострова, начиная со времён Римской империи, имеет богатое языковое прошлое. Расширение Римской империи было направлено как на Запад, так и на Восток от столицы в Риме. Вынося за скобки политические, экономические и военные составляющие в этом процессе, обратимся к культурно-языковому аспекту.

Одновременно с быстрыми военными успехами, способствовавшими стремительному продвижению империи по европейскому континенту, шёл не менее стремительный процесс латинизации присоединённых народов. Быстрота и успешность этого процесса объясняется не только тем, что языки завоёванных территорий не имели цели выйти за пределы своего изначального ареала. Основной причиной скорее было то, что язык завоевателей нёс в себе превосходящую римскую культуру, уже впитавшую в себя великую древнегреческую культуру, а также превосходную римскую социальную организацию, неведомую на тот момент варварским племенам окраин формирующейся империи. Таким образом, латинский язык стал языком престижа, образования и культуры, что рано или поздно должно было превратить его в доминирующий язык империи, навсегда уничтожив короткий период билингвизма. Исключение тут составлял разве что греческий язык, что объясняется огромной ролью греческой мифологии, философии и литературы в формировании римской культуры.

О латинском языке нельзя говорить, не разделяя его на латинский образованных людей, предназначенный для ораторских выступлений, администрирования и литературы, и на латинский повседневного общения, который, в отличие от первого, имел множественные локализмы.

И здесь мы подходим к ключевому моменту, заложившему языковое разнообразие на европейском континенте. Языковая унификация на территории, входившей в Римскую империю, расшаталась одновременно с самой империей и закончилась тогда же, когда империя пала под ударами варваров. Этот момент стал пусковым для появления романских языков.

Возвращаясь к Италии надо отметить, что латинский язык изначально зародился в регионе Лациум (ит. Лацио), на территории которого расположен Рим. Усиление Рима способствовало распространению латинского языка на итальянском полуострове. Однако одновременно со становлением мощных процветающих городов-государств на этой территории лингвистическое многообразие стало более выраженным. Данте Алигьери, поэт и один из основоположников литературного итальянского языка, в первой части работы «*Il De Vulgari Eloquentia*» (трактат «О народном красноречии») доказывал историческое и культурное превосходство местных диалектов над латинским языком. Данте пришёл к выводу, что на территории полуострова существуют четырнадцать итальянских диалектов, ни один из которых, по мнению Данте, не совершен настолько, чтобы стать литературным языком для Италии вместо далёкого от повседневной жизни латинского, однако он рассуждает о том, что идея такого языка уже витает над полуостровом и поэты в своих песнях стремятся к ней. Таким

языком, который свободен от любых форм официоза, но при этом такой же устоявшийся, как латинский, он называет «illustrious vernacular» (дословно: «прославленный диалект») [см.: 1-2].

Казалось бы, авторитет Католической церкви, базирующейся в Риме, мог способствовать возвышению римского диалекта, однако латинский прочно закрепился как язык католического богослужения и в целом института Римско-католической Церкви. Города-государства сохраняли свою независимость и лавировали в конфронтациях между папским Римом и мощными монархиями Европы (прежде всего Францией и Германской («Священной») империей).

Роль литературы в формировании единого языка

Италия являет собой пример того, что роль литературы в становлении единого языкового пространства, а вслед за этим и политического, не может быть переоценённой.

Итальянская литература получила наибольший расцвет в XIV в., когда три современника и друга – Данте, Боккаччо и Петрарка – на своём родном флорентийском диалекте¹ создавали произведения, сделавшие славу как им самим, так и всей итальянской культуре. Их поэтический успех не только вывел итальянскую литературу на новый уровень, но и способствовал тому, что их родной тосканский диалект получил особый престижный статус и стал языком литературы того времени, постепенно окончательно подавив римский диалект и распространившись как язык литературы далеко за пределы Тосканы.

В конце XIX в., когда образовалось единое итальянское государство, именно литературная версия тосканского диалекта была взята за основу будущего итальянского языка. Во многом это было связано с деятельностью ещё одного поэта и патриота Алессандро Мандзони, борца за *Risorgimento* (объединение Италии) и против австрийского господства, который был защитником тосканской традиции, в т. ч. и литературной, и чей роман «Обручённые» стал важной вехой на пути формирования единого итальянского языка.

Таким образом, можно утверждать, что литература, особенно в её письменной форме, распространяющейся на века, является тем ключевым элементом, который способствует формированию единого языка. С другой стороны, велика и роль политической составляющей, заинтересованной в возвышении того или иного языка или диалекта. Эта составляющая

¹ Входит в северную группу тосканского диалекта/языка, является формой тосканского диалекта, одновременно служа базой для стандартного итальянского языка с момента образования единого Королевства Италия в 1861 г.

может быть направлена как в сторону образования национального государства, опираясь на престиж определённого языка, так и в сторону борьбы субгосударственного образования за свою независимость.

Рассмотрим роль языка в изменении политической конфигурации государств.

Политика и язык: казус Падани

Молодое итальянское государство, объединившись в необходимости реагировать на происходящие в Европе политические изменения, в частности на падение империи Наполеона и на попытки Австрии контролировать итальянский полуостров, на деле до сих пор остаётся государством с сильными региональными различиями.

В целом, основные линии размежевания проходят таким образом, что Италия разделяется ими на три формальные части: Северную, Центральную и Южную. При этом возможно и более мелкое дробление¹.

Критерии, по которым проходят эти деления, достаточно многочисленны: это и историческое прошлое, и культурные традиции, и особенности экономического развития, и языковые различия. Всё это влияет на политическое единство страны и является предметом спекуляций для политических партий.

Некоторые учёные считают, что одним из самых больших достижений Risorgimento стало повсеместное распространение стандартного итальянского языка наряду или даже вместо местных диалектов, что является веским знаком того, что итальянская нация всё-таки сложилась. В то же время есть факты, несколько противоречащие этому мнению. Как на Севере, так и на Юге ещё сохраняется целый калейдоскоп диалектов и языков национальных меньшинств Италии. На диалектах говорят жители островов (Сицилия, Сардиния). В пограничных с европейскими странами регионах, где проживают этнические меньшинства, по-прежнему сохраняется лингвистическое разнообразие, закреплённое конституцией Италии. В частности, в Южном Тироле официальный язык – немецкий; Вале-д’Аоста остаётся франкофонной областью, родной язык коренного населения – арпитанский (франкопровансальский), французский язык имеет официальный статус, в городе Гресоней (Gressoney) также используется немецкий горно-аллеманнский диалект.

¹ В Италии существует ряд регионов, в которых достаточно высок процент сторонников получения максимально широкой автономии, вплоть до сецессии (Сицилия, Венето и др.), или желающих отделиться с дальнейшим возможным вхождением в состав другого государства (например, в Южном Тироле был высок процент сторонников вхождения в состав Австрии).

Север Италии, получивший название Падания (по реке По (Padus), отделяющей северную часть страны от центральной) являет собой яркий пример становления идентичности и роста требований политической и экономической самостоятельности от центра, в том числе и на основе языковых особенностей.

Сама Падания – территория достаточно абстрактная в том плане, что у неё нет чётко определённых границ, и на деле её воплощение может иметь три варианта. Как гласит Декларация Независимости от 15 сентября 1996 г., принятая Лигой Севера [см.: 3-4]) – партией, выступающей за отделение Севера Италии, – в географически самом полном варианте Падания включает в себя все итальянские регионы севернее Рима, т. к. согласно позиции Лиги, эти территории обладают экономической эффективностью и являются носителями гражданских традиций. Территории с не внушающей доверия «южной культурой», в том числе Лацио (район вокруг Рима), в Паданию, согласно Декларации, не входят [см.: 5] (см. рис. 1).

Рис. 1. Падания

Однако подобное деление порождает ряд противоречий, мешающих построению Лигой гомогенизированной идентичности. Они связаны с тем, что включённые в Паданию центральные районы в культурном плане (и особенно в плане диалектов) ближе к остальной Италии, чем к северным регионам. Границы Падании проходят по линии «La Spezia – Rimini line»

(линия «Ла Специя – Римини»), иногда называемой «Massa-Senigallia Line» (линия «Масса-Сенигаллия»), отделяющей Северную Италию от Центральной и Южной на основе языковых различий¹. Так, северный итальянский считается родственным испанскому, французскому и португальскому языкам, которые представляют западную романскую группу. По своей структуре и особенностям исторического развития они близки галло-романским языкам и часто называются галло-итальянскими. Многие из северных диалектов нередко рассматриваются как отдельные языки. Стандартный итальянский центральной, восточной и южной частей Италии представляет собой восточную романскую группу, в которую также входят румынский, меглено-румынский и истро-румынский языки [см.: 6] (см. рис. 2).

Рис. 2. Линия «La Spezia-Rimini»

В ответ на лингвистические противоречия Лига предлагает второй, редуцированный вариант будущего государства, основанный на географическом делении. В соответствии с ним Падания может состоять из территорий, расположенных на равнине вокруг реки По и отделённых от остальной Италии естественными границами. В Паданию, таким образом, войдут самые конкурентоспособные северные области (Ломбардия, Пьемонт, Эмилия-Романья и Венето), населённые сообществом людей с общей идентичностью², отмеченных наследием

¹ Удивительным образом эта линия почти совпадает с линией фронта между немецкими и англо-американскими войсками, образовавшейся вскоре после выхода Италии из Второй мировой войны в 1943 г. Англо-американская армия довольно долго не могла прорвать оборону вермахта на этой линии (прим. ред.).

² В качестве подтверждения существования общей идентичности Лига пытается создать общую историю Северной Италии. Так, она преподносит историю ломбардийцев или паданийцев как традиционный пример борьбы с централизованным и хищническим государством – «Левиафаном», используя в качестве подтверждения деятельность миланского епископа св. Амвросия Медиоланского (ок. 340-397; лат. Sanctus Ambrosius) и борьбу в XII в. Ломбардской Лиги против императоров Фридриха Барбароссы и Фридриха II. Однако подобные факты – скорее исключение. Что касается регионализма Милана или Венеции, то с исторической точки зрения эти примеры более показательны, хотя и несут в себе угрозу усиления региональной идентичности этих городов уже в рамках Падании.

до-романской кельтской цивилизации, которые не только более гомогенизированы в культурном плане, но и чьи диалекты сильно отличаются от диалектов остальной части страны. С другой стороны, для Лиги здесь кроется ещё одна опасность, связанная с сильной субидентичностью в северных регионах, особенно, в Венето, чей диалект и связь со славным прошлым Венецианской республики способствуют усилению её регионального партикуляризма.

Что касается общей идентичности Севера на основе кельтского прошлого, то известный исследователь Италии, старший научный сотрудник Центра политологии в Свободном Брюссельском университете (Vrije Universiteit Brussel) (Бельгия) Мишель Хёйссен в работе «Secession, History and the Social Sciences» («Сецессия, история и социальные науки») пишет, что периодические вторжения Испании, Франции и Австрии не повлияли так существенно на потомков северян, как турки, арабы и норманны на южан. При этом он считает, что неправильно говорить об общей этничности паданийцев, т. к. после Второй мировой войны огромное количество жителей Юга хлынули на Север в поисках работы и наводнили большие города, смешиваясь с местным населением. Но существует и то, что, по его мнению, отличает Паданию от остальной части страны – это культурологические и экономические элементы, которые стали особенно актуальными в последние десятилетия [см.: 7].

Падания, успешно прошедшая модернизацию, не сумела стать монолитным регионом по целому ряду причин, главными из которых, являются её внутриэкономическая неоднородность, сильные регионалистские традиции ряда городов и областей, а также наличие на данной территории областей компактного проживания юго-тирольского и ладинского населения, которые давно и небезуспешно ведут борьбу за максимально широкую автономию. Сегодня на самом севере Падании всё больше слышны голоса сторонников воссоединения с Австрией районов Южного Тироля. Несмотря на политику «итализации», до сих пор больше двух третей населения этой провинции говорит на немецком языке. Подобная проблема знакома большинству стран с полиэтничным населением (Чехии, Сербии, Украине, Испании, Франции и т. д.), где превосходство государственного языка порождает проблему лингвистических и культурных привилегий этнических и национальных меньшинств.

Языковые права в контексте права народов на самоопределение

Право народов на самоопределение самым тесным образом связано с их языковыми правами. В современном мире только некоторые народы (типа каталонцев, басков) вовлечены в процесс обретения реальных языковых прав, что осуществляется в рамках предоставленной им автономии как одной из возможных форм воплощения права на самоопределение [см.: 8, с. 103].

В XX в. процессы централизации и унификации были связаны, в первую очередь, с приходом к власти в ряде европейских стран диктаторов-националистов и установлением там тоталитарных режимов. Это привело, с одной стороны, к централизации власти и укреплению государственности, но имело и оборотную сторону – подавление национальных особенностей регионов за счёт языковой унификации на основе государственного языка, устранение прав и свобод малых народов, лишение национальных территорий их прерогатив в самоуправлении. Такой период, например, в Каталонии, Валенсии и Эускадии пришёлся на годы правления Ф. Франко, а в Южном Тироле на период нахождения у власти Б. Муссолини, когда идентичность тирольцев подверглась наибольшему притеснению. Одной из причин усиления сепаратистских настроений по опыту ряда европейских стран можно назвать прессинг, который ошибочно начинают оказывать доминантные территории на национальную область. Например, причиной роста сепаратизма в Испании во время нахождения у власти Ф. Франко стала проводимая им национальная политика, направленная на усиление унитарной целостности новой Испанской державы в связи с насаждением там националистических и профашистских настроений. Результатом данной политики стало ущемление баскских национальных интересов (а также интересов других этнических групп). Это вылилось в запрещение баскам издавать книги, газеты, вести преподавание на эускера (баскский язык), давать детям баскские имена, вывешивать национальный флаг и т. п.

Наряду с искоренением национального языка закономерным становится подавление национальной культуры и традиций малых народов и замещение их культурой и традициями доминантной нации. В регионах, которые когда-то были независимы, а в составе государства пытаются отстаивать свою идентичность как раз за счёт сплочения нации вокруг своих традиций и языка, это воспринимается очень остро, особенно в молодёжной среде – наиболее лабильном и радикально

В регионах, которые когда-то были независимы, а в составе государства пытаются отстаивать свою идентичность как раз за счёт сплочения нации вокруг своих традиций и языка, подавление национальной культуры и традиций воспринимается очень остро, особенно в молодёжной среде – наиболее лабильном и радикально настроенном национальном сегменте.

настроенном национальном сегменте. Чем дальше этнический регион находится под натиском государства, тем сильнее этнос на этой территории ощущает себя в «осаждённой крепости», загнанным в угол, чуждым враждебному окружению. Ответная реакция проявляется в росте национализма и, если ситуация не улучшается, то он перерождается в сепаратизм. Появляются национальные движения, борющиеся за восстановление утраченных прав и привилегий народа.

Именно культурные и языковые притеснения в первую очередь приводят к всплеску сепаратистских настроений в регионе. Этнические меньшинства начинают с болезненной чувствительностью ощущать свою отторженность от той части государства, где проживает доминирующая нация. Чувство пребывания в «осаждённой крепости» довольно быстро приводит к тому, что на национальной территории у людей меняются политические настроения, наблюдается всплеск национализма и ксенофобии, территория сплачивается, и национальное меньшинство перестаёт ощущать себя равноправной частью государства.

Особую проблему составляет выживание и развитие языка, притом, что для того, чтобы сделать карьеру в стране, где государственным является язык суперэтноса, необходимо сконцентрироваться на изучении государственного языка в ущерб родному. Часто родители специально отдают детей в школы, где обучение ведётся на государственном языке, чтобы для них он стал основным инструментом общения вне родного окружения. В конечном счёте, это приводит к национальной ассимиляции в том случае, если усилия и государства, и самого малого народа не будут направлены на сохранение национальной самобытности лингвистической микрогруппы.

Мировая практика показывает, что наиболее существенных результатов в деле сохранения и развития языков достигают те государства, в которых на законодательном уровне принимаются специальные меры по защите языковых прав коренных народов и национальных меньшинств. Как подтверждает международный опыт, формированию межнациональной толерантности, развитию интеграционных процессов в обществе способствует двустороннее двуязычие, обеспечивающее нормальное сосуществование разных этносов в рамках единого государства. В связи с этим большую популярность в мире завоевывает система двуязычного образования, предусматривающая использование в качестве языков обучения двух, а иногда и более языков.

Эрозия нынешних государств в условиях глобализации чревата самыми серьёзными осложнениями в области взаимоотношений языковой сферы и политики. Политическая фрагментация не в состоянии «снять» ни актуальную, ни потенциальную конфликтность языковых (этноязыковых) отношений.

Мировая практика показывает, что наиболее существенных результатов в деле сохранения и развития языков достигают те государства, в которых на законодательном уровне принимаются специальные меры по защите языковых прав коренных народов и национальных меньшинств.

Эрозия нынешних государств в условиях глобализации чревата самыми серьёзными осложнениями в области взаимоотношений языковой сферы и политики.

Напротив, всякое дробление суверенитетов чревато взрывным умножением во всё новых количествах групп «большинства» и их притязаний на доминирование в политико-языковых процессах. Ещё более многочисленными окажутся группы «меньшинства», протестующие против своего притеснённого положения [см.: 9, с. 95].

Сегодня учёные всего мира обеспокоены тем, что за последние десятилетия на планете с небывалой скоростью происходит отмирание отдельных языков и культур. В ряде регионов мира существующие национальные конфликты характеризуются значительным присутствием в них языкового элемента. Именно поэтому на современном этапе важная роль отводится языковому регулированию и оптимизации отношений между субгосударственными образованиями и государствами, способствующими тому, чтобы принцип «единства в многообразии» нёс прогрессивный посыл, ведь *ibi victoria, ubi concordia*.

Библиографический список

1. Il De Vulgari Eloquentia [Электронный ресурс] // StudentVille. URL: http://appunti.studentville.it/approfondimenti/dante_e_le_opere-14/il_de_vulgari_eloquentia-273.htm (Дата посещения 11.04.2012).
2. Pertile L. Dante // The Cambridge History of Italian Literature. – Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
3. Егорова М. А. Проблема самоидентификации Севера Италии // Политика и общество. 2008. № 8 (50).
4. Egorova, M. North of Italy: the secession or federal reform? // Geopolitica. Bucureşti. 2008. Anul. VI. №. 28.
5. Dichiarazione Di Indipendenza E Sovranita Della Padania [Электронный ресурс] / Movimento Giovani Padani (Il sito ufficiale). URL: <http://www.giovanipadani.leganord.org/dichiarazione.asp> (Дата посещения 11.04.2012).
6. The Dialects of Italian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evolpub.com/Italiandialects/ITALdial.html> (Дата посещения 11.04.2012).
7. Huysseune M. Imagined Geographies: Political and Scientific Discourses on Italy's North-South Divide // Secession, History and the Social Sciences / Ed. by B. Coppeters and M. Huysseune. – Brussels: VUB Brussels University Press, 2002.
8. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). – Уфа: Китап, 2000.
9. Мухарьямова Л. М. Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003.

Summary

Olga Aksenova

Problems of the theoretical approach to analysis of Russian professional as social actor

Abstract

The article explores the theoretical and methodological issues of studying the Russian/Soviet actor operating as a professional manager. The author explores various interpretations of the managerial status in Western sociology and uses them to elaborate a theory pertinent for a description of the Russian professional manager and his or her space of action.

Keywords: actor, agent, system, technology, labor division, reflection, values, norms, decision making, modernity, postmodernism

Oleg Yanitsky

Professional as a social Actor: fortuitousness or something constant

Abstract

The article starts from the principles of activist sociology to analyze the theoretical and practical aspects of change that turns a professional scientist/scholar into a social actor. The article argues that in modern conditions the merger of above-mentioned roles is necessary and that sociologists are part of it. The empirical studies allow to explore the phases of such evolution.

Keywords: an activist, historical experience, phases of change, professionals, Russia

Irina Khaliy

Environmental movement in the Soviet Union: self-organization of professional environmentalists

Abstract

The paper reveals the causes of the formation in 1960-th of the informal student Nature protection guards and the Movement of Nature protection guards. It stresses that the goals of these structures were set on the basis of professional values of their members.

Keywords: social movement, activism, values, purposes, self-organization of the professionals

Edward Kul`pin

Life And Death of Vassily Dokuchaev: Ecological and Industrial Doctrines In the Soil Science

Abstract

The article dwells on the polemics between two founders of the Russian soil science – V. Dokuchaev and P. Kostychev. It demonstrates how scientists can be social actors and transcend the frame of their personal relations. The author shows how scientific arguments can be based on profound philosophical assumptions and finds expression in concrete technologies mediating the relations between Man and Nature.

Keywords: Socio-Natural History, modern natural sciences, soil science, the subject of social action, scientific community, bureaucracy, traditional stereotypes of behavior

Yury Gavrilov, Alexander Shevchenko

Quran in Russia: Translations and Interpreters

Abstract

The article tells the story of attempts to translate Quran – the sacred book of the Muslims – into Russian. The analysis of various translations and translators' biographies shows how translators influenced the understanding of Islam in the educated stratum of the Russian society in 18th-19th centuries and contributed to the integration of the elements of Islamic culture into Russian literature.

Keywords: Quran, Islam, translation, the Arab language, Russian literature, interpretation, exegesis

Oxana Rafaliuck

Russian modernist writers and their influence at religious outlook of the society (at the eve of XIX-XX centuries)

Abstract

This article focuses on the values of the key representatives of the Russian cultural and intellectual elite of the XIX-XX centuries. It shows how modernist writers developed their own understanding of Christian teleology, faith, asceticism, immutability of Orthodox dogmas, and the role of the Russia Orthodox Church. The values of modernist writers had a profound influence on spiritual climate in the pre-revolutionary Russian society.

Keywords: “Fin de siecle”, spiritual values, the Russian cultural elite, the Church, Christianity, religious reformation, the opposition of “the spirit and the flesh”, asceticism, Orthodoxy, Religious-philosophical meetings

Juryi Volkov

The origin and the present state of the Russian creative Class

Abstract

This article deals with the problem of formation of the Russian creative class, which, the author claims, capitalizes on its social qualities and direction of social activity to become the core and main agent of the Russia's social modernization.

Keywords: creative class, Russian society, social solidarity, social mutual assistance, social influence

Olga Aksenova

Activism of Russian professionals: social practices

Abstract

The paper presents the results of a study of the Russian actor-professional and the managerial system that unfolds as a field of his or her activities. The main dimensions of professional activism (values, norms, reflexivity, freedom, etc) are analyzed in historical perspective. The author argues that the relatively independent actor is a basic element of the Russian/Soviet model of industrial development.

Keywords: actor, agent, centralization, decentralization, reflection, norms, values, freedom, decision making process, industrial development

Kyrill Podyachev

Protest movement in Russia in the first decade of the 21st century: genesis and specifics

Abstract

The article argues from the position of modern political science that the analysis of the protest movements in Russia should be based not on the number of participants in public actions, but on the frequency and multiplicity of protests. It shows that the Russian protest movement had been widespread and active prior to the mass rallies of December 2011.

Keywords: protest, mass actions, civil society, political communications, civil disobedience

Maxim Vas`kov

Modern trends in the transformation of management culture in large companies of the South of Russia

Abstract

The author uses the results of the recent studies to support his claim that in the southern part of Russian an effective corporate management culture has not yet come to fruition.

Keywords: management, corporation, culture, employees, South Russian region, regional specifics

Julia Kudriavtzeva

Public-Private Partnership in the tourist industry: Russian and Foreign experience

Abstract

The article analyses how different forms of partnership in the tourism sector of Russian economy. It claims that private-state partnership can make the Russian tourist industry more attractive, competitive and better managed. The article analyzes international experience in building up private-state partnership and provides recommendations to improve the state of Russian tourism industry.

Keywords: Public-Private Partnership, tourism industry, state regulation of tourism, tourism development

Ekaterina Popova

“New concepts” in the sociology of education: the origin and operationalization

Abstract

The article focuses on the development and operationalization of the “new scientific concepts” used to improve the language of description in the sociology of education.

Keywords: sociology of education, “new concepts”, sociological research, conceptualization, operationalization, education

Maria Makusheva

The knowledge field of languages sociology

Abstract

The article outlines prospects of cross discipline research at the intersection of sociology and sociolinguistic, proposes a scheme of the analysis of language issues in sociology. The aim of the article is to prove the methodological significance of language data in sociology.

Keywords: language, speech, social group, social status, social structure, social practice, socialization

Mayja Egorova

The role of language in the process of national state formation: the experience of Italy

Abstract

The author uses the Italian case to illustrate the role of language in the formation of state institutions. The article claims that linguistic diversity can be both a cultural asset and a zone of conflict in modern societies.

Keywords: language, dialect, nation, ethnic minorities, secession, State, region, identity, literature, Italy, Padania, Northern League

Онлайн приложения

Петухов В. В.

Гражданское общество и власть:
сотрудничество или противостояние?

Ахиезер А. С.

Проблема реформы и проблема архаизации

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии РАН
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии РАН

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Перевод аннотаций на английский язык: Михаил Фёдорович Черныш

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>